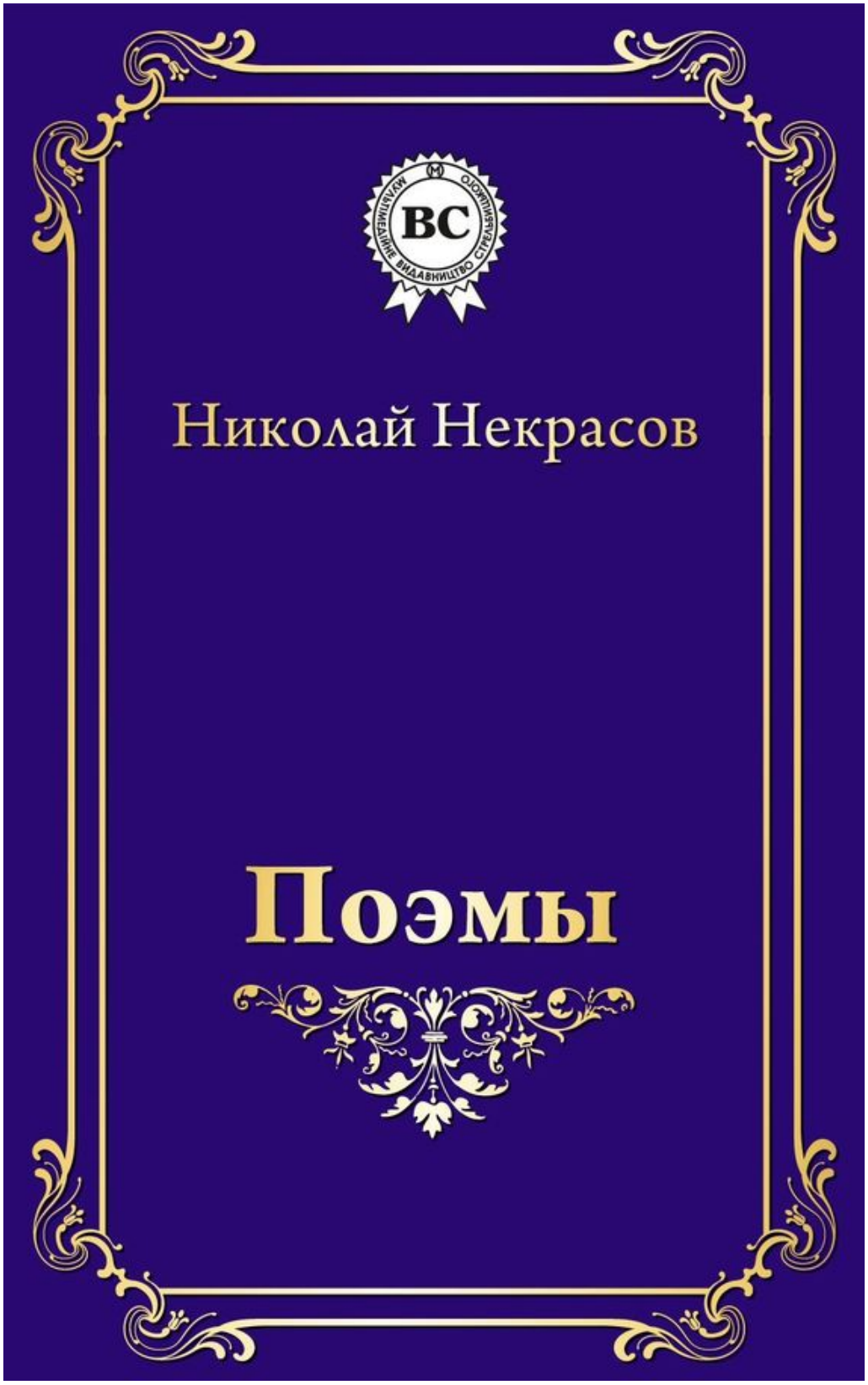
ВС
МУЛЬТИМЕДІЙНЕ ВИДАВНИЦТВО СТРІЛЬБИЦЬКОГО
Николай Некрасов
Поэмы

Николай Алексеевич Некрасов
Поэмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5019246

Аннотация

В книгу «Сочинения» известного русского писателя и поэта Николая Некоасова вошли три самых известных его произведения – «Кому на Руси жить хорошо», «Русские женщины» и «Мороз, красный нос», а также большой цикл стихотворений.

Книга «Русские Женщины» посвящена трагической судьбе жен декабристов, которые пошли за своими мужьями в сибирскую каторгу, В «Кому на Руси жить хорошо» раскрывается многообразие жизни на Руси в 1860 гг..

Наиболее выдержанным произведением Н. Некрасова является «Мороз, Красный нос». Это – воспевание образа русской крестьянки, в которой автор усматривает исчезающий тип «величавой славянки». Поэма рисует только светлые стороны крестьянской натуры и благодаря строгой выдержанности стиля в ней нет ничего сентиментального.

Содержание

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО 6
ПРОЛОГ 6
ГЛАВА I. ПОП 16
ГЛАВА II. СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА [16] 27
ГЛАВА III. ПЬЯНАЯ НОЧЬ 38
ГЛАВА IV. СЧАСТЛИВЫЕ 49
ГЛАВА V. ПОМЕЩИК 67
КРЕСТЬЯНКА 81
ПРОЛОГ 81
ГЛАВА I. ДО ЗАМУЖЕСТВА 90
ГЛАВА II. ПЕСНИ 95
ГЛАВА III. САВЕЛИЙ, БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКИЙ 100
ГЛАВА IV. ДЕМУШКА 110
ГЛАВА V. ВОЛЧИЦА 119
ГЛАВА VI. ТРУДНЫЙ ГОД 126
ГЛАВА VII. ГУБЕРНАТОРША 131
Глава VIII. БАБЬЯ ПРИТЧА 138
ПОСЛЕДЫШ 142
ПИР – НА ВЕСЬ МИР 173
ВСТУПЛЕНИЕ 173
ВЕСЕЛАЯ 176
БАРЩИННАЯ 178
ПРО ХОЛОПА ПРИМЕРНОГО – ЯКОВА ВЕРНОГО 180
О ДВУХ ВЕЛИКИХ ГРЕШНИКАХ 190
КРЕСТЬЯНСКОЙ ГРЕХ 193
ГОЛОДНАЯ 195
ЭПИЛОГ 206
МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС 216
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА 218
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС 229
РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ 243
КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ 243
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 243
ЧАСТЬ ВТОРАЯ 252
КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОНСКАЯ 262
ГЛАВА I 262
ГЛАВА II 265
ГЛАВА III 271
ГЛАВА IV 276
ГЛАВА V 282
ГЛАВА VI 287
СТИХОТВОРЕНИЯ 294
СМЕРТИ 294
СМУГЛЯНКЕ 296
НАШ ВЕК 298
ПЬЯНИЦА 300

СОВРЕМЕННАЯ ОДА 301
ОГОРОДНИК 303
ТРОЙКА 305
РОДИНА 307
ПСОВАЯ ОХОТА 309
НРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК 317
ФИЛАНТРОП 323
БУРЯ 327
НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА 328
ВЛАС 329
ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ 332
ПОЭТ И ГРАЖДАНИН 335
ПРОСТИ 343
ШКОЛЬНИК 344
УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ 346
РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА 350
ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ 354
ПАПАША 357
ПЛАЧ ДЕТЕЙ 362
НА ВОЛГЕ 363
НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО 370
ПОХОРОНЫ 371
КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ 373
ДУМА 380
СВОБОДА 382
РЫЦАРЬ НА ЧАС 383
ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ1 389
ЧТО ДУМАЕТ СТАРУХА, 391
КАЛИСТРАТ 392
ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА 394
ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА 399
О ПОГОДЕ 400
БАЛЕТ 419
ОСИПУ ИВАНОВИЧУ КОМИССАРОВУ 429
ПЕСНИ 430
ЕЩЕ ТРОЙКА 435
С РАБОТЫ 437
КУЗНЕЦ 439
СТИХОТВОРЕНИЯ ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ 440
ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ 447
СОЛОВЬИ 452
НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА 454
УТРО 457
ПУТЕШЕСТВЕННИК 459
ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ 460
ЭЛЕГИЯ 461
ПРОРОК 463
ПОЭТУ 464
КАК ПРАЗДНУЮТ ТРУСУ 465

	3‹И›НЕ	466
	СЕЯТЕЛЯМ	467
	МОЛЕБЕН	468
	ПОЭТУ	469
	ОСЕНЬ	470
2		471

Николай Алексеевич Некрасов
Поэмы

КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО

ПРОЛОГ

В каком году – рассчитывай,
В какой земле – угадывай,
На столбовой дороженьке
Сошлись семь мужиков:
Семь временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож,
Сошлися – и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?

Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу.
Купчине толстопузому! —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Старик Пахом потужился
И молвил, в землю глядючи:
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю…

Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: упираются,
Всяк на своем стоит!
Такой ли спор затеяли,
Что думают прохожие —
Знать, клад нашли ребятушки
И делят меж собой…

По делу всяк по своему
До полдня вышел из дому:
Тот путь держал до кузницы,
Тот шел в село Иваньково
Позвать отца Прокофия
Ребенка окрестить.
Пахом соты медовые
Нес на базар в Великое,
А два братана Губины
Так просто с недоуздочком
Ловить коня упрямого
В свое же стадо шли.
Давно пора бы каждому
Вернуть своей дорогою —
Они рядком идут!
Идут, как будто гонятся
За ними волки серые,
Что дале – то скорей.
Идут – перекоряются!
Кричат – не образумятся!
А времечко не ждет.

За спором не заметили,
Как село солнце красное,
Как вечер наступил.
Наверно б ночку целую
Так шли – куда не ведая,
Когда б им баба встречная,
Корявая Дурандиха,
Не крикнула: «Почтенные!
Куда вы на ночь глядючи
Надумали идти?..»

Спросила, засмеялася,
Хлестнула, ведьма, мерина
И укатила вскачь…

«Куда?..» – переглянулися
Тут наши мужики,
Стоят, молчат, потупились…
Уж ночь давно сошла,
Зажглися звезды частые
В высоких небесах,
Всплыл месяц, тени черные
Дорогу перерезали
Ретивым ходокам.
Ой тени! тени черные!
Кого вы не нагоните?
Кого не перегоните?

Вас только, тени черные,
Нельзя поймать – обнять!

На лес, на путь-дороженьку
Глядел, молчал Пахом,
Глядел – умом раскидывал
И молвил наконец:

«Ну! леший шутку славную
Над нами подшутил!
Никак ведь мы без малого
Верст тридцать отошли!
Домой теперь ворочаться —
Устали – не дойдем,
Присядем, – делать нечего.
До солнца отдохнем!..»

Свалив беду на лешего,
Под лесом при дороженьке
Уселись мужики.
Зажгли костер, сложилися,
За водкой двое сбегали,
А прочие покудова
Стаканчик изготовили,
Бересты понадрав.
Приспела скоро водочка.
Приспела и закусочка —
Пируют мужички!

Косушки [1] по три выпили,
Поели – и заспорили
Опять: кому жить весело,
Вольготно на Руси?
Роман кричит: помещику,
Демьян кричит: чиновнику,
Лука кричит: попу;
Купчине толстопузому, —
Кричат братаны Губины,
Иван и Митродор;
Пахом кричит: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров кричит: царю!

Забрало пуще прежнего
Задорных мужиков,
Ругательски ругаются,

[1] Косушка – старинная мера жидкости, примерно 0,31 литра.

Немудрено, что вцепятся
Друг другу в волоса…

Гляди – уж и вцепилися!
Роман тузит Пахомушку,
Демьян тузит Луку.
А два братана Губины
Утюжат Прова дюжего, —
И всяк свое кричит!

Проснулось эхо гулкое,
Пошло гулять-погуливать,
Пошло кричать-покрикивать,
Как будто подзадоривать
Упрямых мужиков.
Царю! – направо слышится,
Налево отзывается:
Попу! попу! попу!
Весь лес переполошился,
С летающими птицами,
Зверями быстроногими
И гадами ползущими, —
И стон, и рев, и гул!

Всех прежде зайка серенький
Из кустика соседнего
Вдруг выскочил, как встрепанный,
И наутек пошел!
За ним галчата малые
Вверху березы подняли
Противный, резкий писк.
А тут еще у пеночки
С испугу птенчик крохотный
Из гнездышка упал;
Щебечет, плачет пеночка,
Где птенчик? – не найдет!
Потом кукушка старая
Проснулась и надумала
Кому-то куковать;
Раз десять принималася,
Да всякий раз сбивалася
И начинала вновь…
Кукуй, кукуй, кукушечка!
Заколосится хлеб,
Подавишься ты колосом —
Не будешь куковать! [2]
Слетелися семь филинов,

[2] Кукушка перестает куковать, когда заколосится хлеб («подавившись колосом», говорит народ).

Любуются побоищем
С семи больших дерев,
Хохочут, полуночники!
А их глазищи желтые
Горят, как воску ярого
Четырнадцать свечей!
И ворон, птица умная,
Приспел, сидит на дереве
У самого костра.
Сидит и черту молится,
Чтоб до смерти ухлопали
Которого-нибудь!
Корова с колокольчиком,
Что с вечера отбилася
От стада, чуть послышала
Людские голоса —
Пришла к костру, уставила
Глаза на мужиков,
Шальных речей послушала
И начала, сердечная,
Мычать, мычать, мычать!

Мычит корова глупая,
Пищат галчата малые.
Кричат ребята буйные,
А эхо вторит всем.
Ему одна заботушка —
Честных людей поддразнивать,
Пугать ребят и баб!
Никто его не видывал,
А слышать всякий слыхивал,
Без тела – а живет оно,
Без языка – кричит!

Сова – замоскворецкая
Княгиня – тут же мычется,
Летает над крестьянами,
Шарахаясь то о землю,
То о кусты крылом…

Сама лисица хитрая,
По любопытству бабьему,
Подкралась к мужикам,
Послушала, послушала
И прочь пошла, подумавши:
«И черт их не поймет!»
И вправду: сами спорщики
Едва ли знали, помнили —
О чем они шумят…

Намяв бока порядочно
Друг другу, образумились
Крестьяне наконец,
Из лужицы напилися,
Умылись, освежилися,
Сон начал их кренить…
Тем часом птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
К костру подобрался.

Поймал его Пахомушка,
Поднес к огню, разглядывал
И молвил: «Пташка малая,
А ноготок востер!
Дыхну – с ладони скатишься,
Чихну – в огонь укатишься,
Щелкну – мертва покатишься,
А все ж ты, пташка малая,
Сильнее мужика!
Окрепнут скоро крылышки,
Тю-тю! куда ни вздумаешь,
Туда и полетишь!
Ой ты, пичуга малая!
Отдай свои нам крылышки,
Все царство облетим,
Посмотрим, поразведаем,
Поспросим – и дознаемся:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?»

«Не надо бы и крылышек,
Кабы нам только хлебушка
По полупуду в день, —
И так бы мы Русь-матушку
Ногами перемеряли!» —
Сказал угрюмый Пров.

«Да по ведру бы водочки», —
Прибавили охочие
До водки братья Губины,
Иван и Митродор.

«Да утром бы огурчиков
Соленых по десяточку», —
Шутили мужики.
«А в полдень бы по жбанчику
Холодного кваску».

«А вечером по чайничку
Горячего чайку…»

Пока они гуторили,
Вилась, кружилась пеночка
Над ними: все прослушала
И села у костра.
Чивикнула, подпрыгнула
И человечьим голосом
Пахому говорит:

«Пусти на волю птенчика!
За птенчика за малого
Я выкуп дам большой».

– А что ты дашь? —
«Дам хлебушка
По полупуду в день,
Дам водки по ведерочку,
Поутру дам огурчиков,
А в полдень квасу кислого,
А вечером чайку!»

– А где, пичуга малая, —
Спросили братья Губины, —
Найдешь вина и хлебушка
Ты на семь мужиков? —

«Найти – найдете сами вы.
А я, пичуга малая,
Скажу вам, как найти».

– Скажи! —
«Идите по лесу,
Против столба тридцатого
Прямехонько версту:
Придете на поляночку,
Стоят на той поляночке
Две старые сосны,
Под этими под соснами
Закопана коробочка.
Добудьте вы ее, —
Коробка та волшебная:
В ней скатерть самобраная,
Когда ни пожелаете,
Накормит, напоит!
Тихонько только молвите:
«Эй! скатерть самобраная!

Попотчуй мужиков!»
По вашему хотению,
По моему велению,
Все явится тотчас.
Теперь – пустите птенчика!»

– Постой! мы люди бедные,
Идем в дорогу дальную, —
Ответил ей Пахом. —
Ты, вижу, птица мудрая,
Уважь – одежу старую
На нас заворожи!

– Чтоб армяки мужицкие
Носились, не сносилися! —
Потребовал Роман.

– Чтоб липовые лапотки
Служили, не разбилися, —
Потребовал Демьян.

– Чтоб вошь, блоха паскудная
В рубахах не плодилася, —
Потребовал Лука.

– Не прели бы онученьки… —
Потребовали Губины…

А птичка им в ответ:
«Все скатерть самобраная
Чинить, стирать, просушивать
Вам будет… Ну, пусти!..»

Раскрыв ладонь широкую,
Пахом птенца пустил.
Пустил – и птенчик крохотный,
Помалу, по полсаженки,
Низком перелетаючи,
Направился к дуплу.
За ним взвилася пеночка
И на лету прибавила:
«Смотрите, чур, одно!
Съестного сколько вынесет
Утроба – то и спрашивай,
А водки можно требовать
В день ровно по ведру.
Коли вы больше спросите,
И раз и два – исполнится
По вашему желанию,

А в третий быть беде!»
И улетела пеночка
С своим родимым птенчиком,
А мужики гуськом
К дороге потянулися
Искать столба тридцатого.
Нашли! – Молчком идут
Прямехонько, вернехонько
По лесу по дремучему,
Считают каждый шаг.
И как версту отмеряли,
Увидели поляночку —
Стоят на той поляночке
Две старые сосны…
Крестьяне покопалися,
Достали ту коробочку,
Открыли – и нашли
Ту скатерть самобраную!
Нашли и разом вскрикнули:
«Эй, скатерть самобраная!
Попотчуй мужиков!»
Глядь – скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.
«А что же нет огурчиков?»
«Что нет чайку горячего?»
«Что нет кваску холодного?»
Все появилось вдруг…
Крестьяне распоясались,
У скатерти уселися.
Пошел тут пир горой!
На радости целуются,
Друг дружке обещаются
Вперед не драться зря,
А с толком дело спорное
По разуму, по-божески,
На чести повести —
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда делу спорному
Решенья не найдут,
Покуда не доведают
Как ни на есть доподлинно:
Кому живется счастливо,

Вольготно на Руси?
Зарок такой поставивши,
Под утро как убитые
Заснули мужики…

ГЛАВА I. ПОП

Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Далеко протянулася,
Песчана и глуха.
По сторонам дороженьки
Идут холмы пологие
С полями, с сенокосами,
А чаще с неудобною,
Заброшенной землей;
Стоят деревни старые,
Стоят деревни новые,
У речек, у прудов…
Леса, луга поемные [3],

Ручьи и реки русские
Весною хороши.
Но вы, поля весенние!
На ваши всходы бедные
Невесело глядеть!
«Недаром в зиму долгую
(Толкуют наши странники)
Снег каждый день валил.
Пришла весна – сказался снег!
Он смирен до поры:
Летит – молчит, лежит – молчит,
Когда умрет, тогда ревет.
Вода – куда ни глянь!
Поля совсем затоплены,
Навоз возить – дороги нет,
А время уж не раннее —
Подходит месяц май!»
Нелюбо и на старые,
Больней того на новые
Деревни им глядеть.
Ой избы, избы новые!
Нарядны вы, да строит вас
Не лишняя копеечка,
А кровная беда!..

С утра встречались странникам
Все больше люди малые:
Свой брат крестьянин-лапотник,

[3] Поемные луга – расположенные в пойме реки. Когда спадала заливавшая их во время паводка река, на почве оставался слой естественных удобрений, поэтому и поднимались здесь высокие травы. Такие луга особенно ценились.

Мастеровые, нищие,
Солдаты, ямщики.
У нищих, у солдатиков
Не спрашивали странники,
Как им – легко ли, трудно ли
Живется на Руси?
Солдаты шилом бреются,
Солдаты дымом греются —
Какое счастье тут?..

Уж день клонился к вечеру,
Идут путем-дорогою,
Навстречу едет поп.

Крестьяне сняли шапочки.
Низенько поклонилися,
Повыстроились в ряд
И мерину саврасому
Загородили путь.
Священник поднял голову,
Глядел, глазами спрашивал:
Чего они хотят?

«Небось! мы не грабители!» —
Сказал попу Лука.
(Лука – мужик присадистый,
С широкой бородищею.
Упрям, речист и глуп.
Лука похож на мельницу:
Одним не птица мельница,
Что, как ни машет крыльями,
Небось не полетит.)

«Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Окольных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож.
Идем по делу важному:
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.

Ты дай нам слово верное
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По совести, по разуму,
По правде отвечать,
Не то с своей заботушкой
К другому мы пойдем…»

– Даю вам слово верное:
Коли вы дело спросите,
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать.
Аминь!.. —

«Спасибо. Слушай же!
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлися и заспорили:
Кому живется весело,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
А я сказал: попу.
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему
Вельможному боярину,
Министру государеву.
А Пров сказал: царю…
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь: как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши – повздорили,
Повздоривши – подралися,
Подравшися – одумали:
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть – доподлинно:
Кому жить любо-весело,

Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески:
Сладка ли жизнь поповская?
Ты как – вольготно, счастливо
Живешь, честной отец?..»

Потупился, задумался,
В тележке сидя, поп
И молвил: – Православные!
Роптать на Бога грех,
Несу мой крест с терпением,
Живу… а как? Послушайте!
Скажу вам правду-истину,
А вы крестьянским разумом
Смекайте! —
«Начинай!»

– В чем счастие, по вашему?
Покой, богатство, честь —
Не так ли, други милые?

Они сказали: «Так»…

– Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *покой?*
Начать, признаться, надо бы
Почти с рожденья самого,
Как достается грамота
поповскому сынку,
Какой ценой поповичем
Священство [4] покупается,
Да лучше помолчим!
. . .
. . .

Дороги наши трудные.
Приход [5] у нас большой.
Болящий, умирающий,
Рождающийся в мир
Не избирают времени:
В жнитво и в сенокос,
В глухую ночь осеннюю,
Зимой, в морозы лютые,
И в половодье вешнее —
Иди куда зовут!

[4] Имеется в виду то обстоятельство, что до 1869 г. выпускник семинарии мог получить приход лишь в том случае, когда женился на дочери священника, оставившего свой приход. Считалось, что таким образом поддерживается «чистота сословия».

[5] Приход – объединение верующих.

Идешь безотговорочно.
И пусть бы только косточки
Ломалися одни, —
Нет! всякий раз намается,
Переболит душа.
Не верьте, православные,
Привычке есть предел:
Нет сердца, выносящего
Без некоего трепета
Предсмертное хрипение,
Надгробное рыдание,
Сиротскую печаль!
Аминь!.. Теперь подумайте.
Каков попу покой?..

Крестьяне мало думали,
Дав отдохнуть священнику,
Они с поклоном молвили:
«Что скажешь нам еще?»

– Теперь посмотрим, братия,
Каков попу *почет?*
Задача щекотливая,
Не прогневить бы вас…

Скажите, православные,
Кого вы называете
Породой жеребячьею?
Чур! отвечать на спрос!

Крестьяне позамялися.
Молчат – и поп молчит…

– С кем встречи вы боитеся,
Идя путем-дорогою?
Чур! отвечать на спрос!

Кряхтят, переминаются,
Молчат!
– О ком слагаете
Вы сказки балагурные,
И песни непристойные,
И всякую хулу?..

Мать-попадью степенную,
Попову дочь безвинную,
Семинариста всякого —
Как чествуете вы?
Кому вдогон, как мерину,

Кричите: го-го-го?..

Потупились ребятушки,
Молчат – и поп молчит…
Крестьяне думу думали,
А поп широкой шляпою
В лицо себе помахивал
Да на небо глядел.
Весной, что внуки малые,
С румяным солнцем-дедушкой
Играют облака:
Вот правая сторонушка
Одной сплошною тучею
Покрылась – затуманилась,
Стемнела и заплакала:
Рядами нити серые
Повисли до земли.
А ближе, над крестьянами,
Из небольших, разорванных,
Веселых облачков
Смеется солнце красное,
Как девка из снопов.
Но туча передвинулась,
Поп шляпой накрывается —
Быть сильному дождю.
А правая сторонушка
Уже светла и радостна,
Там дождь перестает.
Не дождь, там чудо божие:
Там с золотыми нитками
Развешаны мотки…

«Не сами… по родителям
Мы так-то…» – братья Губины
Сказали наконец.
И прочие поддакнули:
«Не сами, по родителям!»
А поп сказал: – Аминь!
Простите, православные!
Не в осужденье ближнего,
А по желанью вашему
Я правду вам сказал.
Таков почет священнику
В крестьянстве. А помещики…

«Ты мимо их, помещиков!
Известны нам они!»

– Теперь посмотрим, братия,

Откудова *богачество*
Поповское идет?..
Во время недалекое
Империя российская
Дворянскими усадьбами
Была полным-полна.
И жили там помещики,
Владельцы именитые,
Каких теперь уж нет!
Плодилися и множились
И нам давали жить.
Что свадеб там игралося,
Что деток нарождалося
На даровых хлебах!
Хоть часто крутонравные,
Однако доброхотные
То были господа,
Прихода не чуждалися:
У нас они венчалися,
У нас крестили детушек,
К нам приходили каяться,
Мы отпевали их,
А если и случалося,
Что жил помещик в городе,
Так умирать наверное
В деревню приезжал.
Коли умрет нечаянно,
И тут накажет накрепко
В приходе схоронить.
Глядишь, ко храму сельскому
На колеснице траурной
В шесть лошадей наследники
Покойника везут —
Попу поправка добрая,
Мирянам праздник праздником…
А ныне уж не то!
Как племя иудейское,
Рассеялись помещики
По дальней чужеземщине
И по Руси родной.
Теперь уж не до гордости
Лежать в родном владении
Рядком с отцами, с дедами,
Да и владенья многие
Барышникам пошли.
Ой холеные косточки
Российские, дворянские!
Где вы не позакопаны?
В какой земле вас нет?

Потом, статья… раскольники [6]…
Не грешен, не живился я
С раскольников ничем.
По счастью, нужды не было:
В моем приходе числится
Живущих в православии
Две трети прихожан [7].
А есть такие волости,
Где сплошь почти раскольники,
Так тут как быть попу?

Все в мире переменчиво,
Прейдет и самый мир…
Законы, прежде строгие
К раскольникам, смягчилися,
А с ними и поповскому
Доходу мат [8] пришел.
Перевелись помещики,
В усадьбах не живут они
И умирать на старости
Уже не едут к нам.
Богатые помещицы,
Старушки богомольные,
Которые повымерли,
Которые пристроились
Вблизи монастырей,
Никто теперь подрясника
Попу не подарит!
Никто не вышьет воздухов [9]…
Живи с одних крестьян,
Сбирай мирские гривенки,
Да пироги по праздникам,
Да яйца о святой.
Крестьянин сам нуждается,
И рад бы дать, да нечего…

А то еще не всякому
И мил крестьянский грош.
Угоды наши скудные,
Пески, болота, мхи,
Скотинка ходит впроголодь,
Родится хлеб сам-друг [10],

[6] Раскольники – противники реформ патриарха Никона (XVII в.).

[7] Прихожане – постоянные посетители церковного прихода.

[8] Мат – зд.: конец. Мат – конец игры в шахматах.

[9] Воздухи – вышитые покрывала из бархата, парчи или шелка, применявшиеся при совершении церковных обрядов.

[10] Сам – первая часть неизменяемых сложных прилагательных с числительными порядковыми или количественными,

А если и раздобрится
Сыра земля-кормилица,
Так новая беда:
Деваться с хлебом некуда!
Припрет нужда, продашь его
За сущую безделицу,
А там – неурожай!
Тогда плати втридорога,
Скотинку продавай.
Молитесь, православные!
Грозит беда великая
И в нынешнем году:
Зима стояла лютая,
Весна стоит дождливая,
Давно бы сеять надобно,
А на полях – вода!
Умилосердись, господи!
Пошли крутую радугу
На наши небеса [11]!
(Сняв шляпу, пастырь крестится,
И слушатели тож.)
Деревни наши бедные,
А в них крестьяне хворые
Да женщины печальницы,
Кормилицы, поилицы,
Рабыни, богомолицы
И труженицы вечные,
Господь прибавь им сил!
С таких трудов копейками
Живиться тяжело!
Случается, к недужному
Придешь: не умирающий,
Страшна семья крестьянская
В тот час, как ей приходится
Кормильца потерять!
Напутствуешь усопшего
И поддержать в оставшихся
По мере сил стараешься
Дух бодр! А тут к тебе
Старуха, мать покойника,
Глядь, тянется с костлявою,
Мозолистой рукой.
Душа переворотится,
Как звякнут в этой рученьке
Два медных пятака [12]!

со значением «во столько-то раз больше». Хлеб сам-друг – урожай, в два раза больший, чем количество посеянного зерна.

[11] Крутая радуга – к вёдру; пологая – к дождю.

[12] Пятак – медная монета достоинством 5 копеек.

Конечно, дело чистое —
За требу [13] воздаяние,
Не брать – так нечем жить.
Да слово утешения
Замрет на языке,
И словно как обиженный
Уйдешь домой… Аминь…

Покончил речь – и мерина
Хлестнул легонько поп.
Крестьяне расступилися,
Низенько поклонилися.
Конь медленно побрел.
А шестеро товарищей,
Как будто сговорилися,
Накинулись с упреками,
С отборной крупной руганью
На бедного Луку:
– Что, взял? башка упрямая!
Дубина деревенская!
Туда же лезет в спор! —
«Дворяне колокольные —
Попы живут по-княжески.
Идут под небо самое
Поповы терема,
Гудит попова вотчина —
Колокола горластые —
На целый божий мир.
Три года я, робятушки,
Жил у попа в работниках,
Малина – не житье!
Попова каша – с маслицем.
Попов пирог – с начинкою,
Поповы щи – с снетком [14]!
Жена попова толстая,
Попова дочка белая,
Попова лошадь жирная,
Пчела попова сытая,
Как колокол гудёт!»
– Ну, вот тебе хваленое
Поповское житье!
Чего орал, куражился?
На драку лез, анафема [15]?
Не тем ли думал взять,
Что борода лопатою?

[13] Треба – «отправление таинства или священного обряда» (В.И. Даль).

[14] Снеток – дешевая мелкая рыбка, озерная корюшка.

[15] Анафема – церковное проклятие.

Так с бородой козел
Гулял по свету ранее,
Чем праотец Адам,
А дураком считается
И посейчас козел!..

Лука стоял, помалчивал,
Боялся, не наклали бы
Товарищи в бока.
Оно быть так и сталося,
Да к счастию крестьянина
Дорога позагнулася —
Лицо попово строгое
Явилось на бугре…

ГЛАВА II. СЕЛЬСКАЯ ЯРМОНКА [16]

Недаром наши странники
Поругивали мокрую,
Холодную весну.
Весна нужна крестьянину
И ранняя и дружная,
А тут – хоть волком вой!
Не греет землю солнышко,
И облака дождливые,
Как дойные коровушки,
Идут по небесам.
Согнало снег, а зелени
Ни травки, ни листа!
Вода не убирается,
Земля не одевается
Зеленым ярким бархатом
И, как мертвец без савана,
Лежит под небом пасмурным
Печальна и нага.

Жаль бедного крестьянина,
А пуще жаль скотинушку;
Скормив запасы скудные,
Хозяин хворостиною
Прогнал ее в луга,
А что там взять? Чернехонько!
Лишь на Николу вешнего [17]
Погода поуставилась,
Зеленой свежей травушкой
Полакомился скот.

День жаркий. Под березками
Крестьяне пробираются,
Гуторят меж собой:
«Идем одной деревнею,
Идем другой – пустехонько!
А день сегодня праздничный,
Куда пропал народ?..»
Идут селом – на улице
Одни ребята малые,
В домах – старухи старые,
А то и вовсе заперты
Калитки на замок.

[16] Ярмонка– т. е. ярмарка.

[17] Никола вешний – религиозный праздник, отмечавшийся 9 мая по старому стилю (22 мая по новому стилю).

Замок – собачка верная:
Не лает, не кусается,
А не пускает в дом!
Прошли село, увидели
В зеленой раме зеркало:
С краями полный пруд.
Над прудом реют ласточки;
Какие-то комарики,
Проворные и тощие,
Вприпрыжку, словно посуху,
Гуляют по воде.
По берегам, в ракитнике,
Коростели скрипят.
На длинном, шатком плотике
С вальком поповна толстая
Стоит, как стог подщипанный,
Подтыкавши подол.
На этом же на плотике
Спит уточка с утятами…
Чу! лошадиный храп!
Крестьяне разом глянули
И над водой увидели
Две головы: мужицкую.
Курчавую и смуглую,
С серьгой (мигало солнышко
На белой той серьге),
Другую – лошадиную
С веревкой сажен в пять.
Мужик берет веревку в рот,
Мужик плывет – и конь плывет,
Мужик заржал – и конь заржал.
Плывут, орут! Под бабою,
Под малыми утятами
Плот ходит ходенем.

Догнал коня – за холку хвать!
Вскочил и на луг выехал
Детина: тело белое,
А шея как смола;
Вода ручьями катится
С коня и с седока.

«А что у вас в селении
Ни старого ни малого,
Как вымер весь народ?»
– Ушли в село Кузьминское,
Сегодня там и ярмонка
И праздник храмовой. —
«А далеко Кузьминское?»

– Да будет версты три.

«Пойдем в село Кузьминское,
Посмотрим праздник-ярмонку!» —
Решили мужики,
А про себя подумали:
«Не там ли он скрывается,
Кто счастливо живет?..»

Кузьминское богатое,
А пуще того – грязное
Торговое село.
По косогору тянется,
Потом в овраг спускается.
А там опять на горочку —
Как грязи тут не быть?
Две церкви в нем старинные,
Одна старообрядская,
Другая православная,
Дом с надписью: училище,
Пустой, забитый наглухо,
Изба в одно окошечко,
С изображеньем фельдшера,
Пускающего кровь.
Есть грязная гостиница,
Украшенная вывеской
(С большим носатым чайником
Поднос в руках подносчика,
И маленькими чашками,
Как гусыня гусятами,
Тот чайник окружен),
Есть лавки постоянные
Вподобие уездного
Гостиного двора…

Пришли на площадь странники:
Товару много всякого
И видимо-невидимо
Народу! Не потеха ли?
Кажись, нет ходу крестного [18],
А, словно пред иконами,
Без шапок мужики.
Такая уж сторонушка!
Гляди, куда деваются
Крестьянские шлыки [19]:

[18] Крестный ход – торжественное шествие верующих с крестами, иконами, хоругвями.

[19] Шлык – «шапка, шапчонка, чепец, колпак» (В.И. Даль).

Помимо складу винного,
Харчевни, ресторации,
Десятка штофных лавочек,
Трех постоялых двориков,
Да «ренскового погреба»,
Да пары кабаков [20].
Одиннадцать кабачников
Для праздника поставили
Палатки [21] на селе.
При каждой пять подносчиков;
Подносчики – молодчики
Наметанные, дошлые,
А все им не поспеть,
Со сдачей не управиться!
Гляди, что́ протянулося
Крестьянских рук со шляпами,
С платками, с рукавицами.
Ой жажда православная,
Куда ты велика!
Лишь окатить бы душеньку,
А там добудут шапочки,
Как отойдет базар.

По пьяным по головушкам
Играет солнце вешнее…
Хмельно, горластно, празднично,
Пестро, красно кругом!
Штаны на парнях плисовы,
Жилетки полосатые,
Рубахи всех цветов;
На бабах платья красные,
У девок косы с лентами,
Лебедками плывут!
А есть еще затейницы,
Одеты по-столичному —
И ширится, и дуется
Подол на обручах!
Заступишь – расфуфырятся!
Вольно же, новомодницы,
Вам снасти рыболовные
Под юбками носить!
На баб нарядных глядючи,
Старообрядка злющая
Товарке говорит:
«Быть голоду! быть голоду!
Дивись, как всходы вымокли,

[20] Кабак – «питейный дом, место продажи водки, иногда также пива и меду» (В.И. Даль).

[21] Палатка – временное помещение для торговли, обычно – легкий остов, покрытый холстом, позже – брезентом.

Что половодье вешнее
Стоит до Петрова!
С тех пор, как бабы начали
Рядиться в ситцы красные, —
Леса не подымаются,
А хлеба хоть не сей!»

– Да чем же ситцы красные
Тут провинились, матушка?
Ума не приложу! —
«А ситцы те французские [22] —
Собачьей кровью крашены!
Ну… поняла теперь?..»

По конной [23] потолкался,
По взгорью, где навалены
Косули [24], грабли, бороны,
Багры, станки тележные [25],
Ободья, топоры.
Там шла торговля бойкая,
С божбою, с прибаутками,
С здоровым, громким хохотом.
И как не хохотать?
Мужик какой-то крохотный
Ходил, ободья пробовал:
Погнул один – не нравится,
Погнул другой, потужился.
А обод как распрямится —
Щелк по лбу мужика!
Мужик ревет над ободом,
«Вязовою дубиною»
Ругает драчуна.
Другой приехал с разною
Поделкой деревянною —
И вывалил весь воз!
Пьяненек! Ось сломалася,
А стал ее уделывать —
Топор сломал! Раздумался
Мужик над топором,
Бранит его, корит его,
Как будто дело делает:
«Подлец ты, не топор!
Пустую службу, плевую

[22] Французские ситцы – ситцы пунцового цвета, обычно окрашенные с использованием марены, краски из корней травянистого многолетнего растения.

[23] Конная – часть ярмарки, на которой торговали лошадьми.

[24] Косуля – вид тяжелой сохи или легкого плуга с одним лемехом, который отваливал землю только в одну сторону. В России косуля обычно применялась в северо-восточных районах.

[25] Станок тележный – основная часть четырехколесной повозки, телеги. На ней держится кузов, колеса и оси.

И ту не сослужил.
Всю жизнь свою ты кланялся,
А ласков не бывал!»

Пошли по лавкам странники:
Любуются платочками,
Ивановскими ситцами,
Шлеями [26], новой обувью,
Изделием кимряков [27].
У той сапожной лавочки
Опять смеются странники:
Тут башмачки козловые
Дед внучке торговал,
Пять раз про цену спрашивал,
Вертел в руках, оглядывал:
Товар первейший сорт!
«Ну, дядя! два двугривенных
Плати, не то проваливай!» —
Сказал ему купец.
– А ты постой! – Любуется
Старик ботинкой крохотной,
Такую держит речь:
– Мне зять – плевать, и дочь смолчит,
Жена – плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль! Повесилась
На шею, егоза:
«Купи гостинчик, дедушка.
Купи!» – Головкой шелковой
Лицо щекочет, ластится,
Целует старика.
Постой, ползунья босая!
Постой, юла! Козловые
Ботиночки куплю…
Расхвастался Вавилушка,
И старому и малому
Подарков насулил,
А пропился до грошика!
Как я глаза бесстыжие
Домашним покажу?..

Мне зять – плевать, и дочь смолчит,
Жена – плевать, пускай ворчит!
А внучку жаль!.. – Пошел опять
Про внучку! Убивается!..

[26] Шлея – часть сбруи, облегающая бока и круп лошади, обычно кожаная.

[27] Кимряки – жители города Кимры. Во времена Некрасова это было большое село, 55 % жителей которого были сапожниками.

Народ собрался, слушает,
Не смеючись, жалеючи;
Случись, работой, хлебушком
Ему бы помогли,
А вынуть два двугривенных —
Так сам ни с чем останешься.
Да был тут человек,
Павлуша Веретенников
(Какого роду, звания,
Не знали мужики,
Однако звали «барином».
Горазд он был балясничать,
Носил рубаху красную,
Поддевочку суконную,
Смазные сапоги;
Пел складно песни русские
И слушать их любил.
Его видали многие
На постоялых двориках,
В харчевнях, в кабаках.)
Так он Вавилу выручил —
Купил ему ботиночки.
Вавило их схватил
И был таков! – На радости
Спасибо даже барину
Забыл сказать старик,
Зато крестьяне прочие
Так были разутешены,
Так рады, словно каждого
Он подарил рублем!
Была тут также лавочка
С картинами и книгами,
Офени [28] запасалися
Своим товаром в ней.
«А генералов надобно?» —
Спросил их купчик-выжига.
«И генералов дай!
Да только ты по совести,
Чтоб были настоящие —
Потолще, погрозней».

«Чудные! как вы смотрите! —
Сказал купец с усмешкою, —
Тут дело не в комплекции…»

– А в чем же? шутишь, друг!

[28] Офеня – коробейник, «мелочный торгаш вразноску и вразвозку по малым городам, селам, деревням, с книгами, бумагой, шелком, иглами, с сыром и колбасой, с серьгами и колечками» (В.И. Даль).

Дрянь, что ли, сбыть желательно?
А мы куда с ней денемся?
Шалишь! Перед крестьянином
Все генералы равные,
Как шишки на ели:
Чтобы продать плюгавого,

Попасть на доку [29] надобно,
А толстого да грозного
Я всякому всучу…
Давай больших, осанистых,
Грудь с гору, глаз навыкате,
Да чтобы больше звезд! [30]

«А статских [31] не желаете?»
– Ну, вот еще со статскими! —
(Однако взяли – дешево! —
Какого-то сановника [32]
За брюхо с бочку винную
И за семнадцать звезд.)
Купец – со всем почтением,
Что любо, тем и потчует
(С Лубянки [33] – первый вор!) —
Спустил по сотне Блюхера [34],
Архимандрита Фотия [35],
Разбойника Сипко [36],
Сбыл книги: «Шут Балакирев» [37]
И «Английский милорд» [38]…

Легли в коробку книжечки,
Пошли гулять портретики
По царству всероссийскому,
Покамест не пристроятся
В крестьянской летней горенке,
На невысокой стеночке…

---

[29] Дока – «мастер своего дела» (В.И. Даль).

[30] Т.е. больше орденов.

[31] Т.е. не военных, а штатских (тогда – статских).

[32] Сановник – чиновник высокого уровня.

[33] Лубянка – улица и площадь в Москве, в XIX в. центр оптовой торговли лубочными картинками и книгами.

[34] Блюхер Гебхард Леберехт – прусский генерал, главнокомандующий прусско-саксонской армии, решившей исход битвы под Ватерлоо и разбившей Наполеона. Военные успехи сделали имя Блюхера весьма популярным в России.

[35] Архимандрит Фотий – в миру Петр Никитич Спасский, деятель русской церкви 20-х гг. XIX в., неоднократно вышучивался в эпиграммах А.С. Пушкина, например «Разговор Фотия с гр. Орловой», «На Фотия».

[36] Разбойник Сипко – авантюрист, выдававший себя за разных людей, в т. ч. за капитана в отставке И.А. Сипко. В 1860 г. суд над ним привлек ажиотажное внимание публики.

[37] «Шут Балакирев» – популярный сборник анекдотов: «Балакирева полное собрание анекдотов шута, бывшего при дворе Петра Великого».

[38] «Английский милорд» – популярнейшее в ту пору сочинение писателя XVIII века Матвея Комарова «Повесть о приключениях английского милорда Георга и о его бранденбургской Марк-графине Фридерике Луизе».

Черт знает для чего!

Эх! эх! придет ли времечко,
Когда (приди, желанное!..)
Дадут понять крестьянину,
Что розь портрет портретику,
Что книга книге розь?
Когда мужик не Блюхера
И не милорда глупого —
Белинского и Гоголя
С базара понесет?
Ой люди, люди русские!
Крестьяне православные!
Слыхали ли когда-нибудь
Вы эти имена?
То имена великие,
Носили их, прославили
Заступники народные!
Вот вам бы их портретики
Повесить в ваших горенках,
Их книги прочитать…

«И рад бы в рай, да дверь-то
где?» —
Такая речь врывается
В лавчонку неожиданно.
– Тебе какую дверь? —
«Да в балаган. Чу! музыка!..»
– Пойдем, я укажу! —

Про балаган прослышавши,
Пошли и наши странники
Послушать, поглазеть.
Комедию с Петрушкою,

С козою [39] с барабанщицей [40]
И не с простой шарманкою,
А с настоящей музыкой
Смотрели тут они.
Комедия не мудрая,
Однако и не глупая,
Хожалому, квартальному
Не в бровь, а прямо в глаз!
Шалаш полным-полнехонек.
Народ орешки щелкает,

[39] Коза – так в народном театре-балагане называли актера, на голове которого была укреплена козья голова из мешковины.

[40] Барабанщица – барабанным боем на представления привлекали публику.

А то два-три крестьянина
Словечком перекинутся —
Гляди, явилась водочка:
Посмотрят да попьют!
Хохочут, утешаются
И часто в речь Петрушкину
Вставляют слово меткое,
Какого не придумаешь,
Хоть проглоти перо!

Такие есть любители —
Как кончится комедия,
За ширмочки пойдут,
Целуются, братаются,
Гуторят с музыкантами:
«Откуда, молодцы?»
– А были мы господские,
Играли на помещика.
Теперь мы люди вольные,
Кто поднесет-попотчует,
Тот нам и господин!

«И дело, други милые,
Довольно бар вы тешили,
Потешьте мужиков!
Эй! малый! сладкой водочки!
Наливки! чаю! полпива!
Цимлянского – живей!..»

И море разливанное
Пойдет, щедрее барского
Ребяток угостят.

Не ветры веют буйные,
Не мать-земля колышется —
Шумит, поет, ругается,
Качается, валяется,
Дерется и целуется
У праздника народ!
Крестьянам показалося,
Как вышли на пригорочек,
Что все село шатается,
Что даже церковь старую
С высокой колокольнею
Шатнуло раз-другой! —
Тут трезвому, что голому,
Неловко… Наши странники
Прошлись еще по площади
И к вечеру покинули

Бурливое село…

ГЛАВА III. ПЬЯНАЯ НОЧЬ

Не ригой [41], не амбарами,
Не кабаком, не мельницей,
Как часто на Руси,
Село кончалось низеньким
Бревенчатым строением
С железными решетками
В окошках небольших.
За тем этапным зданием
Широкая дороженька,
Березками обставлена,
Открылась тут как тут.
По будням малолюдная,
Печальная и тихая,
Не та она теперь!

По всей по той дороженьке
И по окольным тропочкам,
Докуда глаз хватал,
Ползли, лежали, ехали.
Барахтался пьяные
И стоном стон стоял!

Скрыпят телеги грузные,
И, как телячьи головы,
Качаются, мотаются
Победные головушки
Уснувших мужиков!

Народ идет – и падает,
Как будто из-за валиков
Картечью неприятели
Палят по мужикам!

Ночь тихая спускается,
Уж вышла в небо темное
Луна, уж пишет грамоту
Господь червонным золотом
По синему по бархату,
Ту грамоту мудреную,
Которой ни разумникам,
Ни глупым не прочесть.

Дорога стоголосая

[41] Рига – сарай для сушки снопов и молотьбы (с крышей, но почти без стен).

Гудит! Что море синее,
Смолкает, подымается
Народная молва.

«А мы полтинник [42] писарю:
Прошенье изготовили
К начальнику губернии…»

«Эй! с возу куль упал!»

«Куда же ты, Оленушка?
Постой! еще дам пряничка,
Ты, как блоха проворная,
Наелась – и упрыгнула.
Погладить не далась!»

«Добра ты, царска грамота [43],
Да не про нас ты писана…»
«Посторонись, народ!»
(Акцизные [44] чиновники
С бубенчиками, с бляхами
С базара пронеслись.)

«А я к тому теперича:
И веник дрянь, Иван Ильич,
А погуляет по полу,
Куда как напылит!»

«Избави Бог, Парашенька,
Ты в Питер не ходи!
Такие есть чиновники,
Ты день у них кухаркою,
А ночь у них сударкою [45] —
Так это наплевать!»
«Куда ты скачешь, Саввушка?»
(Кричит священник сотскому [46]
Верхом, с казенной бляхою.)
– В Кузьминское скачу
За становым. Оказия:
Там впереди крестьянина
Убили… – «Эх!.. грехи!..»

«Худа ты стала, Дарьюшка!»

---

[42] Полтинник – монета достоинством 50 копеек.

[43] Царска грамота – царское письмо.

[44] Акциз – один из видов налога на предметы массового спроса.

[45] Сударка – любовница.

[46] Сотский – выборный от крестьян, который выполнял полицейские функции.

– Не веретенце [47], друг!
Вот то, чем больше вертится,
Пузатее становится,
А я как день-деньской…

«Эй парень, парень глупенький,
Оборванный, паршивенький,
Эй, полюби меня!
Меня, простоволосую,
Хмельную бабу, старую,
Зааа-паааа-чканную!..»

Крестьяне наши трезвые,
Поглядывая, слушая,
Идут своим путем.
Средь самой средь дороженьки
Какой-то парень тихонький
Большую яму выкопал.
«Что делаешь ты тут?»
– А хороню я матушку! —
«Дурак! какая матушка!
Гляди: поддевку новую
Ты в землю закопал!
Иди скорей да хрюкалом
В канаву ляг, воды испей!
Авось, соскочит дурь!»

«А ну, давай потянемся!»

Садятся два крестьянина,
Ногами упираются,
И жилятся, и тужатся,
Кряхтят – на скалке тянутся,
Суставчики трещат!
На скалке не понравилось:
«Давай теперь попробуем
Тянуться бородой!»
Когда порядком бороды
Друг дружке поубавили,
Вцепились за скулы!
Пыхтят, краснеют, корчатся,
Мычат, визжат, а тянутся!
«Да будет вам, проклятые!
Не разольешь водой!»

В канаве бабы ссорятся,
Одна кричит: «Домой идти

[47] Веретено – ручной инструмент для пряжи.

Тошнее, чем на каторгу!»
Другая: – Врешь, в моем дому
Похуже твоего!
Мне старший зять ребро сломал,
Середний зять клубок украл,
Клубок плевок, да дело в том —
Полтинник был замотан в нем,
А младший зять все нож берет,
Того гляди убьет, убьет!..

«Ну полно, полно, миленький!
Ну, не сердись! – за валиком
Неподалеку слышится. —
Я ничего… пойдем!»
Такая ночь бедовая!
Направо ли, налево ли
С дороги поглядишь:
Идут дружненько парочки,
Не к той ли роще правятся?
Та роща манит всякого,
В той роще голосистые
Соловушки поют…

Дорога многолюдная
Что позже – безобразнее:
Все чаще попадаются
Избитые, ползущие,
Лежащие пластом.
Без ругани, как водится,
Словечко не промолвится,
Шальная, непотребная,
Слышней всего она!
У кабаков смятение,
Подводы перепутались,
Испуганные лошади
Без седоков бегут;
Тут плачут дети малые.
Тоскуют жены, матери:
Легко ли из питейного
Дозваться мужиков?..

У столбика дорожного
Знакомый голос слышится,
Подходят наши странники
И видят: Веретенников
(Что башмачки козловые
Вавиле подарил)
Беседует с крестьянами.
Крестьяне открываются

Миляге по душе:
Похвалит Павел песенку —
Пять раз споют, записывай!
Понравится пословица —
Пословицу пиши!
Позаписав достаточно,
Сказал им Веретенников:
«Умны крестьяне русские,
Одно нехорошо,
Что пьют до одурения,
Во рвы, в канавы валятся —
Обидно поглядеть!»

Крестьяне речь ту слушали,
Поддакивали барину.
Павлуша что-то в книжечку
Хотел уже писать.
Да выискался пьяненький
Мужик, – он против барина
На животе лежал,
В глаза ему поглядывал,
Помалчивал – да вдруг
Как вскочит! Прямо к барину —
Хвать карандаш из рук!
– Постой, башка порожняя!
Шальных вестей, бессовестных
Про нас не разноси!
Чему ты позавидовал!
Что веселится бедная
Крестьянская душа?

Пьем много мы по времени,
А больше мы работаем.
Нас пьяных много видится,
А больше трезвых нас.
По деревням ты хаживал?
Возьмем ведерко с водкою,

Пойдем-ка по избам:
В одной, в другой навалятся,
А в третьей не притронутся —
У нас на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьют, а также маются,
Уж лучше б пили, глупые,
Да совесть такова…
Чудно смотреть, как ввалится
В такую избу трезвую
Мужицкая беда, —

И не глядел бы!.. Видывал
В страду деревни русские?
В питейном, что ль, народ?
У нас поля обширные,
А не гораздо щедрые,
Скажи-ка, чьей рукой
С весны они оденутся,
А осенью разденутся?
Встречал ты мужика
После работы вечером?
На пожне гору добрую
Поставил, съел с горошину:
«Эй! богатырь! соломинкой
Сшибу, посторонись!»

Сладка еда крестьянская,
Весь век пила железная
Жует, а есть не ест!
Да брюхо-то не зеркало,
Мы на еду не плачемся…
Работаешь один,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоят три дольщика:
Бог, царь и господин!
А есть еще губитель-тать [48]
Четвертый, злей татарина,
Так тот и не поделится,
Все слопает один!
У нас пристал третьеводни
Такой же барин плохонькой,
Как ты, из-под Москвы.
Записывает песенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани.
А был другой – допытывал,
На сколько в день сработаешь,
По малу ли, по многу ли
Кусков пихаешь в рот?
Иной угодья меряет,
Иной в селенье жителей
По пальцам перечтет,
А вот не сосчитали же,
По скольку в лето каждое
Пожар пускает на ветер
Крестьянского труда?..

Нет меры хмелю русскому.

[48] Тать – «вор, хищник, похититель» (В.И. Даль).

А горе наше меряли?
Работе мера есть?
Вино валит крестьянина,
А горе не валит его?
Работа не валит?
Мужик беды не меряет,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужик, трудясь, не думает,
Что силы надорвет.
Так неужли над чаркою
Задуматься, что с лишнего
В канаву угодишь?
А что глядеть зазорно вам,
Как пьяные валяются,
Так погляди поди,
Как из болота волоком
Крестьяне сено мокрое,
Скосивши, волокут:
Где не пробраться лошади,
Где и без ноши пешему
Опасно перейти,
Там рать-орда крестьянская
По кочам [49], по зажоринам [50]
Ползком ползет с плетюхами [51] —
Трещит крестьянский пуп!

Под солнышком без шапочек,
В поту, в грязи по макушку,
Осокою изрезаны,
Болотным гадом-мошкою
Изъеденные в кровь, —
Небось мы тут красивее?

Жалеть – жалей умеючи,
На мерочку господскую
Крестьянина не мерь!
Не белоручки нежные,
А люди мы великие
В работе и в гульбе!..

У каждого крестьянина
Душа что туча черная —
Гневна, грозна, – и надо бы
Громам греметь оттудова,

[49] Коча – форма слова «кочка» в ярославско-костромском говоре.

[50] Зажорина – подснежная вода в яме по дороге.

[51] Плетюха – в северных говорах – большая высокая корзина.

Кровавым лить дождям,
А все вином кончается.
Пошла по жилам чарочка —
И рассмеялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тут надобно,
Гляди кругом – возрадуйся!
Ай парни, ай молодушки,
Умеют погулять!
Повымахали косточки,
Повымотали душеньку,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..

Мужик стоял на валике,
Притопывал лаптишками
И, помолчав минуточку,
Прибавил громким голосом,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
– Эй! царство ты мужицкое,
Бесшапочное, пьяное,
Шуми – вольней шуми!.. —

«Как звать тебя, старинушка?»

– А что? запишешь в книжечку?
Пожалуй, нужды нет!
Пиши: *«В деревне Басове*
Яким Нагой живет,
Он до смерти работает,
До полусмерти пьет!..»

Крестьяне рассмеялися
И рассказали барину,
Каков мужик Яким.
Яким, старик убогонький,
Живал когда-то в Питере,
Да угодил в тюрьму:
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.
С тех пор лет тридцать жарится
На полосе под солнышком,
Под бороной спасается
От частого дождя,
Живет – с сохою возится,
А смерть придет Якимушке —

Как ком земли отвалится,
Что на сохе присох…

С ним случай был: картиночек
Он сыну накупил,
Развешал их по стеночкам
И сам не меньше мальчика
Любил на них глядеть.
Пришла немилость божия,
Деревня загорелася —
А было у Якимушки
За целый век накоплено
Целковых тридцать пять.
Скорей бы взять целковые,
А он сперва картиночки
Стал со стены срывать;
Жена его тем временем
С иконами возилася,
А тут изба и рухнула —
Так оплошал Яким!
Слились в комок целковики,
За тот комок дают ему
Одиннадцать рублей…
«Ой брат Яким! недешево
Картинки обошлись!
Зато и в избу новую

Повесил их небось?»
– Повесил – есть и новые, —
Сказал Яким – и смолк.

Вгляделся барин в пахаря:
Грудь впалая; как вдавленный
Живот; у глаз, у рта
Излучины, как трещины
На высохшей земле;
И сам на землю-матушку
Похож он: шея бурая,
Как пласт, сохой отрезанный,
Кирпичное лицо,
Рука – кора древесная,
А волосы – песок.

Крестьяне, как заметили,
Что не обидны барину
Якимовы слова,
И сами согласилися
С Якимом: – Слово верное:
Нам подобает пить!

Пьем – значит, силу чувствуем!
Придет печаль великая,
Как перестанем пить!..
Работа не свалила бы,
Беда не одолела бы,
Нас хмель не одолит!
Не так ли?
«Да, бог милостив!»
– Ну, выпей с нами чарочку!

Достали водки, выпили.
Якиму Веретенников
Два шкалика поднес.

– Ай барин! не прогневался,
Разумная головушка!
(Сказал ему Яким.)
Разумной-то головушке
Как не понять крестьянина?
А свиньи ходят по́ земи —
Не видят неба век!..

Вдруг песня хором грянула
Удалая, согласная:
Десятка три молодчиков,
Хмельненьки, а не валятся,
Идут рядком, поют,
Поют про Волгу-матушку,
Про удаль молодецкую,
Про девичью красу.
Притихла вся дороженька,
Одна та песня складная
Широко, вольно катится,
Как рожь под ветром стелется,
По сердцу по крестьянскому
Идет огнем-тоской!..

Под песню ту удалую
Раздумалась, расплакалась
Молодушка одна:
«Мой век – что день без солнышка,
Мой век – что ночь без месяца,
А я, млада-младешенька,
Что борзый конь на привязи,
Что ласточка без крыл!
Мой старый муж, ревнивый муж,
Напился пьян, храпом храпит,
Меня, младу-младешеньку,
И сонный сторожит!»

Так плакалась молодушка
Да с возу вдруг и спрыгнула!
«Куда?» – кричит ревнивый муж,
Привстал – и бабу за косу,
Как редьку за вихор!

Ой! ночка, ночка пьяная!
Не светлая, а звездная,
Не жаркая, а с ласковым
Весенним ветерком!
И нашим добрым молодцам
Ты даром не прошла!
Сгрустнулось им по женушкам,
Оно и правда: с женушкой
Теперь бы веселей!
Иван кричит: «Я спать хочу»,
А Марьюшка: – И я с тобой! —
Иван кричит: «Постель узка»,
А Марьюшка: – Уляжемся! —
Иван кричит: «Ой, холодно»,
А Марьюшка: – Угреемся! —
Как вспомнили ту песенку,
Без слова – согласилися
Ларец свой попытать.

Одна, зачем Бог ведает,
Меж полем и дорогою
Густая липа выросла.
Под ней присели странники
И осторожно молвили:
«Эй! скатерть самобраная,
Попотчуй мужиков!»

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять.
Крестьяне подкрепилися.
Роман за караульного
Остался у ведра,
А прочие вмешалися
В толпу – искать счастливого:
Им крепко захотелося
Скорей попасть домой…

ГЛАВА IV. СЧАСТЛИВЫЕ

В толпе горластой, праздничной
Похаживали странники,
Прокликивали клич:
«Эй! нет ли где счастливого?
Явись! Коли окажется,
Что счастливо живешь,
У нас ведро готовое:
Пей даром сколько вздумаешь —
На славу угостим!..»
Таким речам неслыханным
Смеялись люди трезвые,
А пьяные да умные
Чуть не плевали в бороду
Ретивым крикунам.
Однако и охотников
Хлебнуть вина бесплатного
Достаточно нашлось.
Когда вернулись странники
Под липу, клич прокликавши,
Их обступил народ.

Пришел дьячок уволенный,
Тощой, как спичка серная,
И лясы распустил,
Что счастие не в пажитях [52],
Не в соболях, не в золоте,
Не в дорогих камнях.
«А в чем же?»
– В благодушестве [53]!
Пределы есть владениям
Господ, вельмож, царей земных,
А мудрого владение —
Весь вертоград Христов [54]!
Коль обогреет солнышко
Да пропущу косушечку,
Так вот и счастлив я! —
«А где возьмешь косушечку?»
– Да вы же дать сулилися…

«Проваливай! шалишь!..»

[52] Пажити – в тамбовско-рязанских говорах – луга, пастбища; в архангельских – пожитки, имущество.

[53] Благодушество – душевное состояние, располагающее к милосердию, благу, добру.

[54] Вертоград Христов – синоним рая.

Пришла старуха старая,
Рябая, одноглазая,
И объявила, кланяясь,
Что счастлива она:
Что у нее по осени
Родилось реп до тысячи
На небольшой гряде.
– Такая репа крупная,
Такая репа вкусная,
А вся гряда – сажени три,
А впоперечь – аршин [55]! —
Над бабой посмеялися,
А водки капли не дали:
«Ты дома выпей, старая,
Той репой закуси!»

Пришел солдат с медалями,
Чуть жив, а выпить хочется:
– Я счастлив! – говорит.
«Ну, открывай, старинушка,
В чем счастие солдатское?
Да не таись, смотри!»
– А в том, во-первых, счастие,
Что в двадцати сражениях
Я был, а не убит!
А во-вторых, важней того,
Я и во время мирное
Ходил ни сыт ни голоден,
А смерти не дался!
А в-третьих – за провинности,
Великие и малые,
Нещадно бит я палками,
А хоть пощупай – жив!

«На! выпивай, служивенький!
С тобой и спорить нечего:
Ты счастлив – слова нет!»

Пришел с тяжелым молотом
Каменотес-олончанин [56],
Плечистый, молодой:
– И я живу – не жалуюсь, —
Сказал он, – с женкой, с матушкой
Не знаем мы нужды!

«Да в чем же ваше счастие?»

[55] Аршин – старинная русская мера длины, равная 0,71 м.

[56] Олончанин – житель Олонецкой губернии.

– А вот гляди (и молотом,
Как перышком, махнул):
Коли проснусь до солнышка
Да разогнусь о полночи,
Так гору сокрушу!
Случалось, не похвастаю,
Щебенки наколачивать
В день на пять серебром!

Пахом приподнял «счастие»
И, крякнувши порядочно,
Работнику поднес:
«Ну, веско! а не будет ли
Носиться с этим счастием
Под старость тяжело?..»

– Смотри, не хвастай силою, —
Сказал мужик с одышкою,
Расслабленный, худой
(Нос вострый, как у мертвого,
Как грабли руки тощие,
Как спицы ноги длинные,
Не человек – комар). —
Я был – не хуже каменщик
Да тоже хвастал силою,
Вот Бог и наказал!
Смекнул подрядчик, бестия,
Что простоват детинушка,
Учал меня хвалить,
А я-то сдуру радуюсь,
За четверых работаю!
Однажды ношу добрую
Наклал я кирпичей.
А тут его, проклятого,
И нанеси нелегкая:
«Что это? – говорит. —
Не узнаю я Трифона!
Идти с такою ношею
Не стыдно молодцу?»
– А коли мало кажется,
Прибавь рукой хозяйскою! —
Сказал я, осердясь.
Ну, с полчаса, я думаю,
Я ждал, а он подкладывал,
И подложил, подлец!
Сам слышу – тяга страшная,
Да не хотелось пятиться.
И внес ту ношу чертову

Я во второй этаж!
Глядит подрядчик, дивится,
Кричит, подлец, оттудова:
«Ай молодец, Трофим!
Не знаешь сам, что сделал ты:
Ты снес один по крайности
Четырнадцать пудов!»
Ой, знаю! сердце молотом
Стучит в груди, кровавые
В глазах круги стоят,
Спина как будто треснула…
Дрожат, ослабли ноженьки.
Зачах я с той поры!..
Налей, брат, полстаканчика!

«Налить? Да где ж тут счастие?
Мы потчуем счастливого,
А ты что рассказал!»

– Дослушай! будет счастие!

«Да в чем же, говори!»

– А вот в чем. Мне на родине,
Как всякому крестьянину,
Хотелось умереть.
Из Питера, расслабленный,
Шальной, почти без памяти,
Я на машину сел.
Ну, вот мы и поехали.
В вагоне – лихорадочных,
Горячечных работничков
Нас много набралось,
Всем одного желалося,
Как мне: попасть на родину,
Чтоб дома помереть.
Однако нужно счастие
И тут: мы летом ехали,
В жарище, в духоте
У многих помутилися
Вконец больные головы,
В вагоне ад пошел:
Тот стонет, тот катается,
Как оглашенный, по полу,
Тот бредит женкой, матушкой.
Ну, на ближайшей станции
Такого и долой!
Глядел я на товарищей,
Сам весь горел, подумывал —

Несдобровать и мне.
В глазах кружки багровые,
И все мне, братец, чудится,

Что режу пеунов [57]!
(Мы тоже пеунятники [58],
Случалось в год откармливать
До тысячи зобов.)
Где вспомнились, проклятые!
Уж я молиться пробовал,
Нет! все с ума нейдут!
Поверишь ли? вся партия
Передо мной трепещется!
Гортани перерезаны,
Кровь хлещет, а поют!
А я с ножом: «Да полно вам!»
Уж как Господь помиловал,
Что я не закричал?
Сижу, креплюсь… по счастию,
День кончился, а к вечеру
Похолодало, – сжалился
Над сиротами Бог!
Ну, так мы и доехали,
И я добрел на родину,
А здесь, по Божьей милости,
И легче стало мне…

– Чего вы тут расхвастались
Своим мужицким счастием? —
Кричит разбитый на ноги
Дворовый человек. —
А вы меня попотчуйте:
Я счастлив, видит Бог!
У первого боярина,
У князя Переметьева,
Я был любимый раб.
Жена – раба любимая,
А дочка вместе с барышней
Училась и французскому
И всяким языкам,
Садиться позволялось ей
В присутствии княжны…
Ой! как кольнуло!.. батюшки!.. —
(И начал ногу правую
Ладонями тереть.)
Крестьяне рассмеялися.

[57] Пеун – петух.

[58] Пеунятник – человек, откармливающий петухов на продажу.

– Чего смеетесь, глупые, —
Озлившись неожиданно,
Дворовый закричал. —
Я болен, а сказать ли вам,
О чем молюсь я Господу,
Вставая и ложась?
Молюсь: «Оставь мне, Господи,
Болезнь мою почетную,
По ней я дворянин!»
Не вашей подлой хворостью,
Не хрипотой, не грыжею —
Болезнью благородною,
Какая только водится
У первых лиц в империи,
Я болен, мужичье!
По-да-грой именуется!
Чтоб получить ее —
Шампанское, бургонское,
Токайское, венгерское
Лет тридцать надо пить…
За стулом у светлейшего
У князя Переметьева
Я сорок лет стоял,
С французским лучшим трюфелем [59]
Тарелки я лизал,
Напитки иностранные
Из рюмок допивал…
Ну, наливай! —
«Проваливай!
У нас вино мужицкое,
Простое, не заморское —
Не по твоим губам!»

Желтоволосый, сгорбленный,
Подкрался робко к странникам
Крестьянин-белорус,
Туда же к водке тянется:
– Налей и мне маненичко,
Я счастлив! – говорит.

«А ты не лезь с ручищами!
Докладывай, доказывай
Сперва, чем счастлив ты?»

– А счастье наше – в хлебушке:
Я дома в Белоруссии

[59] Трюфель – растущий под землей гриб округлой формы. Особенно высоко ценился французский черный трюфель.

С мякиною, с кострикою [60]
Ячменный хлеб жевал;
Бывало, вопишь голосом,
Как роженица корчишься,
Как схватит животы.
А ныне, милость Божия! —
Досыта у Губонина
Дают ржаного хлебушка,
Жую – не нажуюсь! —

Пришел какой-то пасмурный
Мужик с скулой свороченной,
Направо все глядит:
– Хожу я за медведями.
И счастье мне великое:
Троих моих товарищей
Сломали мишуки,
А я живу, Бог милостив!

«А ну-ка влево глянь?»

Не глянул, как ни пробовал,
Какие рожи страшные
Ни корчил мужичок:
– Свернула мне медведица
Маненичко скулу! —
«А ты с другой померяйся,
Подставь ей щеку правую —
Поправит…» – Посмеялися,
Однако поднесли.

Оборванные нищие,
Послышав запах пенного,
И те пришли доказывать,
Как счастливы они:
– Нас у порога лавочник
Встречает подаянием,
А в дом войдем, так из дому
Проводят до ворот…
Чуть запоем мы песенку,
Бежит к окну хозяюшка
С краюхою, с ножом,
А мы-то заливаемся:
«Давать давай – весь каравай,
Не мнется и не крошится,
Тебе скорей, а нам спорей…»

[60] Кострика – одревесневшие части стеблей льна, конопли и т. п.

Смекнули наши странники,
Что даром водку тратили,
Да кстати и ведерочку
Конец. «Ну, будет с вас!
Эй, счастие мужицкое!
Дырявое с заплатами,
Горбатое с мозолями,
Проваливай домой!»

– А вам бы, други милые,
Спросить Ермилу Гирина, —
Сказал, подсевши к странникам,
Деревни Дымоглотова
Крестьянин Федосей. —
Коли Ермил не выручит,
Счастливцем не объявится,
Так и шататься нечего…

«А кто такой Ермил?
Князь, что ли, граф сиятельный?»

– Не князь, не граф сиятельный,
А просто он – мужик!

«Ты говори толковее,
Садись, а мы послушаем,
Какой такой Ермил?»

– А вот какой: сиротскую
Держал Ермило мельницу
На Унже. По суду
Продать решили мельницу:
Пришел Ермило с прочими
В палату на торги.
Пустые покупатели
Скоренько отвалилися.
Один купец Алтынников
С Ермилом в бой вступил,
Не отстает, торгуется,
Наносит по копеечке.
Ермило как рассердится —
Хвать сразу пять рублей!
Купец опять копеечку,
Пошло у них сражение;
Купец его копейкою,
А тот его рублем!
Не устоял Алтынников!
Да вышла тут оказия:
Тотчас же стали требовать

Задатков третью часть,
А третья часть – до тысячи.
С Ермилом денег не было,
Уж сам ли он сплошал,
Схитрили ли подьячие,
А дело вышло дрянь!
Повеселел Алтынников:
«Моя, выходит, мельница!»
«Нет! – говорит Ермил,
Подходит к председателю. —
Нельзя ли вашей милости
Помешкать полчаса?»

– Что в полчаса ты сделаешь?

«Я деньги принесу!»
– А где найдешь? В уме ли ты?
Верст тридцать пять до мельницы,
А через час присутствию
Конец, любезный мой!

«Так полчаса позволите?»

– Пожалуй, час промешкаем! —
Пошел Ермил; подьячие
С купцом переглянулися,
Смеются, подлецы!
На площадь на торговую
Пришел Ермило (в городе
Тот день базарный был),
Стал на воз, видим: крестится,
На все четыре стороны
Поклон, – и громким голосом
Кричит: «Эй, люди добрые!
Притихните, послушайте,
Я слово вам скажу!»
Притихла площадь людная,
И тут Ермил про мельницу
Народу рассказал:
«Давно купец Алтынников
Присватывался к мельнице,
Да не плошал и я,
Раз пять справлялся в городе,
Сказали: с переторжкою
Назначены торги.
Без дела, сами знаете,
Возить казну крестьянину
Проселком не рука:
Приехал я без грошика,

Ан глядь – они спроворили
Без переторжки торг!
Схитрили души подлые,
Да и смеются нехристи:
«Что, часом, ты поделаешь?
Где денег ты найдешь?»
Авось найду, Бог милостив!
Хитры, сильны подьячие,
А мир их посильней,
Богат купец Алтынников,
А все не устоять ему
Против мирской казны —
Ее, как рыбу из моря,
Века ловить – не выловить.
Ну, братцы! видит Бог,
Разделаюсь в ту пятницу!
Не дорога мне мельница,
Обида велика!
Коли Ермила знаете,
Коли Ермилу верите,
Так выручайте, что ль!..»

И чудо сотворилося:
На всей базарной площади
У каждого крестьянина,
Как ветром, полу левую
Заворотило вдруг!
Крестьянство раскошелилось,
Несут Ермилу денежки,
Дают, кто чем богат.
Ермило парень грамотный,
Да некогда записывать,
Успей пересчитать!
Наклали шляпу полную
Целковиков, лобанчиков,
Прожженной, битой, трепаной
Крестьянской ассигнации.
Ермило брал – не брезговал
И медным пятаком.
Еще бы стал он брезговать,
Когда тут попадалася
Иная гривна медная
Дороже ста рублей!

Уж сумма вся исполнилась,
А щедрота народная
Росла: – Бери, Ермил Ильич,
Отдашь, не пропадет! —
Ермил народу кланялся

На все четыре стороны,
В палату шел со шляпою,
Зажавши в ней казну.
Сдивилися подьячие,
Позеленел Алтынников,
Как он сполна всю тысячу
Им выложил на стол!..
Не волчий зуб, так лисий хвост, —
Пошли юлить подьячие,
С покупкой поздравлять!
Да не таков Ермил Ильич,
Не молвил слова лишнего.
Копейки не дал им!

Глядеть весь город съехался,
Как в день базарный, пятницу,
Через неделю времени
Ермил на той же площади
Рассчитывал народ.
Упомнить где же всякого?
В ту пору дело делалось
В горячке, второпях!
Однако споров не было,
И выдать гроша лишнего
Ермилу не пришлось.
Еще – он сам рассказывал —
Рубль лишний, чей Бог ведает!
Остался у него.
Весь день с мошной раскрытою
Ходил Ермил, допытывал:
Чей рубль? да не нашел.
Уж солнце закатилося,
Когда с базарной площади
Ермил последний тронулся,
Отдав тот рубль слепым…
Так вот каков Ермил Ильич. —
«Чудён! – сказали странники. —
Однако знать желательно —
Каким же колдовством
Мужик над всей округою
Такую силу взял?»

– Не колдовством, а правдою.
Слыхали про Адовщину,
Юрлова князя вотчину?

«Слыхали, ну так что ж?»
– В ней главный управляющий
Был корпуса жандармского

Полковник со звездой,
При нем пять-шесть помощников,
А наш Ермило писарем
В конторе состоял.

Лет двадцать было малому,
Какая воля писарю?
Однако для крестьянина
И писарь человек.
К нему подходишь к первому,
А он и посоветует
И справку наведет;
Где хватит силы – выручит,
Не спросит благодарности,
И дашь, так не возьмет!
Худую совесть надобно —
Крестьянину с крестьянина
Копейку вымогать.
Таким путем вся вотчина
В пять лет Ермилу Гирина
Узнала хорошо,
А тут его и выгнали…
Жалели крепко Гирина,
Трудненько было к новому,
Хапуге, привыкать,
Однако делать нечего,
По времени приладились
И к новому писцу.
Тот ни строки без трешника,
Ни слова без семишника,
Прожженный, из кутейников —
Ему и Бог велел!

Однако, волей Божией,
Недолго он поцарствовал, —
Скончался старый князь,
Приехал князь молоденькой,
Прогнал того полковника.
Прогнал его помощника,
Контору всю прогнал,

А нам велел из вотчины
Бурмистра изобрать.
Ну, мы не долго думали,
Шесть тысяч душ, всей вотчиной
Кричим: – Ермилу Гирина! —
Как человек един!
Зовут Ермилу к барину.
Поговорив с крестьянином,

С балкона князь кричит:
«Ну, братцы! будь по-вашему.
Моей печатью княжеской
Ваш выбор утвержден:
Мужик проворный, грамотный,
Одно скажу: не молод ли?..»
А мы: – Нужды нет, батюшка,
И молод, да умен! —
Пошел Ермило царствовать
Над всей княжою вотчиной,
И царствовал же он!
В семь лет мирской копеечки
Под ноготь не зажал,
В семь лет не тронул правого,
Не попустил виновному.
Душой не покривил…

«Стой! – крикнул укорительно
Какой-то попик седенький
Рассказчику. – Грешишь!
Шла борона прямехонько,
Да вдруг махнула в сторону —
На камень зуб попал!
Коли взялся рассказывать,
Так слова не выкидывай
Из песни: или странникам
Ты сказку говоришь?..
Я знал Ермилу Гирина…»

– А я небось не знал?
Одной мы были вотчины,
Одной и той же волости,
Да нас перевели…

«А коли знал ты Гирина,
Так знал и брата Митрия,
Подумай-ка, дружок».

Рассказчик призадумался
И, помолчав, сказал:
– Соврал я: слово лишнее
Сорвалось на маху!
Был случай, и Ермил-мужик
Свихнулся: из рекрутчины
Меньшого брата Митрия
Повыгородил он.
Молчим: тут спорить нечего,
Сам барин брата старосты
Забрить бы не велел,

Одна Ненила Власьева
По сыне горько плачется,
Кричит: не наш черед!
Известно, покричала бы
Да с тем бы и отъехала.
Так что же? Сам Ермил,
Покончивши с рекрутчиной,
Стал тосковать, печалиться,
Не пьет, не ест: тем кончилось,
Что в деннике с веревкою
Застал его отец.
Тут сын отцу покаялся:
«С тех пор, как сына Власьевны
Поставил я не в очередь,
Постыл мне белый свет!»
А сам к веревке тянется.
Пытали уговаривать
Отец его и брат,
Он все одно: «Преступник я!
Злодей! вяжите руки мне,
Ведите в суд меня!»
Чтоб хуже не случилося,
Отец связал сердечного,
Приставил караул.
Сошелся мир, шумит, галдит,
Такого дела чудного
Вовек не приходилося
Ни видеть, ни решать.
Ермиловы семейные
Уж не о том старалися,
Чтоб мы им помирволили,
А строже рассуди —
Верни парнишку Власьевне,
Не то Ермил повесится,
За ним не углядишь!
Пришел и сам Ермил Ильич,
Босой, худой, с колодками,
С веревкой на руках,
Пришел, сказал: «Была пора,
Судил я вас по совести,
Теперь я сам грешнее вас:
Судите вы меня!»
И в ноги поклонился нам.
Ни дать ни взять юродивый,
Стоит, вздыхает, крестится,
Жаль было нам глядеть,
Как он перед старухою,
Перед Ненилой Власьевой,
Вдруг на колени пал!

Ну, дело все обладилось,
У господина сильного
Везде рука; сын Власьевны
Вернулся, сдали Митрия,
Да, говорят, и Митрию
Нетяжело служить,
Сам князь о нем заботится.
А за провинность с Гирина
Мы положили штраф:
Штрафные деньги рекруту,
Часть небольшая Власьевне,
Часть миру на вино…
Однако после этого
Ермил не скоро справился,
С год как шальной ходил.
Как ни просила вотчина,
От должности уволился,
В аренду снял ту мельницу
И стал он пуще прежнего
Всему народу люб:
Брал за помол по совести.
Народу не задерживал,
Приказчик, управляющий,
Богатые помещики
И мужики беднейшие —
Все очереди слушались,
Порядок строгий вел!
Я сам уж в той губернии
Давненько не бывал,
А про Ермилу слыхивал,
Народ им не бахвалится,
Сходите вы к нему.

– Напрасно вы проходите, —
Сказал уж раз заспоривший
Седоволосый поп. —
Я знал Ермилу, Гирина,
Попал я в ту губернию
Назад тому лет пять
(Я в жизни много странствовал,
Преосвященный наш
Переводить священников
Любил)… С Ермилой Гириным
Соседи были мы.
Да! был мужик единственный!
Имел он все, что надобно
Для счастья: и спокойствие,
И деньги, и почет,
Почет завидный, истинный,

Не купленный ни деньгами,
Ни страхом: строгой правдою,
Умом и добротой!
Да только, повторяю вам,
Напрасно вы проходите,
В остроге он сидит…

«Как так?»
– А воля Божия!
Слыхал ли кто из вас,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Испуганной губернии,
Уезда Недыханьева,
Деревня Столбняки?..
Как о пожарах пишется
В газетах (я их читывал):
«Осталась неизвестною
Причина» – так и тут:
До сей поры неведомо
Ни земскому исправнику,
Ни высшему правительству,
Ни столбнякам самим,
С чего стряслась оказия.
А вышло дело дрянь.
Потребовалось воинство.
Сам Государев посланный
К народу речь держал,
То руганью попробует
И плечи с эполетами
Подымет высоко,
То лаской попробует
И грудь с крестами царскими
Во все четыре стороны
Повертывать начнет.
Да брань была тут лишняя,
А ласка непонятная:
«Крестьянство православное!
Русь-матушка! царь-батюшка!»
И больше ничего!
Побившись так достаточно,
Хотели уж солдатикам
Скомандовать: пали!
Да волостному писарю
Пришла тут мысль счастливая,
Он про Ермилу Гирина
Начальнику сказал:
– Народ поверит Гирину,
Народ его послушает… —

«Позвать его живей!»
…….

Вдруг крик: «Ай, ай! помилуйте!»,
Раздавшись неожиданно,
Нарушил речь священника,
Все бросились глядеть:
У валика дорожного
Секут лакея пьяного —
Попался в воровстве!
Где пойман, тут и суд ему:
Судей сошлось десятка три,
Решили дать по лозочке,
И каждый дал лозу!
Лакей вскочил и, шлепая
Худыми сапожнишками,
Без слова тягу дал.
«Вишь, побежал, как встрепанный! —
Шутили наши странники,
Узнавши в нем балясника,
Что хвастался какою-то
Особенной болезнию
От иностранных вин. —
Откуда прыть явилася!
Болезнь ту благородную
Вдруг сняло, как рукой!»

«Эй, эй! куда ж ты, батюшка!
Ты доскажи историю,
Как бунтовалась вотчина
Помещика Обрубкова,
Деревня Столбняки?»

– Пора домой, родимые.
Бог даст, опять мы встретимся,
Тогда и доскажу!

Под утро поразъехалась,
Поразбрелась толпа.
Крестьяне спать надумали,
Вдруг тройка с колокольчиком
Откуда ни взялась,
Летит! а в ней качается
Какой-то барин кругленький,
Усатенький, пузатенький,
С сигарочкой во рту.
Крестьяне разом бросились
К дороге, сняли шапочки,
Низенько поклонилися,

Повыстроились в ряд
И тройке с колокольчиком
Загородили путь…

ГЛАВА V. ПОМЕЩИК

Соседнего помещика
Гаврилу Афанасьича
Оболта-Оболдуева
Та троечка везла.
Помещик был румяненький,
Осанистый, присадистый,
Шестидесяти лет;
Усы седые, длинные,
Ухватки молодецкие,
Венгерка с бранденбурами [61],
Широкие штаны.
Гаврило Афанасьевич,
Должно быть, перетрусился,
Увидев перед тройкою
Семь рослых мужиков.
Он пистолетик выхватил,
Как сам, такой же толстенький,
И дуло шестиствольное
На странников навел:
«Ни с места! Если тронетесь,
Разбойники! грабители!
На месте уложу!..»
Крестьяне рассмеялися:
– Какие мы разбойники,
Гляди – у нас ни ножика,
Ни топоров, ни вил! —
«Кто ж вы? чего вам надобно?»

– У нас забота есть.
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Ты дай нам слово крепкое
На нашу речь мужицкую
Без смеху и без хитрости,
По правде и по разуму,
Как должно отвечать,
Тогда свою заботушку
Поведаем тебе…

«Извольте: слово честное,

[61] Венгерка с бранденбурами – короткая мужская куртка, напоминавшая венгерский национальный костюм, украшенная толстым блестящим шнуром.

Дворянское даю!»
– Нет, ты нам не дворянское,
Дай слово христианское!
Дворянское с побранкою,
С толчком да с зуботычиной,
То непригодно нам! —

«Эге! какие новости!
А впрочем, будь по-вашему!
Ну, в чем же ваша речь?..»
– Спрячь пистолетик! выслушай!
Вот так! мы не грабители,
Мы мужики смиренные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из разных деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы – и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику.
Лука сказал: попу,
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю…
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши, подралися,
Подравшися, удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,

Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем
Как ни на есть – доподлинно,
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?
Скажи ж ты нам по-божески,
Сладка ли жизнь помещичья?
Ты как – вольготно, счастливо,
Помещичек, живешь?

Гаврило Афанасьевич
Из тарантаса выпрыгнул,
К крестьянам подошел:
Как лекарь, руку каждому
Пощупал, в лица глянул им,
Схватился за бока
И покатился со смеху…
«Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!»
Здоровый смех помещичий
По утреннему воздуху
Раскатываться стал…

Нахохотавшись досыта,
Помещик не без горечи
Сказал: «Наденьте шапочки,
Садитесь, *господа!*»

– Мы господа не важные,
Перед твоею милостью
И постоим…

«Нет! нет!
Прошу садиться, *граждане!*»
Крестьяне поупрямились,
Однако делать нечего,
Уселись на валу.

«И мне присесть позволите?
Эй, Трошка! рюмку хересу,
Подушку и ковер!»

Расположась на коврике
И выпив рюмку хересу,
Помещик начал так:

«Я дал вам слово честное
Ответ держать по совести.

А нелегко оно!
Хоть люди вы почтенные,
Однако не ученые,
Как с вами говорить?
Сперва понять вам надо бы,
Что значит слово самое:
Помещик, дворянин.
Скажите вы, любезные,
О родословном дереве
Слыхали что-нибудь?»
– Леса нам не заказаны —
Видали древо всякое! —
Сказали мужики.
«Попали пальцем в небо вы!..
Скажу вам вразумительней:
Я роду именитого.
Мой предок Оболдуй
Впервые поминается
В старинных русских грамотах
Два века с половиною
Назад тому. Гласит
Та грамота: «Татарину
Оболту Оболдуеву
Дано суконце доброе,
Ценою в два рубля:
Волками и лисицами
Он тешил государыню,
В день царских именин
Спускал медведя дикого
С своим, и Оболдуева
Медведь тот ободрал…»
Ну, поняли, любезные?»
– Как не понять! С медведями
Немало их шатается,
Прохвостов, и теперь. —

«Вы все свое, любезные!
Молчать! уж лучше слушайте,
К чему я речь веду:
Тот Оболдуй, потешивший
Зверями государыню,
Был корень роду нашему,
А было то, как сказано,
С залишком двести лет.
Прапрадед мой по матери
Был и того древней:
«Князь Щепин с Васькой Гусевым
(Гласит другая грамота)
Пытал поджечь Москву,

Казну пограбить думали,
Да их казнили смертию»,
А было то, любезные,
Без мала триста лет.
Так вот оно откудова
То дерево дворянское
Идет, друзья мои!»

– А ты, примерно, яблочко
С того выходишь дерева? —
Сказали мужики.

«Ну, яблочко так яблочко!
Согласен! Благо, поняли
Вы дело наконец.
Теперь – вы сами знаете —
Чем дерево дворянское
Древней, тем именитее,
Почетней дворянин.
Не так ли, благодетели?»

– Так! – отвечали странники. —
Кость белая, кость черная,
И поглядеть, так разные, —
Им разный и почет!

«Ну, вижу, вижу: поняли!
Так вот, друзья, и жили мы,
Как у Христа за пазухой,
И знали мы почет.
Не только люди русские,
Сама природа русская
Покорствовала нам.
Бывало, ты в окружности
Один, как солнце на небе,
Твои деревни скромные,
Твои леса дремучие,
Твои поля кругом!
Пойдешь ли деревенькою —
Крестьяне в ноги валятся,
Пойдешь лесными дачами —
Столетними деревьями
Преклонятся леса!
Пойдешь ли пашней, нивою —
Вся нива спелым колосом
К ногам господским стелется,
Ласкает слух и взор!
Там рыба в речке плещется:
«Жирей-жирей до времени!»

Там заяц лугом крадется:
«Гуляй-гуляй до осени!»
Все веселило барина,
Любовно травка каждая
Шептала: «Я твоя!»

Краса и гордость русская,
Белели церкви Божии
По горкам, по холмам,
И с ними в славе спорили
Дворянские дома.
Дома с оранжереями,
С китайскими беседками
И с английскими парками;
На каждом флаг играл,
Играл-манил приветливо,
Гостеприимство русское
И ласку обещал.
Французу не привидится
Во сне, какие праздники,
Не день, не два – по месяцу
Мы задавали тут.
Свои индейки жирные,
Свои наливки сочные,
Свои актеры, музыка,
Прислуги – целый полк!

Пять поваров да пекаря,
Двух кузнецов, обойщика,
Семнадцать музыкантиков
И двадцать два охотника
Держал я… Боже мой!..»
Помещик закручинился,
Упал лицом в подушечку,
Потом привстал, поправился:
«Эй, Прошка!» – закричал.
Лакей, по слову барскому,
Принес кувшинчик с водкою.
Гаврила Афанасьевич,
Откушав, продолжал:
«Бывало, в осень позднюю
Леса твои, Русь-матушка,
Одушевляли громкие
Охотничьи рога.
Унылые, поблекшие
Леса полураздетые
Жить начинали вновь,
Стояли по опушечкам
Борзовщики-разбойники,

Стоял помещик сам,
А там, в лесу, выжлятники [62]
Ревели, сорвиголовы,
Варили варом гончие.
Чу! подзывает рог!..
Чу! стая воет! сгрудилась!
Никак, по зверю красному
Погнали?.. улю-лю!
Лисица черно-бурая,
Пушистая, матерая
Летит, хвостом метет!
Присели, притаилися,
Дрожа всем телом, рьяные,
Догадливые псы:
Пожалуй, гостья жданная!
Поближе к нам, молодчикам,
Подальше от кустов!
Пора! Ну, ну! не выдай, конь!
Не выдайте, собаченьки!
Эй! улю-лю! родимые!
Эй! улю-лю!.. ату!..»
Гаврило Афанасьевич,
Вскочив с ковра персидского,
Махал рукой, подпрыгивал,
Кричал! Ему мерещилось,
Что травит он лису…
Крестьяне молча слушали,
Глядели, любовалися,
Посмеивались в ус…

«Ой ты, охота псовая!
Забудут все помещики,
Но ты, исконно русская
Потеха! не забудешься
Ни во веки веков!
Не о себе печалимся,
Нам жаль, что ты, Русь-матушка,
С охотою утратила
Свой рыцарский, воинственный,
Величественный вид!
Бывало, нас по осени
До полусотни съедется
В отъезжие поля [63];
У каждого помещика
Сто гончих в напуску [64],

[62] Выжлятник – управляет сворой гончих собак на многолюдной псовой охоте: выжлец – гончий кобель.

[63] Отъезжие поля – места сбора и ночевки охотников.

[64] Напуск – свора гончих собак.

У каждого по дюжине
Борзовщиков [65] верхом,
При каждом с кашеварами,
С провизией обоз.
Как с песнями да с музыкой
Мы двинемся вперед,
На что кавалерийская
Дивизия твоя!

Летело время соколом,
Дышала грудь помещичья
Свободно и легко.
Во времена боярские,
В порядки древнерусские
Переносился дух!
Ни в ком противоречия,
Кого хочу – помилую,
Кого хочу – казню.
Закон – мое желание!
Кулак – моя полиция!
Удар искросыпительный,
Удар зубодробительный,
Удар скуловорррот!..»
Вдруг, как струна, порвалася,
Осеклась речь помещичья.
Потупился, нахмурился,
«Эй, Прошка! – закричал,
Глотнул – и мягким голосом
Сказал: – Вы сами знаете,
Нельзя же и без строгости?
Но я карал – любя.
Порвалась цепь великая —
Теперь не бьем крестьянина,
Зато уж и отечески
Не милуем его.
Да, был я строг по времени,
А впрочем, больше ласкою
Я привлекал сердца.
Я в воскресенье Светлое
Со всей своею вотчиной
Христосовался сам!
Бывало, накрывается
В гостиной стол огромнейший,
На нем и яйца красные,
И пасха, и кулич!
Моя супруга, бабушка,
Сынишки, даже барышни

[65] Борзовщик – управляет сворой борзых собак на многолюдной псовой охоте.

Не брезгуют, целуются
С последним мужиком.
«Христос воскрес!» – Воистину! —
Крестьяне разговляются.
Пьют брагу и вино…
Пред каждым почитаемым
Двунадесятым праздником
В моих парадных горницах
Поп всенощну служил.
И к той домашней всенощной
Крестьяне допускалися,
Молись – хоть лоб разбей!
Страдало обоняние,
Сбивали после с вотчины
Баб отмывать полы!
Да чистота духовная
Тем самым сберегалася,
Духовное родство!
Не так ли, благодетели?»
– Так! – отвечали странники,
А про себя подумали:
«Колом сбивал их, что ли, ты
Молиться в барский дом?..»
«Зато, скажу не хвастая,
Любил меня мужик!
В моей сурминской вотчине
Крестьяне все подрядчики,
Бывало, дома скучно им,
Все на чужую сторону
Отпросятся с весны…
Ждешь не дождешься осени,
Жена, детишки малые,
И те гадают, ссорятся:
Какого им гостинчику
Крестьяне принесут!
И точно: поверх барщины,
Холста, яиц и живности,
Всего, что на помещика
Сбиралось искони, —
Гостинцы добровольные
Крестьяне нам несли!
Из Киева – с вареньями,
Из Астрахани – с рыбою,
А тот, кто подостаточней,
И с шелковой материей:
Глядь, чмокнул руку барыне
И сверток подает!
Детям игрушки, лакомства,
А мне, седому бражнику,

Из Питера вина!
Толк вызнали, разбойники,
Небось не к Кривоногову,
К французу забежит.
Тут с ними разгуляешься,
По-братски побеседуешь,
Жена рукою собственной
По чарке им нальет.
А детки тут же малые
Посасывают прянички
Да слушают досужие
рассказы мужиков —
Про трудные их промыслы,
Про чужедальны стороны,
Про Петербург, про Астрахань,
Про Киев, про Казань…

Так вот как, благодетели,
Я жил с моею вотчиной,
Не правда ль, хорошо?..»
– Да, было вам, помещикам,
Житье куда завидное,
Не надо умирать!

«И все прошло! все минуло!..
Чу! похоронный звон!..»

Прислушалися странники,
И точно: из Кузьминского
По утреннему воздуху
Те звуки, грудь щемящие,
Неслись. – Покой крестьянину
И царствие небесное!» —
Проговорили странники
И покрестились все…

Гаврило Афанасьевич
Снял шапочку – и набожно
Перекрестился тож:
«Звонят не по крестьянину!
По жизни по помещичьей
Звонят!.. Ой жизнь широкая!
Прости-прощай навек!
Прощай и Русь помещичья!
Теперь не та уж Русь!
Эй, Прошка!» (выпил водочки
И посвистал)…
«Невесело
Глядеть, как изменилося

Лицо твое, несчастная
Родная сторона!
Сословье благородное
Как будто все попряталось,
Повымерло! Куда
Ни едешь, попадаются
Одни крестьяне пьяные,
Акцизные чиновники,
Поляки пересыльные [66]
Да глупые посредники [67].
Да иногда пройдет
Команда. Догадаешься:
Должно быть, взбунтовалося
В избытке благодарности
Селенье где-нибудь!
А прежде что тут мчалося
Колясок, бричек троечных.
Дормезов шестерней!
Катит семья помещичья —
Тут маменьки солидные,
Тут дочки миловидные
И резвые сынки!
Поющих колокольчиков,
Воркующих бубенчиков
Наслушаешься всласть.
А нынче чем рассеешься?
Картиной возмутительной
Что шаг – ты поражен:
Кладбищем вдруг повеяло,
Ну, значит, приближаемся
К усадьбе… Боже мой!
Разобран по кирпичику
Красивый дом помещичий,
И аккуратно сложены
В колонны кирпичи!
Обширный сад помещичий,
Столетьями взлелеянный,
Под топором крестьянина
Весь лег, – мужик любуется,
Как много вышло дров!
Черства душа крестьянина,
Подумает ли он,
Что дуб, сейчас им сваленный,
Мой дед рукою собственной
Когда-то насадил?

---

[66] Поляки пересыльные – т. е. высланные из Польши за участие в восстании.

[67] Мировой посредник – в период 1861–1874 годов из местных дворян выбирали посредника для урегулирования разногласий между освобожденными крестьянами и помещиками.

Что вон под той рябиною
Резвились наши детушки,
И Ганичка и Верочка,
Аукались со мной?
Что тут, под этой липою,
Жена моя призналась мне,
Что тяжела она
Гаврюшей, нашим первенцем,
И спрятала на грудь мою
Как вишня покрасневшее
Прелестное лицо?..
Ему была бы выгода —
Радехонек помещичьи
Усадьбы изводить!
Деревней ехать совестно:
Мужик сидит – не двинется,
Не гордость благородную —
Желчь чувствуешь в груди.
В лесу не рог охотничий
Звучит – топор разбойничий,
Шалят!.. а что поделаешь?
Кем лес убережешь?..
Поля – недоработаны,
Посевы – недосеяны,
Порядку нет следа!
О матушка! о родина!
Не о себе печалимся,
Тебя, родная, жаль.
Ты, как вдова печальная,
Стоишь с косой распущенной,
С неубранным лицом!..
Усадьбы переводятся,
Взамен их распложаются
Питейные дома!..
Поят народ распущенный,
Зовут на службы земские,
Сажают, учат грамоте, —
Нужна ему она!
На всей тебе, Русь-матушка,
Как клейма на преступнике,
Как на коне тавро,
Два слова нацарапаны:
«Навынос и распивочно».
Чтоб их читать, крестьянина
Мудреной русской грамоте
Не стоит обучать!..

А нам земля осталася…
Ой ты, земля помещичья!

Ты нам не мать, а мачеха
Теперь… «А кто велел? —
Кричат писаки праздные, —
Так вымогать, насиловать
Кормилицу свою!»
А я скажу: – А кто же ждал? —
Ох! эти проповедники!
Кричат: «Довольно барствовать!
Проснись, помещик заспанный!
Вставай! – учись! трудись!..»

Трудись! Кому вы вздумали
Читать такую проповедь!
Я не крестьянин-лапотник —
Я Божиею милостью
Российский дворянин!
Россия – не неметчина,
Нам чувства деликатные,
Нам гордость внушена!
Сословья благородные
У нас труду не учатся.
У нас чиновник плохонький,
И тот полов не выметет,
Не станет печь топить…
Скажу я вам, не хвастая,
Живу почти безвыездно
В деревне сорок лет,
А от ржаного колоса
Не отличу ячменного.
А мне поют: «Трудись!»

А если и действительно
Свой долг мы ложно поняли
И наше назначение
Не в том, чтоб имя древнее,
Достоинство дворянское
Поддерживать охотою,
Пирами, всякой роскошью
И жить чужим трудом,
Так надо было ранее
Сказать… Чему учился я?
Что видел я вокруг?..
Коптил я небо Божие,
Носил ливрею царскую.
Сорил казну народную
И думал век так жить…
И вдруг… Владыко праведный!..»

Помещик зарыдал…

Крестьяне добродушные
Чуть тоже не заплакали,
Подумав про себя:
«Порвалась цепь великая,
Порвалась – расскочилася
Одним концом по барину,
Другим по мужику!..»

КРЕСТЬЯНКА

ПРОЛОГ

«Не все между мужчинами
Отыскивать счастливого,
Пощупаем-ка баб!» —
Решили наши странники
И стали баб опрашивать.
В селе Наготине
Сказали, как отрезали:
«У нас такой не водится,
А есть в селе Клину:
Корова холмогорская,
Не баба! доброумнее
И глаже – бабы нет.
Спросите вы Корчагину
Матрену Тимофеевну,
Она же: губернаторша…»

Подумали – пошли.

Уж налились колосики.
Стоят столбы точеные,
Головки золоченые,
Задумчиво и ласково
Шумят. Пора чудесная!
Нет веселей, наряднее,
Богаче нет поры!
«Ой, поле многохлебное!
Теперь и не подумаешь,
Как много люди Божии
Побились над тобой,
Покамест ты оделося
Тяжелым, ровным колосом
И стало перед пахарем,
Как войско пред царем!
Не столько росы теплые,
Как пот с лица крестьянского
Увлажили тебя!..»

Довольны наши странники,
То рожью, то пшеницею,
То ячменем идут.
Пшеница их не радует:
Ты тем перед крестьянином,

Пшеница, провинилася,
Что кормишь ты *по выбору*,
Зато не налюбуются
На рожь, что *кормит всех*.

«Льны тоже нонче знатные…
Ай! бедненький! застрял!»
Тут жаворонка малого,
Застрявшего во льну,
Роман распутал бережно.
Поцаловал: «Лети!»
И птичка ввысь помчалася,
За нею умиленные
Следили мужики…

Поспел горох! Накинулись,
Как саранча на полосу:
Горох, что девку красную,
Кто ни пройдет – щипнет!
Теперь горох у всякого —
У старого, у малого,
Рассыпался горох
На семьдесят дорог!

Вся овощь огородная
Поспела; дети носятся
Кто с репой, кто с морковкою,
Подсолнечник лущат,
А бабы свеклу дергают,
Такая свекла добрая!
Точь-в-точь сапожки красные,
Лежит на полосе.

Шли долго ли, коротко ли,
Шли близко ли, далеко ли,
Вот наконец и Клин.
Селенье незавидное:
Что ни изба – с подпоркою,
Как нищий с костылем,
А с крыш солома скормлена
Скоту. Стоят, как остовы,
Убогие дома.
Ненастной, поздней осенью
Так смотрят гнезда галочьи,
Когда галчата вылетят
И ветер придорожные
Березы обнажит…
Народ в полях – работает.
Заметив за селением

Усадьбу на пригорочке,
Пошли пока – глядеть.

Огромный дом, широкий двор,
Пруд, ивами обсаженный,
Посереди двора.
Над домом башня высится,
Балконом окруженная,
Над башней шпиль торчит.

В воротах с ними встретился
Лакей, какой-то буркою
Прикрытый: «Вам кого?
Помещик за границею,
А управитель при смерти!..» —
И спину показал.
Крестьяне наши прыснули:
По всей спине дворового
Был нарисован лев.
«Ну, штука!» Долго спорили,
Что за наряд диковинный,
Пока Пахом догадливый
Загадки не решил:
«Холуй хитер: стащит ковер,
В ковре дыру проделает,
В дыру просунет голову
Да и гуляет так!..»

Как прусаки [68] слоняются
По нетопленой горнице,
Когда их вымораживать
Надумает мужик.
В усадьбе той слонялися
Голодные дворовые,
Покинутые барином
На произвол судьбы.
Все старые, все хворые
И как в цыганском таборе
Одеты. По пруду
Тащили бредень пятеро.

«Бог на помочь! Как ловится?..»

– Всего один карась!
А было их до пропасти,
Да крепко навалились мы,
Теперь – свищи в кулак!

[68] Прусак – рыжий таракан. Крестьяне «вымораживали» тараканов – не топили комнаты несколько дней.

– Хоть бы пяточек вынули! —
Проговорила бледная
Беременная женщина,
Усердно раздувавшая
Костер на берегу.

«Точеные-то столбики
С балкону, что ли, умница?» —
Спросили мужики.
– С балкону!
«То-то высохли!
А ты не дуй! Сгорят они
Скорее, чем карасиков
Изловят на уху!»

– Жду – не дождусь. Измаялся
На черством хлебе Митенька,
Эх, горе – не житье! —
И тут она погладила
Полунагого мальчика
(Сидел в тазу заржавленном
Курносый мальчуган).

«А что? ему, чай, холодно, —
Сказал сурово Провушка, —
В железном-то тазу?»
И в руки взять ребеночка
Хотел. Дитя заплакало.
А мать кричит: – Не тронь его!
Не видишь? Он катается!
Ну, ну! пошел! Колясочка
Ведь это у него!..

Что шаг, то натыкалися
Крестьяне на диковину:
Особая и странная
Работа всюду шла.
Один дворовый мучился
У двери: ручки медные
Отвинчивал; другой
Нес изразцы какие-то.
«Наковырял, Егорушка?» —
Окликнули с пруда.
В саду ребята яблоню
Качали. – Мало, дяденька!
Теперь они остались
Уж только наверху,
А было их до пропасти!

«Да что в них проку? зелены!»

– Мы рады и таким!
Бродили долго по́ саду:
«Затей-то! горы, пропасти!
И пруд опять… Чай, лебеди
Гуляли по пруду?..
Беседка… стойте! с надписью!..»
Демьян, крестьянин грамотный,
Читает по складам.
«Эй, врешь!» Хохочут странники…
Опять – и то же самое
Читает им Демьян.
(Насилу догадалися,
Что надпись переправлена:
Затерты две-три литеры.
Из слова благородного
Такая вышла дрянь!)

Заметив любознательность
Крестьян, дворовый седенький
К ним с книгой подошел:
– Купите! – Как ни тужился,
Мудреного заглавия
Не одолел Демьян:
«Садись-ка ты помещиком
Под липой на скамеечку
Да сам ее читай!»

– А тоже грамотеями
Считаетесь! – с досадою
Дворовый прошипел. —
На что вам книги умные?
Вам вывески питейные
Да слово «воспрещается»,
Что на столбах встречается,
Достаточно читать!

«Дорожки так загажены,
Что срам! У девок каменных
Отшибены носы!
Пропали фрукты-ягоды,
Пропали гуси-лебеди
У холуя в зобу!
Что церкви без священника,
Угодам без крестьянина,
То саду без помещика! —
Решили мужики. —

Помещик прочно строился,
Такую даль загадывал,
А вот…» (Смеются шестеро,
Седьмой повесил нос.)
Вдруг с вышины откуда-то
Как грянет песня! Головы
Задрали мужики:
Вкруг башни по балкончику
Похаживал в подряснике
Какой-то человек
И пел… В вечернем воздухе,
Как колокол серебряный,
Гудел громовый бас…
Гудел – и прямо за сердце
Хватал он наших странников:
Не русские слова,
А горе в них такое же,
Как в русской песне, слышалось,
Без берегу, без дна.
Такие звуки плавные.
Рыдающие… «Умница,
Какой мужчина там?» —
Спросил Роман у женщины,
Уже кормившей Митеньку
Горяченькой ухой.

– Певец Ново-Архангельской,
Его из Малороссии
Сманили господа.
Свезти его в Италию
Сулились, да уехали…
А он бы рад-радехонек —
Какая уж Италия? —
Обратно в Конотоп,
Ему здесь делать нечего…
Собаки дом покинули
(Озлилась круто женщина),
Кому здесь дело есть?
Да у него ни спереди,
Ни сзади… кроме голосу… —
«Зато уж голосок!»

– Не то еще услышите,
Как до утра пробудете:
Отсюда версты три
Есть дьякон… тоже с голосом…
Так вот они затеяли
По-своему здороваться
На утренней заре.

На башню как подымется
Да рявкнет наш: «Здо-ро-во ли
Жи-вешь, о-тец И-пат?»
Так стекла затрещат!
А тот ему, оттуда-то:
– Здо-ро-во, наш со-ло-ву-шко!
Жду вод-ку пить! – «И-ду!..»
«Иду»-то это в воздухе
Час целый откликается…
Такие жеребцы!..

Домой скотина гонится,
Дорога запылилася,
Запахло молоком.
Вздохнула мать Митюхина:
– Хоть бы одна коровушка
На барский двор вошла! —
«Чу! песня за деревнею,
Прощай, горю́шка бедная!
Идем встречать народ».

Легко вздохнули странники:
Им после дворни ноющей
Красива показалася
Здоровая, поющая
Толпа жнецов и жниц, —
Все дело девки красили
(Толпа без красных девушек,
Что рожь без васильков).
«Путь добрый! А которая
Матрена Тимофеевна?»
– Что нужно, молодцы? —
Матрена Тимофеевна
Осанистая женщина,
Широкая и плотная,
Лет тридцати осьми.
Красива; волос с проседью,
Глаза большие, строгие,
Ресницы богатейшие,
Сурова и смугла.
На ней рубаха белая,
Да сарафан коротенький,
Да серп через плечо.

– Что нужно вам, молодчики?

Помалчивали странники,
Покамест бабы прочие
Не поушли вперед,

Потом поклон отвесили:
«Мы люди чужестранные,
У нас забота есть,
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды.
Мы мужики степенные,
Из временнообязанных,
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
Из смежных деревень:
Несытова, Неелова,
Заплатова, Дырявина,
Горелок, Голодухина —
Неурожайка тож.
Идя путем-дорогою,
Сошлись мы невзначай,
Сошлись мы – и заспорили:
Кому живется счастливо,
Вольготно на Руси?
Роман сказал: помещику,
Демьян сказал: чиновнику,
Лука сказал: попу,
Купчине толстопузому, —
Сказали братья Губины,
Иван и Митродор.
Пахом сказал: светлейшему,
Вельможному боярину,
Министру государеву,
А Пров сказал: царю…
Мужик что бык: втемяшится
В башку какая блажь —
Колом ее оттудова
Не выбьешь! Как ни спорили,
Не согласились мы!
Поспоривши, повздорили,
Повздоривши, подрались.
Подравшися, удумали
Не расходиться врозь,
В домишки не ворочаться,
Не видеться ни с женами,
Ни с малыми ребятами,
Ни с стариками старыми,
Покуда спору нашему
Решенья не найдем,
Покуда не доведаем

Как ни на есть – доподлинно:
Кому жить любо-весело,
Вольготно на Руси?..

Попа уж мы доведали,
Доведали помещика,
Да прямо мы к тебе!
Чем нам искать чиновника,
Купца, министра царского,
Царя (еще допустит ли
Нас, мужичонков, царь?) —
Освободи нас, выручи!
Молва идет всесветная,
Что ты вольготно, счастливо
Живешь… Скажи по-божески
В чем счастие твое?»

Не то чтоб удивилася
Матрена Тимофеевна,
А как-то закручинилась,
Задумалась она…
– Не дело вы затеяли!
Теперь пора рабочая,
Досуг ли толковать?..

«Полцарства мы промеряли,
Никто нам не отказывал!» —
Просили мужики.

– У нас уж колос сыпется,
Рук не хватает, милые…

«А мы на что, кума?
Давай серпы! Все семеро
Как станем завтра – к вечеру
Всю рожь твою сожнем!»

Смекнула Тимофеевна,
Что дело подходящее.
– Согласна, – говорит, —
Такие-то вы бравые,
Нажнете, не заметите,
Снопов по десяти.

«А ты нам душу выложи!»

– Не скрою ничего!

Покуда Тимофеевна

С хозяйством управлялася,
Крестьяне место знатное
Избрали за избой:
Тут рига, конопляники,
Два стога здоровенные,
Богатый огород.
И дуб тут рос – дубов краса.
Под ним присели странники:
«Эй, скатерть самобраная,
Попотчуй мужиков».

И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки,
Ведро вина поставили,
Горой наклали хлебушка
И спрятались опять…
Гогочут братья Губины:
Такую редьку схапали
На огороде – страсть!

Уж звезды рассажалися
По небу темно-синему,
Высоко месяц стал.
Когда пришла хозяюшка
И стала нашим странникам
«Всю душу открывать…»

ГЛАВА I. ДО ЗАМУЖЕСТВА

– Мне счастье в девках выпало:
У нас была хорошая,
Непьющая семья.
За батюшкой, за матушкой,
Как у Христа за пазухой,
Жила я, молодцы.
Отец, поднявшись до́ свету,
Будил дочурку ласкою,
А брат веселой песенкой;
Покамест одевается,
Поет: «Вставай, сестра!
По избам обряжаются,
В часовенках спасаются —
Пора вставать, пора!
Пастух уж со скотиною
Угнался; за малиною
Ушли подружки в бор,

В полях трудятся пахари,
В лесу стучит топор!»
Управится с горшочками,
Все вымоет, все выскребет,
Посадит хлебы в печь —
Идет родная матушка,
Не будит – пуще кутает:
«Спи, милая, касатушка,
Спи, силу запасай!
В чужой семье – недолог сон!
Уложат спать позднехонько!
Придут будить до солнышка,
Лукошко припасут,
На донце бросят корочку:
Сгложи ее – да полное
Лукошко набери!..»

Да не в лесу родилася,
Не пеньям я молилася,
Не много я спала.
В день Симеона батюшка
Сажал меня на бурушку
И вывел из младенчества [69]
По пятому годку,
А на седьмом за бурушкой
Сама я в стадо бегала,
Отцу носила завтракать,
Утяточек пасла.
Потом грибы да ягоды,
Потом: «Бери-ка грабельки
Да сено вороши!»
Так к делу приобыкла я…
И добрая работница,
И петь-плясать охотница
Я смолоду была.
День в поле проработаешь,
Грязна домой воротишься,
А банька-то на что?

Спасибо жаркой баенке,
Березовому веничку,
Студеному ключу, —
Опять бела, свежехонька,
За прялицей с подружками
До полночи поешь!

На парней я не вешалась,

[69] Обычай.

Наянов обрывала я,
А тихому шепну:
«Я личиком разгарчива,
А матушка догадлива,
Не тронь! уйди!..» – уйдет…

Да как я их ни бегала,
А выискался суженой,
На горе – чужанин!
Филипп Корчагин – питерщик,
По мастерству печник.
Родительница плакала:
«Как рыбка в море синее
Юркнешь ты! как соловушко
Из гнездышка порхнешь!
Чужая-то сторонушка
Не сахаром посыпана,
Не медом полита!
Там холодно, там голодно.
Там холеную доченьку
Обвеют ветры буйные,
Обграют черны вороны,
Облают псы косматые
И люди засмеют!..»
А батюшка со сватами
Подвыпил. Закручинилась,
Всю ночь я не спала…

Ах! что ты, парень, в девице
Нашел во мне хорошего?
Где высмотрел меня?
О святках ли, как с горок я
С ребятами, с подругами
Каталась, смеючись?
Ошибся ты, отецкий сын!
С игры, с катанья, с беганья,
С морозу разгорелося
У девушки лицо!
На тихой ли беседушке?
Я там была нарядная,
Дородства и пригожества
Понакопила за зиму,
Цвела, как маков цвет!
А ты бы поглядел меня,
Как лен треплю, как снопики
На риге молочу…
В дому ли во родительском?..
Ах! кабы знать! Послала бы
Я в город братца-сокола:

«Мил братец! шелку, гарусу
Купи – семи цветов,
Да гарнитуру синего!»
Я по углам бы вышила
Москву, царя с царицею,
Да Киев, да Царьград,
А посередке – солнышко,
И эту занавесочку
В окошке бы повесила,
Авось ты загляделся бы,
Меня бы промигал!..

Всю ночку я продумала…
«Оставь, – я парню молвила, —
Я в подневолье с волюшки,
Бог видит, не пойду!»

– Такую даль мы ехали!
Иди! – сказал Филиппушка. —
Не стану обижать! —

Тужила, горько плакала,
А дело девка делала:
На суженого искоса
Поглядывала втай.
Пригож-румян, широк-могуч,
Рус волосом, тих говором —
Пал на́ сердце Филипп!
«Ты стань-ка, добрый молодец,
Против меня прямехонько,
Стань на одной доске!
Гляди мне в очи ясные,
Гляди в лицо румяное,
Подумывай, смекай:
Чтоб жить со мной – не каяться,
А мне с тобой не плакаться…
Я вся тут такова!»
– Небось не буду каяться,
Небось не будешь плакаться! —
Филиппушка сказал.
Пока мы торговалися,
Филиппу я: «Уйди ты прочь!»,
А он: – Иди со мной! —
Известно: – Ненаглядная,
Хорошая… пригожая… —
«Ай!..» – вдруг рванулась я…
– Чего ты? Эка силища! —
Не удержи – не видеть бы
Вовек ему Матренушки,

Да удержал Филипп!
Пока мы торговалися,
Должно быть, так я думаю,
Тогда и было счастьице…
А больше вряд когда!
Я помню, ночка звездная,
Такая же хорошая,
Как и теперь, была…

Вздохнула Тимофеевна,
Ко стогу приклонилася,
Унывным, тихим голосом
Пропела про себя:

«Ты скажи, за что,
Молодой купец,
Полюбил меня,
Дочь крестьянскую?
Я не в серебре,
Я не в золоте,
Жемчугами я
Не увешана!»

– Чисто серебро —
Чистота твоя,
Красно золото —
Красота твоя,
Бел-крупен жемчуг —
Из очей твоих
Слезы катятся…

Велел родимый батюшка,
Благословила матушка,
Поставили родители
К дубовому столу,
С краями чары налили:
«Бери поднос, гостей-чужан
С поклоном обноси!»
Впервой я поклонилася —
Вздрогну́ли ноги резвые;
Второй я поклонилася —
Поблекло бело личико;
Я в третий поклонилася,
И волюшка [70] скатилася
С девичьей головы…

[70] Во время последней вечеринки, или порученья, с невесты снимали волю, т. е. ленту, которую носят девицы до замужества.

«Так, значит, свадьба? Следует, —
Сказал один из Губиных, —
Поздравить молодых».

«Давай! Начни с хозяюшки».
«Пьешь водку, Тимофеевна?»

– Старухе – да не пить?..

ГЛАВА II. ПЕСНИ

У суда стоять —
Ломит ноженьки,
Под венцом стоять —
Голова болит,
Голова болит,
Вспоминается
Песня старая,
Песня грозная.
На широкий двор
Гости въехали,
Молоду жену
Муж домой привез,
А роденька-то
Как набросится!
Деверек ее —
Расточихою,
А золовушка —
Щеголихою,
Свекор-батюшка —
Тот медведицей,
А свекровушка —
Людоедицей,
Кто неряхою,
Кто непряхою…

Все, что в песенке
Той певалося,
Все со мной теперь
То и сталося!
Чай, певали вы?
Чай, вы знаете?..

«Начинай, кума!
Нам подхватывать…»

Матрена

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекор-батюшка по сеничкам похаживает,
Сердитый по новым погуливает.

Странники (*хором*)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты – сонливая!
Встань, встань, встань, ты – дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

Матрена

Спится мне, младенькой, дремлется,
Клонит голову на подушечку,
Свекровь-матушка по сеничкам
похаживает,
Сердитая по новым погуливает.

Странники (*хором*)

Стучит, гремит, стучит, гремит,
Снохе спать не дает:
Встань, встань, встань, ты – сонливая!
Встань, встань, встань, ты – дремливая!
Сонливая, дремливая, неурядливая!

– Семья была большущая,
Сварливая… попала я
С девичьей холи в ад!
В работу муж отправился,
Молчать, терпеть советовал:
Не плюй на раскаленное
Железо – зашипит!
Осталась я с золовками,
Со свекром, со свекровушкой,
Любить-голубить некому,
А есть кому журить!
На старшую золовушку,
На Марфу богомольную,
Работай, как раба;
За свекором приглядывай,
Сплошаешь – у кабатчика
Пропажу выкупай.
И встань и сядь с приметою,
Не то свекровь обидится;

А где их все-то знать?
Приметы есть хорошие,
А есть и бедокурные.
Случилось так: свекровь
Надула в уши свекору,
Что рожь добрее родится
Из краденых семян.
Поехал ночью Тихоныч,
Поймали, – полумертвого
Подкинули в сарай…

Как велено, так сделано:
Ходила с гневом на сердце,
А лишнего не молвила
Словечка никому.
Зимой пришел Филиппушка,
Привез платочек шелковый
Да прокатил на саночках
В Екатеринин день [71],
И горя словно не было!
Запела, как певала я
В родительском дому.
Мы были однолеточки,
Не трогай нас – нам весело,
Всегда у нас лады.
То правда, что и мужа-то
Такого, как Филиппушка,
Со свечкой поискать…

«Уж будто не колачивал?»

Замялась Тимофеевна:
– Раз только, – тихим голосом
Промолвила она.

«За что?» – спросили странники.

– Уж будто вы не знаете,
Как ссоры деревенские
Выходят? К муженьку
Сестра гостить приехала,
У ней коты [72] разбилися.
«Дай башмаки Оленушке,
Жена!» – сказал Филипп.
А я не вдруг ответила.
Корчагу подымала я,

[71] Первое катание на санках.

[72] Коты – женская теплая обувь.

Такая тяга: вымолвить
Я слова не могла.
Филипп Ильич прогневался,
Пождал, пока поставила
Корчагу на шесток,
Да хлоп меня в висок!
«Ну, благо ты приехала,
И так походишь!» – молвила
Другая, незамужняя
Филиппова сестра.

Филипп подбавил женушке.
«Давненько не видались мы,
А знать бы – так не ехать бы!» —
Сказала тут свекровь.

Еще подбавил Филюшка…
И всё тут! Не годилось бы
Жене побои мужнины
Считать; да уж сказала я:
Не скрою ничего!

«Ну, женщины! с такими-то
Змеями подколодными
И мертвый плеть возьмет!»

Хозяйка не ответила.
Крестьяне, ради случаю,
По новой чарке выпили
И хором песню грянули
Про шелковую плеточку.
Про мужнину родню.

Мой постылый муж
Подымается:
За шелкову плеть
Принимается.

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула…
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула…

Свекру-батюшке
Поклонилася:
Свекор-батюшка,
Отними меня

От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекор-батюшка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить…

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула…
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула…

Свекровь-матушке
Поклонилася:
Свекровь-матушка,
Отними меня
От лиха мужа,
Змея лютого!
Свекровь-матушка
Велит больше бить,
Велит кровь пролить…

Хор

Плетка свистнула,
Кровь пробрызнула…
Ах! лели! лели!
Кровь пробрызнула…

– Филипп на Благовещенье
Ушел, а на Казанскую
Я сына родила.
Как писаный был Демушка!
Краса взята у солнышка,
У снегу белизна,
У маку губы алые,
Бровь черная у соболя,
У соболя сибирского,
У сокола глаза!
Весь гнев с души красавец мой
Согнал улыбкой ангельской,
Как солнышко весеннее
Сгоняет снег с полей…
Не стала я тревожиться,
Что ни велят – работаю,
Как ни бранят – молчу.

Да тут беда подсунулась:

Абрам Гордеич Ситников,
Господский управляющий,
Стал крепко докучать:
«Ты писаная кралечка,
Ты наливная ягодка…»
– Отстань, бесстыдник! ягодка,
Да бору не того! —
Укланяла золовушку,
Сама нейду на барщину,
Так в избу прикатит!
В сарае, в риге спрячуся —
Свекровь оттуда вытащит:
«Эй, не шути с огнем!»
– Гони его, родимая,
По шее! – «А не хочешь ты
Солдаткой быть?» Я к дедушке:
«Что делать? Научи!»

Из всей семейки мужниной
Один Савелий, дедушка,
Родитель свекра-батюшки,
Жалел меня… Рассказывать
Про деда, молодцы?

«Вали всю подноготную!
Накинем по два снопика», —
Сказали мужики.

– Ну то-то! речь особая.
Грех промолчать про дедушку.
Счастливец тоже был…

ГЛАВА III. САВЕЛИЙ, БОГАТЫРЬ СВЯТОРУССКИЙ

С большущей сивой гривою,
Чай, двадцать лет не стриженной,
С большущей бородой,
Дед на медведя смахивал,
Особенно как из лесу,
Согнувшись, выходил.
Дугой спина у дедушки.
Сначала все боялась я,
Как в низенькую горенку
Входил он: ну распрямится?
Пробьет дыру медведице
В светелке головой!
Да распрямиться дедушка

Не мог: ему уж стукнуло,
По сказкам, сто годов,
Дед жил в особой горнице,
Семейки недолюбливал,
В свой угол не пускал;
А та сердилась, лаялась,
Его «клейменым, каторжным»
Честил родной сынок.
Савелий не рассердится.
Уйдет в свою светелочку,
Читает святцы, крестится,
Да вдруг и скажет весело:
«Клейменый, да не раб!..»
А крепко досадят ему —
Подшутит: «Поглядите-тко,
К нам сваты!» Незамужняя
Золовушка – к окну:
Ан вместо сватов – нищие!
Из оловянной пуговки
Дед вылепил двугривенный,
Подбросил на полу —
Попался свекор-батюшка!
Не пьяный из питейного —
Побитый приплелся!
Сидят, молчат за ужином:
У свекра бровь рассечена,
У деда, словно радуга,
Усмешка на лице.

С весны до поздней осени
Дед брал грибы да ягоды,
Силочки становил
На глухарей, на рябчиков.
А зиму разговаривал
На печке сам с собой.
Имел слова любимые,
И выпускал их дедушка
По слову через час.
……
«Погибшие… пропащие…»
……
«Эх вы, Аники-воины! [73]
Со стариками, с бабами
Вам только воевать!»
……
«Недотерпеть – пропасть,
Перетерпеть – пропасть!..»

[73] Аника-воин – популярный в ту пору фольклорный персонаж, хваставший непомерной силой.

……
«Эх, доля святорусского
Богатыря сермяжного! [74]
Всю жизнь его дерут,
Раздумается временем
О смерти – муки адские
В ту-светной жизни ждут».
……
«Надумалась Корёжина [75],
Наддай! наддай! наддай!..»
……
И много! да забыла я…
Как свекор развоюется,
Бежала я к нему.
Запремся. Я работаю,
А Дема, словно яблочко
В вершине старой яблони,
У деда на плече
Сидит румяный, свеженький…
Вот раз и говорю:
«За что тебя, Савельюшка,
Зовут клейменым, каторжным?»

– Я каторжником был. —
«Ты, дедушка?»

– Я, внученька!
Я в землю немца Фогеля
Христьяна Христианыча
Живого закопал…

«И полно! шутишь, дедушка!»

– Нет, не шучу. Послушай-ка! —
И все мне рассказал.

– Во времена досюльные
Мы были тоже барские,
Да только ни помещиков,
Ни немцев-управителей
Не знали мы тогда.
Не правили мы барщины,
Оброков не платили мы,
А так, когда рассудится,
В три года раз пошлем.

[74] Сермяга – грубое некрашеное сукно, обычно изготавливалось дома. Так же называлась и одежда из подобного сукна.
[75] Корёжина – место, в котором проходила жизнь Савелия в молодые годы.

«Да как же так, Савельюшка?»

– А были благодатные
Такие времена.
Недаром есть пословица,
Что нашей-то сторонушки
Три года черт искал.
Кругом леса дремучие,
Кругом болота топкие.
Ни конному проехать к нам,
Ни пешему пройти!
Помещик наш Шалашников
Через тропы звериные
С полком своим – военный был —
К нам доступиться пробовал,
Да лыжи повернул!
К нам земская полиция
Не попадала по́ году, —
Вот были времена!
А ныне – барин под боком,
Дорога скатерть-скатертью…
Тьфу! прах ее возьми!..
Нас только и тревожили
Медведи… да с медведями
Справлялись мы легко.
С ножищем да с рогатиной
Я сам страшней сохатого,
По заповедным тропочкам
Иду: «Мой лес!» – кричу.
Раз только испугался я,
Как наступил на сонную
Медведицу в лесу.
И то бежать не бросился,
А так всадил рогатину,
Что словно как на вертеле
Цыпленок – завертелася
И часу не жила!
Спина в то время хрустнула,
Побаливала изредка,
Покуда молод был,
А к старости согнулася.
Не правда ли, Матренушка,
На очеп [76] я похож? —

«Ты начал, так досказывай!
Ну, жили – не тужили вы,
Что ж дальше, голова?»

[76] Деревенский колодец.

– По времени Шалашников
Удумал штуку новую,
Приходит к нам приказ:
«Явиться!» Не явились мы,
Притихли, не шелохнемся
В болотине своей.
Была засу́ха сильная,
Наехала полиция,

Мы дань ей – медом, рыбою!
Наехала опять,
Грозит с конвоем выправить,
Мы – шкурами звериными!
А в третий – мы ничем!
Обули лапти старые,
Надели шапки рваные,
Худые армяки —
И тронулась Корёжина!..
Пришли… (В губернском городе
Стоял с полком Шалашников.)
«Оброк!» – Оброку нет!
Хлеба не уродилися,
Снеточки не ловилися… —
«Оброк!» – Оброку нет! —
Не стал и разговаривать:
«Эй, перемена первая!» —
И начал нас пороть.
Туга мошна корёжская!
Да стоек и Шалашников:
Уж языки мешалися,
Мозги уж потрясалися
В головушках – дерет!
Укрепа богатырская,
Не розги!.. Делать нечего!
Кричим: постой, дай срок!
Онучи распороли мы
И барину «лобанчиков» [77]
Полшапки поднесли.
Утих боец Шалашников!
Такого-то горчайшего
Поднес нам травнику,
Сам выпил с нами, чокнулся
С Корёгой покоренною:
«Ну, благо вы сдались!
А то – вот Бог! – решился я
Содрать с вас шкуру начисто…

[77] Лобанчики – монеты.

На барабан напялил бы
И подарил полку!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
(Хохочет – рад придумочке.)
Вот был бы барабан!»

Идем домой понурые…
Два старика кряжистые
Смеются… Ай, кряжи!
Бумажки сторублевые
Домой под подоплекою
Нетронуты несут!
Как уперлись: мы нищие —
Так тем и отбоярились!
Подумал я тогда:
«Ну, ладно ж! черти сивые,
Вперед не доведется вам
Смеяться надо мной!»
И прочим стало совестно,
На церковь побожилися:
«Вперед не посрамимся мы,
Под розгами умрем!»

Понравились помещику
Корёжские лобанчики,
Что год – зовет… дерет…

Отменно драл Шалашников,
А не ахти великие
Доходы получал:
Сдавались люди слабые,
А сильные за вотчину
Стояли хорошо.
Я тоже перетерпливал,
Помалчивал, подумывал:
«Как ни дери, собачий сын,
А всей души не вышибешь,
Оставишь что-нибудь!
Как примет дань Шалашников,
Уйдем – и за заставою
Поделим барыши:
«Что денег-то осталося!
Дурак же ты, Шалашников!»
И тешилась над барином
Корёга в свой черед!
Вот были люди гордые!
А нынче дай затрещину —
Исправнику, помещику
Тащат последний грош!

Зато купцами жили мы…

Подходит лето красное,
Ждем грамоты… Пришла…
А в ней уведомление,
Что господин Шалашников
Под Варною [78] убит.
Жалеть не пожалели мы,
А пала дума на сердце:
«Приходит благоденствию
Крестьянскому конец!»
И точно: небывалое
Наследник средство выдумал:
К нам немца подослал.
Через леса дремучие,
Через болота топкие
Пешком пришел, шельмец!
Один как перст: фуражечка
Да тросточка, а в тросточке
Для уженья снаряд.
И был сначала тихонький:
«Платите сколько можете».
– Не можем ничего! —
«Я барина уведомлю».
– Уведомь!.. – Тем и кончилось.
Стал жить да поживать;
Питался больше рыбою;
Сидит на речке с удочкой
Да сам себя то по носу,
То по лбу – бац да бац!
Смеялись мы: – Не любишь ты
Корёжского комарика…
Не любишь, немчура?.. —
Катается по бережку,
Гогочет диким голосом,
Как в бане на полке…

С ребятами, с девóчками
Сдружился, бродит по лесу…
Недаром он бродил!
«Коли платить не можете,
Работайте!» – А в чем твоя
Работа? – «Окопать
Канавками желательно
Болото…» Окопали мы…

[78] Варна – в 1828 г., во время Русско-турецкой войны шли кровопролитные бои за крепость Варна. Ныне – крупный болгарский город.

«Теперь рубите лес…»
– Ну, хорошо! – Рубили мы,
А немчура показывал,
Где надобно рубить.
Глядим: выходит просека!
Как просеку прочистили,
К болоту поперечины
Велел по ней возить.
Ну, словом: спохватились мы,
Как уж дорогу сделали,
Что немец нас поймал!

Поехал в город парочкой!
Глядим, везет из города
Коробки, тюфяки;
Откудова ни взялися
У немца босоногого
Детишки и жена.
Повел хлеб-соль с исправником
И с прочей земской властию,
Гостишек полон двор!

И тут настала каторга [79]
Корёжскому крестьянину —
До нитки разорил!
А драл… как сам Шалашников!
Да тот был прост; накинется
Со всей воинской силою,
Подумаешь: убьет!
А деньги сунь, отвалится,
Ни дать ни взять раздувшийся
В собачьем ухе клещ.
У немца – хватка мертвая:
Пока не пустит по миру,
Не отойдя сосет!

«Как вы терпели, дедушка?»

– А потому терпели мы,
Что мы – богатыри.
В том богатырство русское.
Ты думаешь, Матренушка,
Мужик – не богатырь?
И жизнь его не ратная,
И смерть ему не писана
В бою – а богатырь!

[79] Каторга – один из самых тяжелых видов тюремного заключения, связанный с работой на рудниках или на строительстве в труднодоступных местах.

Цепями руки кручены,
Железом ноги кованы,
Спина… леса дремучие
Прошли по ней – сломалися.
А грудь? Илья-пророк
По ней гремит – катается
На колеснице огненной…
Все терпит богатырь!

И гнется, да не ломится,
Не ломится, не валится…
Ужли не богатырь?
«Ты шутишь шутки, дедушка! —
Сказала я. – Такого-то
Богатыря могучего,
Чай, мыши заедят!»

– Не знаю я, Матренушка.
Покамест тягу страшную
Поднять-то поднял он,
Да в землю сам ушел по грудь
С натуги! По лицу его
Не слезы – кровь течет!
Не знаю, не придумаю,
Что будет? Богу ведомо!
А про себя скажу:
Как выли вьюги зимние,
Как ныли кости старые,
Лежал я на печи;
Полеживал, подумывал:
Куда ты, сила, делася?
На что ты пригодилася? —
Под розгами, под палками
По мелочам ушла!

«А что же немец, дедушка?»

– А немец как ни властвовал,
Да наши топоры
Лежали – до поры!

Осьмнадцать лет терпели мы.
Застроил немец фабрику,
Велел колодец рыть.
Вдевятером копали мы,
До полдня проработали,
Позавтракать хотим.
Приходит немец: «Только-то?..»
И начал нас по-своему,

Не торопясь, пилить.
Стояли мы голодные,
А немец нас поругивал
Да в яму землю мокрую
Пошвыривал ногой.
Была уж яма добрая…
Случилось, я легонечко
Толкнул его плечом,
Потом другой толкнул его,
И третий… Мы посгрудились…
До ямы два шага…
Мы слова не промолвили,
Друг другу не глядели мы
В глаза… а всей гурьбой
Христьяна Христианыча
Поталкивали бережно
Всё к яме… всё на край…
И немец в яму бухнулся,
Кричит: «Веревку! лестницу!»
Мы девятью лопатами
Ответили ему.
«Наддай!» – я слово выронил, —
Под слово люди русские
Работают дружней.
«Наддай! наддай!» Так наддали,
Что ямы словно не было —
Сровнялася с землей!
Тут мы переглянулися…

Остановился дедушка.

«Что ж дальше?»
– Дальше – дрянь!
Кабак… острог в Буй-городе.
Там я учился грамоте,
Пока решили нас.
Решенье вышло: каторга
И плети предварительно;
Не выдрали – помазали,
Плохое там дранье!
Потом… бежал я с каторги…
Поймали! не погладили
И тут по голове.
Заводские начальники
По всей Сибири славятся —
Собаку съели драть.
Да нас дирал Шалашников
Больней – я не поморщился
С заводского дранья.

Тот мастер был – умел пороть!
Он так мне шкуру выделал,
Что носится сто лет.

А жизнь была нелегкая.
Лет двадцать строгой каторги,
Лет двадцать поселения.
Я денег прикопил,
По манифесту царскому
Попал опять на родину,
Пристроил эту горенку
И здесь давно живу.
Покуда были денежки,
Любили деда, холили,
Теперь в глаза плюют!
Эх вы, Аники-воины!
Со стариками, с бабами
Вам только воевать…

Тут кончил речь Савельюшка…

«Ну, что ж? – сказали странники. —
Досказывай, хозяюшка,
Свое житье-бытье!»

– Невесело досказывать.
Одной беды Бог миловал:
Холерой умер Ситников, —
Другая подошла.

«Наддай!» – сказали странники
(Им слово полюбилося)
И выпили винца…

ГЛАВА IV. ДЕМУШКА

– Зажгло грозою дерево,
А было соловьиное
На дереве гнездо.
Горит и стонет дерево,
Горят и стонут птенчики:
«Ой, матушка! где ты?
А ты бы нас похолила,
Пока не оперились мы:
Как крылья отрастим,
В долины, в рощи тихие
Мы сами улетим!»

Дотла сгорело дерево,
Дотла сгорели птенчики,
Тут прилетела мать.
Ни дерева… ни гнездышка…
Ни птенчиков!.. Поет-зовет…
Поет, рыдает, кружится,
Так быстро, быстро кружится,
Что крылышки свистят!..
Настала ночь, весь мир затих,
Одна рыдала пташечка,
Да мертвых не докликалась
До белого утра!..

Носила я Демидушку
По поженкам… лелеяла…
Да взъелася свекровь,
Как зыкнула, как рыкнула:
«Оставь его у дедушки,
Не много с ним нажнешь!»
Запугана, заругана,
Перечить не посмела я,
Оставила дитя.

Такая рожь богатая
В тот год у нас родилася,
Мы землю не ленясь
Удобрили, ухолили, —
Трудненько было пахарю,
Да весело жнее!
Снопами нагружала я
Телегу со стропилами
И пела, молодцы.
(Телега нагружается
Всегда с веселой песнею,
А сани с горькой думою:
Телега хлеб домой везет,
А сани – на базар!)
Вдруг стоны я услышала:
Ползком ползет Савелий-дед,
Бледнешенек как смерть:
«Прости, прости, Матренушка! —
И повалился в ноженьки. —
Мой грех – недоглядел!..»

Ой ласточка! ой глупая!
Не вей гнезда под берегом,
Под берегом крутым!
Что день – то прибавляется
Вода в реке: зальет она

Детенышей твоих.
Ой бедная молодушка!
Сноха в дому последняя,
Последняя раба!
Стерпи грозу великую,
Прими побои лишние,
А с глазу неразумного
Младенца не спускай!..

Заснул старик на солнышке,
Скормил свиньям Демидушку
Придурковатый дед!..
Я клубышком каталася,
Я червышком свивалася,
Звала, будила Демушку —
Да поздно было звать!..

Чу! конь стучит копытами,
Чу, сбруя золоченая
Звенит… еще беда!
Ребята испугалися,
По избам разбежалися,
У окон заметалися
Старухи, старики.
Бежит деревней староста,
Стучит в окошки палочкой.
Бежит в поля, луга.
Собрал народ: идут – кряхтят!
Беда! Господь прогневался,
Наслал гостей непрошеных,
Неправедных судей!
Знать, деньги издержалися,
Сапожки притоптались,
Знать, голод разобрал!..

Молитвы Иисусовой
Не сотворив, уселися
У земского стола,
Налой и крест поставили,
Привел наш поп, отец Иван
К присяге понятых.

Допрашивали дедушку,
Потом за мной десятника
Прислали. Становой
По горнице похаживал,
Как зверь в лесу порыкивал…
«Эй! женка! состояла ты
С крестьянином Савелием

В сожительстве? Винись!»
Я шепотком ответила:
– Обидно, барин, шутите!
Жена я мужу честная,
А старику Савелию
Сто лет… Чай, знаешь сам? —
Как в стойле конь подкованный
Затопал; о кленовый стол
Ударил кулаком:
«Молчать! Не по согласью ли
С крестьянином Савелием
Убила ты дитя?..»
Владычица! что вздумали!
Чуть мироеда этого
Не назвала я нехристем,
Вся закипела я…
Да лекаря увидела:
Ножи, ланцеты, ножницы
Натачивал он тут.

Вздрогнула я, одумалась.
– Нет, – говорю, – я Демушку
Любила, берегла… —
«А зельем не поила ты?
А мышьяку не сыпала?»
– Нет! сохрани Господь!.. —
И тут я покорилася,
Я в ноги поклонилася:
– Будь жалостлив, будь добр!
Вели без поругания
Честному погребению
Ребеночка предать!
Я мать ему!.. – Упросишь ли?
В груди у них нет душеньки,
В глазах у них нет совести,
На шее – нет креста!

Из тонкой из пеленочки
Повыкатали Демушку
И стали тело белое
Терзать и пластовать.
Тут свету я невзвидела, —
Металась и кричала я:
– Злодеи! палачи!..
Падите мои слезоньки
Не на землю, не на воду,
Не на Господень храм!
Падите прямо на́ сердце
Злодею моему!

Ты дай же, Боже Господи!
Чтоб тлен пришел на платьице,
Безумье на головушку
Злодея моего!
Жену ему неумную
Пошли, детей-юродивых!
Прими, услыши, Господи,
Молитвы, слезы матери,
Злодея накажи!.. —
«Никак, она помешана? —
Сказал начальник сотскому. —
Что ж ты не упредил?
Эй! не дури! связать велю!..»

Присела я на лавочку.
Ослабла, вся дрожу.
Дрожу, гляжу на лекаря:
Рукавчики засучены,
Грудь фартуком завешана,
В одной руке – широкий нож,
В другой ручник – и кровь на нем,
А на носу очки!
Так тихо стало в горнице…
Начальничек помалчивал,
Поскрипывал пером,
Поп трубочкой попыхивал,
Не шелохнувшись, хмурые
Стояли мужики.
– Ножом в сердцах читаете, —
Сказал священник лекарю,
Когда злодей у Демушки
Сердечко распластал.
Тут я опять рванулася…
«Ну, так и есть – помешана!
Связать ее!» – десятнику
Начальник закричал.
Стал понятых опрашивать:
«В крестьянке Тимофеевой
И прежде помешательство
Вы примечали?»
– Нет! —
Спросили свекра, деверя,
Свекровушку, золовушку:

– Не примечали, нет! —

Спросили деда старого:

– Не примечал! ровна была…

Одно: к начальству кликнули,
Пошла… а ни целковика [80],
Ни новины [81], пропащая,
С собой и не взяла!

Заплакал на́ взрыд дедушка.
Начальничек нахмурился,
Ни слова не сказал.
И тут я спохватилася!
Прогневался Бог: разуму
Лишил! была готовая
В коробке новина!
Да поздно было каяться.
В моих глазах по косточкам
Изрезал лекарь Демушку,
Циновочкой прикрыл.
Я словно деревянная
Вдруг стала: загляделась я,
Как лекарь руки мыл,
Как водку пил. Священнику
Сказал: «Прошу покорнейше!»
А поп ему: – Что просите?
Без прутика, без кнутика
Все ходим, люди грешные,
На этот водопой!

Крестьяне настоялися,
Крестьяне надрожалися.
(Откуда только бралися
У коршуна налетного
Корыстные дела?)
Без церкви намолилися,
Без образа накланялись!
Как вихорь налетал —
Рвал бороды начальничек,
Как лютый зверь наскакивал —
Ломал перстни злаченые…
Потом он кушать стал.
Пил-ел, с попом беседовал.
Я слышала, как шепотом
Поп плакался ему:
– У нас народ – всё голь да пьянь,
За свадебку, за исповедь
Должают по годам.
Несут гроши последние
В кабак! А благочинному

[80] Целковик – серебряный рубль.

[81] Новина – небеленый холст домашней выделки.

Одни грехи тащат! —
Потом я песни слышала,
Всё голоса знакомые,
Девичьи голоса:
Наташа, Глаша, Дарьюшка…
Чу! пляска! чу! гармония!..
И вдруг затихло все…
Заснула, видно, что ли, я?..
Легко вдруг стало: чудилось,
Что кто-то наклоняется
И шепчет надо мной:
«Усни, многокручинная!
Усни, многострадальная!»
И крестит… С рук скатилися
Веревки… Я не помнила
Потом уж ничего…

Очнулась я. Темно кругом,
Гляжу в окно – глухая ночь!
Да где же я? да что со мной?
Не помню, хоть убей!
Я выбралась на улицу —
Пуста. На небо глянула —
Ни месяца, ни звезд.
Сплошная туча черная
Висела над деревнею.
Темны дома крестьянские,
Одна пристройка дедова
Сияла, как чертог.
Вошла – и все я вспомнила:
Свечами воску ярого
Обставлен, среди горенки
Дубовый стол стоял,
На нем гробочек крохотный
Прикрыт камчатной скатертью,
Икона в головах…
«Ой плотнички-работнички!
Какой вы дом построили
Сыночку моему?
Окошки не прорублены,
Стеколышки не вставлены,
Ни печи, ни скамьи!
Пуховой нет перинушки…
Ой, жестко будет Демушке.
Ой, страшно будет спать!..

«Уйди!..» – вдруг закричала я,
Увидела я дедушку:
В очках, с раскрытой книгою

Стоял он перед гробиком,
Над Демою читал.
Я старика столетнего
Звала клейменым, каторжным.
Гневна, грозна, кричала я:
«Уйди! убил ты Демушку!
Будь проклят ты… уйди!..»

Старик ни с места. Крестится.
Читает… Уходилась я,
Тут дедко подошел:
– Зимой тебе, Матренушка,
Я жизнь свою рассказывал.
Да рассказал не все:
Леса у нас угрюмые,
Озера нелюдимые,
Народ у нас дикарь.
Суровы наши промыслы:
Дави тетерю петлею,
Медведя режь рогатиной,
Сплошаешь – сам пропал!
А господин Шалашников
С своей воинской силою?
А немец-душегуб?
Потом острог да каторга…
Окаменел я, внученька,
Лютее зверя был.
Сто лет зима бессменная
Стояла. Растопил ее
Твой Дема-богатырь!
Однажды я качал его,
Вдруг улыбнулся Демушка…
И я ему в ответ!
Со мною чудо сталося:
Третьеводни прицелился
Я в белку: на суку
Качалась белка… лапочкой,
Как кошка, умывалася…
Не выпалил: живи!
Брожу по рощам, по лугу,
Любуюсь каждым цветиком.
Иду домой, опять
Смеюсь, играю с Демушкой…
Бог видит, как я милого
Младенца полюбил!
И я же, по грехам моим,
Сгубил дитя невинное…
Кори, казни меня!
А с Богом спорить нечего,

Стань! помолись за Демушку!
Бог знает, что творит:
Сладка ли жизнь крестьянина?

И долго, долго дедушка
О горькой доле пахаря
С тоскою говорил…
Случись купцы московские,
Вельможи государевы,
Сам царь случись: не надо бы
Ладнее говорить!

– Теперь в раю твой Демушка,
Легко ему, светло ему… —

Заплакал старый дед.

«Я не ропщу, – сказала я, —
Что Бог прибрал младенчика,
А больно то, зачем они
Ругалися над ним?
Зачем, как черны вороны,
На части тело белое
Терзали?.. Неужли
Ни Бог, ни царь не вступится?..»

– Высоко Бог, далёко царь…

«Нужды нет: я дойду!»

– Ах! что ты? что ты, внученька?..
Терпи, многокручинная!
Терпи, многострадальная!
Нам правды не найти. —

«Да почему же, дедушка?»

– Ты – крепостная женщина! —
Савельюшка сказал.

Я долго, горько думала…
Гром грянул, окна дрогнули,
И я вздрогнула… К гробику
Подвел меня старик:
– Молись, чтоб к лику ангелов
Господь причислил Демушку! —
И дал мне в руки дедушка
Горящую свечу.

Всю ночь до свету белого
Молилась я, а дедушка
Протяжным, ровным голосом
Над Демою читал…

ГЛАВА V. ВОЛЧИЦА

Уж двадцать лет, как Демушка
Дерновым одеялечком
Прикрыт, – все жаль сердечного!
Молюсь о нем, в рот яблока
До Спаса не беру [82].

Не скоро я оправилась.
Ни с кем не говорила я,
А старика Савелия
Я видеть не могла.
Работать не работала.
Надумал свекор-батюшка
Вожжами поучить,
Так я ему ответила:
«Убей!» Я в ноги кланялась:
«Убей! один конец!»
Повесил вожжи батюшка.
На Деминой могилочке
Я день и ночь жила.
Платочком обметала я
Могилку, чтобы травушкой
Скорее поросла,
Молилась за покойничка,
Тужила по родителям:
Забыли дочь свою!
Собак моих боитеся?
Семьи моей стыдитеся?
«Ах, нет, родная, нет!
Собак твоих не боязно,
Семьи твоей не совестно,
А ехать сорок верст
Свои беды рассказывать,
Твои беды выспрашивать —
Жаль бурушку гонять!
Давно бы мы приехали,
Да ту мы думу думали:
Приедем – ты расплачешься,

[82] Примета: если мать умершего младенца станет есть яблоки до Спаса (когда они поспевают), то Бог, в наказание, не даст на том свете ее умершему младенцу «яблочка поиграть».

Уедем – заревешь!»

Пришла зима: кручиною
Я с мужем поделилася,
В Савельевой пристроечке
Тужили мы вдвоем. —

«Что ж, умер, что ли, дедушка?»

– Нет. Он в своей каморочке
Шесть дней лежал безвыходно,
Потом ушел в леса,
Так пел, так плакал дедушка,
Что лес стонал! А осенью
Ушел на покаяние
В Песочный монастырь.

У батюшки, у матушки
С Филиппом побывала я,
За дело принялась.
Три года, так считаю я,
Неделя за неделею,
Одним порядком шли,
Что год, то дети: некогда
Ни думать, ни печалиться,
Дай Бог с работой справиться
Да лоб перекрестить.
Поешь – когда останется
От старших да от деточек,
Уснешь – когда больна…
А на четвертый новое
Подкралось горе лютое —
К кому оно привяжется,
До смерти не избыть!

Впереди летит – ясным соколом,
Позади летит – черным вороном,
Впереди летит – не укатится,
Позади летит – не останется…
Лишилась я родителей…
Слыхали ночи темные,
Слыхали ветры буйные
Сиротскую печаль,
А вам нет ну́жды сказывать…
На Демину могилочку
Поплакать я пошла.

Гляжу: могилка прибрана,
На деревянном крестике

Складная золоченая
Икона. Перед ней
Я старца распростертого
Увидела. «Савельюшка!
Откуда ты взялся?»

– Пришел я из Песочного…
Молюсь за Дему бедного,
За все страдное русское
Крестьянство я молюсь!
Еще молюсь (не образу
Теперь Савелий кланялся),
Чтоб сердце гневной матери
Смягчил Господь… Прости! —

«Давно простила, дедушка!»

Вздохнул Савелий… – Внученька!
А внученька! – «Что, дедушка?»
– По-прежнему взгляни! —
Взглянула я по-прежнему.
Савельюшка засматривал
Мне в очи; спину старую
Пытался разогнуть.
Совсем стал белый дедушка.
Я обняла старинушку,
И долго у креста
Сидели мы и плакали.
Я деду горе новое
Поведала свое…

Недолго прожил дедушка.
По осени у старого
Какая-то глубокая
На шее рана сделалась,
Он трудно умирал:
Сто дней не ел; хирел да сох,
Сам над собой подтрунивал:
– Не правда ли, Матренушка,
На комара корёжского
Костлявый я похож? —
То добрый был, сговорчивый,
То злился, привередничал,
Пугал нас: – Не паши,
Не сей, крестьянин! Сгорбившись
За пряжей, за полотнами,
Крестьянка, не сиди!
Как вы ни бейтесь, глупые
Что на роду написано,

Того не миновать!
Мужчинам три дороженьки:
Кабак, острог да каторга.
А бабам на Руси
Три петли: шелку белого,
Вторая – шелку красного,
А третья – шелку черного,
Любую выбирай!..
В любую полезай… —
Так засмеялся дедушка,
Что все в каморке вздрогнули, —
И к ночи умер он.
Как приказал – исполнили:
Зарыли рядом с Демою…
Он жил сто семь годов.

Четыре года тихие,
Как близнецы похожие,
Прошли потом… Всему
Я покорилась: первая
С постели Тимофеевна,
Последняя – в постель;
За всех, про всех работаю, —
С свекрови, свекра пьяного,
С золовушки бракованной [83]
Снимаю сапоги…

Лишь деточек не трогайте!
За них горой стояла я…
Случилось, молодцы,
Зашла к нам богомолочка;
Сладкоречивой странницы
Заслушивались мы;
Спасаться, жить по-божески
Учила нас угодница,
По праздникам к заутрене
Будила… а потом
Потребовала странница,
Чтоб грудью не кормили мы
Детей по постным дням.
Село переполошилось!
Голодные младенчики
По середам, по пятницам
Кричат! Иная мать
Сама над сыном плачущим
Слезами заливается:
И Бога-то ей боязно,

[83] Если младшая сестра выйдет замуж ранее старшей, то первая называется бракованной.

И дитятка-то жаль!
Я только не послушалась,
Судила я по-своему:
Коли терпеть, так матери,
Я перед Богом грешница,
А не дитя мое!

Да, видно, Бог прогневался.
Как восемь лет исполнилось
Сыночку моему,
В подпаски свекор сдал его.
Однажды жду Федотушку —
Скотина уж пригналася,
На улицу иду.
Там видимо-невидимо
Народу! Я прислушалась
И бросилась в толпу.
Гляжу, Федота бледного
Силантий держит за ухо.
«Что держишь ты его?»
– Посечь хотим маненичко:
Овечками прикармливать
Надумал он волков! —
Я вырвала Федотушку,
Да с ног Силантья-старосту
И сбила невзначай.

Случилось дело дивное:
Пастух ушел; Федотушка
При стаде был один.
«Сижу я, – так рассказывал
Сынок мой, – на пригорочке,
Откуда ни возьмись —
Волчица преогромная
И хвать овечку Марьину!
Пустился я за ней,
Кричу, кнутищем хлопаю,
Свищу, Валетку уськаю…
Я бегать молодец,
Да где бы окаянную
Нагнать, кабы не щенная:
У ней сосцы волочились,
Кровавым следом, матушка.
За нею я гнался!

Пошла потише серая,
Идет, идет – оглянется,
А я как припущу!
И села… Я кнутом ее:

«Отдай овцу, проклятая!»
Не отдает, сидит…
Я не сробел: «Так вырву же,
Хоть умереть!..» И бросился,
И вырвал… Ничего —
Не укусила серая!
Сама едва живехонька.
Зубами только щелкает
Да дышит тяжело.
Под ней река кровавая,
Сосцы травой изрезаны,
Все ребра на счету.
Глядит, поднявши голову,
Мне в очи… и завыла вдруг!
Завыла, как заплакала.
Пощупал я овцу:
Овца была уж мертвая…
Волчица так ли жалобно
Глядела, выла… Матушка!
Я бросил ей овцу!..»

Так вот что с парнем сталося.
Пришел в село да, глупенький,
Все сам и рассказал,
За то и сечь надумали.
Да благо подоспела я…
Силантий осерчал,
Кричит: «Чего толкаешься?
Самой под розги хочется?»
А Марья, та свое:
«Дай, пусть проучат глупого!»
И рвет из рук Федотушку.
Федот как лист дрожит.

Трубят рога охотничьи,
Помещик возвращается
С охоты. Я к нему:
«Не выдай! Будь заступником!»
– В чем дело? – Кликнул старосту
И мигом порешил:
– Подпаска малолетнего
По младости, по глупости
Простить… а бабу дерзкую
Примерно наказать! —
«Ай, барин!» Я подпрыгнула:
«Освободил Федотушку!
Иди домой, Федот!»

– Исполним повеленное! —

Сказал мирянам староста. —
Эй! погоди плясать!

Соседка тут подсунулась:
«А ты бы в ноги старосте…»
«Иди домой, Федот!»

Я мальчика погладила:
«Смотри, коли оглянешься,
Я осержусь… Иди!»

Из песни слово выкинуть,
Так песня вся нарушится
Легла я, молодцы…
…….

В Федотову каморочку,
Как кошка, я прокралася:
Спит мальчик, бредит, мечется;
Одна ручонка свесилась,
Другая на глазу
Лежит, в кулак зажатая:
«Ты плакал, что ли, бедненький?
Спи. Ничего. Я тут!»
Тужила я по Демушке,
Как им была беременна, —
Слабенек родился,
Однако вышел умница:
На фабрике Алферова
Трубу такую вывели
С родителем, что страсть!
Всю ночь над ним сидела я,
Я пастушка любезного
До солнца подняла,
Сама обула в лапотки,
Перекрестила; шапочку,
Рожок и кнут дала.
Проснулась вся семеюшка,
Да я не показалась ей,
На пожню не пошла.

Я пошла на речку быструю,
Избрала я место тихое
У ракитова куста.
Села я на серый камушек,
Подперла рукой головушку,
Зарыдала, сирота!
Громко я звала родителя:
Ты приди, заступник батюшка!

Посмотри на дочь любимую…
Понапрасну я звала.
Нет великой оборонушки!
Рано гостья бесподсудная,
Бесплемянная, безродная,
Смерть родного унесла!

Громко кликала я матушку.
Отзывались ветры буйные,
Откликались горы дальние,
А родная не пришла!
День денна моя печальница,
В ночь – ночная богомолица!
Никогда тебя, желанная,
Не увижу я теперь!
Ты ушла в бесповоротную,
Незнакомую дороженьку,
Куда ветер не доносится,
Не дорыскивает зверь…

Нет великой оборонушки!
Кабы знали вы да ведали,
На кого вы дочь покинули,
Что без вас я выношу?
Ночь – слезами обливаюся,
День – как травка пристилаюся…
Я потупленную голову,
Сердце гневное ношу!..

ГЛАВА VI. ТРУДНЫЙ ГОД

В тот год необычайная
Звезда играла на небе;
Одни судили так:
Господь по небу шествует,
И ангелы его
Метут метлою огненной [84]
Перед стопами Божьими
В небесном поле путь;
Другие то же думали,
Да только на антихриста,
И чуяли беду.
Сбылось: пришла бесхлебица!
Брат брату не уламывал
Куска! Был страшный год…

[84] Комета.

Волчицу ту Федотову
Я вспомнила – голодную,
Похожа с ребятишками
Я на нее была!
Да тут еще свекровушка
Приметой прислужилася.
Соседкам наплела,
Что я беду накликала,
А чем? *Рубаху чистую*
Надела в Рождество[85].
За мужем, за заступником,
Я дешево отделалась;
А женщину одну
Никак за то же самое
Убили насмерть кольями.
С голодным не шути!..

Одной бедой не кончилось:
Чуть справились с бесхлебицей —
Рекрутчина пришла.

Да я не беспокоилась:
Уж за семью Филиппову
В солдаты брат ушел.
Сижу одна, работаю,
И муж и оба деверя
Уехали с утра;
На сходку свекор-батюшка
Отправился, а женщины
К соседкам разбрелись.
Мне крепко нездоровилось,
Была я Лиодорушкой
Беременна: последние
Дохаживала дни.
Управившись с ребятами,
В большой избе под шубою
На печку я легла.
Вернулись бабы к вечеру,
Нет только свекра-батюшки,
Ждут ужинать его.
Пришел: «Ох-ох! умаялся,
А дело не поправилось,
Пропали мы, жена!
Где видано, где слыхано:
Давно ли взяли старшего,
Теперь меньшого дай!
Я по годам высчитывал,

[85] Примета: не надевай чистую рубаху в Рождество, не то жди неурожая. (Есть у Даля.)

Я миру в ноги кланялся,
Да мир у нас какой?
Просил бурмистра: божится,
Что жаль, да делать нечего!
И писаря просил,
Да правды из мошенника
И топором не вырубишь,
Что тени из стены!
Задарен… все задарены…
Сказать бы губернатору,
Так он бы задал им!
Всего и попросить-то бы,
Чтоб он по нашей волости
Очередные росписи
Проверить повелел.
Да сунься-ка!..» Заплакали
Свекровушка, золовушка,
А я… То было холодно,
Теперь огнем горю!
Горю… Бог весть что думаю…
Не дума… бред… Голодные
Стоят сиротки-деточки
Передо мной… Неласково
Глядит на них семья,
Они в дому шумливые,
На улице драчливые,
Обжоры за столом…
И стали их пощипывать,
В головку поколачивать…
Молчи, солдатка-мать!
……
Теперь уж я не дольщица
Участку деревенскому,
Хоромному строеньицу,
Одеже и скоту.
Теперь одно богачество:
Три озера наплакано
Горючих слез, засеяно
Три полосы бедой!
……
Теперь, как виноватая,
Стою перед соседями:
Простите! я была
Спесива, непоклончива,
Не чаяла я, глупая,
Остаться сиротой…
Простите, люди добрые,
Учите уму-разуму,
Как жить самой? Как деточек

Поить, кормить, растить?..
……

Послала деток по миру:
Просите, детки, ласкою,
Не смейте воровать!
А дети в слезы: «Холодно!
На нас одежа рваная.
С крылечка на крылечко-то
Устанем мы ступать,
Под окнами натопчемся,
Иззябнем… У богатого
Нам боязно просить.
«Бог даст!» – ответят бедные…
Ни с чем домой воротимся —
Ты станешь нас бранить!..»
……
Собрала ужин; матушку
Зову, золовок, деверя,
Сама стою голодная
У двери, как раба.
Свекровь кричит: «Лукавая!
В постель скорей торопишься?»
А деверь говорит:
«Не много ты работала!
Весь день за деревиночкой
Стояла: дожидалася,
Как солнышко зайдет!»
……
Получше нарядилась я,
Пошла я в церковь Божию,
Смех слышу за собой!
……
Хорошо не одевайся,
Добела не умывайся,
У соседок очи зорки,
Востры языки!
Ходи улицей потише,
Носи голову пониже,
Коли весело – не смейся,
Не поплачь с тоски!..
……

Пришла зима бессменная,
Поля, луга зеленые
Попрятались под снег.
На белом, снежном саване
Ни талой нет талиночки —
Нет у солдатки-матери

Во всем миру дружка!
С кем думушку подумати?
С кем словом перемолвиться?
Как справиться с убожеством?
Куда обиду сбыть?
В леса – леса повяли бы,
В луга – луга сгорели бы!
Во быструю реку?
Вода бы остоялася!
Носи, солдатка бедная,
С собой ее по гроб!
……
Нет мужа, нет заступника!
Чу, барабан! Солдатики
Идут… Остановилися…
Построились в ряды.
«Живей!» Филиппа вывели
На середину площади:
«Эй! перемена первая!» —
Шалашников кричит.
Упал Филипп: – Помилуйте! —
«А ты попробуй! слюбится!
Ха-ха! ха-ха! ха-ха! ха-ха!
Укрепа богатырская,
Не розги у меня!..»

И тут я с печи спрыгнула,
Обулась. Долго слушала, —
Все тихо, спит семья!
Чуть-чуть я дверью скрипнула
И вышла. Ночь морозная…
Из Домниной избы,
Где парни деревенские
И девки собирался,
Гремела песня складная.
Любимая моя…

На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней батюшка,
Будил ее, побуживал:
Ты, Машенька, пойдем домой!
Ты, Ефимовна, пойдем домой!
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет,
Леса темны, караулов нет…
На горе стоит елочка,

Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходила к ней матушка,
Будила, побуживала:
Машенька, пойдем домой!
Ефимовна, пойдем домой!
Я нейду и не слушаю:
Ночь темна и немесячна,
Реки быстры, перевозов нет.
Леса темны, караулов нет…
На горе стоит елочка,
Под горою светелочка,
Во светелочке Машенька.
Приходил к ней Петр,
Петр сударь Петрович,
Будил ее, побуживал:
Машенька, пойдем домой!
Душа Ефимовна, пойдем домой!
Я иду, сударь, и слушаю:
Ночь светла и месячна,
Реки тихи, перевозы есть,
Леса темны, караулы есть.

ГЛАВА VII. ГУБЕРНАТОРША

Почти бегом бежала я
Через деревню, – чудилось,
Что с песней парни гонятся
И девицы за мной.
За Клином огляделась я:
Равнина белоснежная,
Да небо с ясным месяцем,
Да я, да тень моя…
Не жутко и не боязно
Вдруг стало, – словно радостью
Так и взмывало грудь…
Спасибо ветру зимнему!
Он, как водой студеною,
Больную напоил:
Обвеял буйну голову,
Рассеял думы черные,
Рассудок воротил.
Упала на колени я:
«Открой мне, Матерь Божия,
Чем Бога прогневила я?
Владычица! во мне
Нет косточки неломаной,

Нет жилочки нетянутой,
Кровинки нет непорченой, —
Терплю и не ропщу!
Всю силу, Богом данную,
В работу полагаю я,
Всю в деточек любовь!
Ты видишь всё, Владычица.
Ты можешь всё, Заступница!
Спаси рабу свою!..»

Молиться в ночь морозную
Под звездным небом Божиим
Люблю я с той поры.
Беда пристигнет – вспомните
И женам посоветуйте:
Усердней не помолишься
Нигде и никогда.
Чем больше я молилася,
Тем легче становилося,
И силы прибавлялося,
Чем чаще я касалася
До белой, снежной скатерти
Горящей головой…

Потом – в дорогу тронулась.
Знакомая дороженька!
Езжала я по ней.
Поедешь ранним вечером,
Так утром вместе с солнышком
Поспеешь на базар.
Всю ночь я шла, не встретила
Живой души. Под городом
Обозы начались.
Высокие, высокие
Возы сенца крестьянского,
Жалела я коней:
Свои кормы законные
Везут с двора, сердечные,
Чтоб после голодать.
И так-то все, я думала:
Рабочий конь солому ест.
А пустопляс – овес!
Нужда с кулем тащилася, —
Мучица, чай, не лишняя,
Да подати не ждут!
С посада подгородного
Торговцы-колотырники
Бежали к мужикам;
Божба, обман, ругательство!

Ударили к заутрене,
Как в город я вошла.
Ищу соборной площади,
Я знала: губернаторский
Дворец на площади.
Темна, пуста площадочка,
Перед дворцом начальника
Шагает часовой.

«Скажи, служивый, рано ли
Начальник просыпается?»
– Не знаю. Ты иди!
Нам говорить не велено! —
(Дала ему двугривенный).
На то у губернатора
Особый есть швейцар. —
«А где он? как назвать его?»
– Макаром Федосеичем…
На лестницу поди! —
Пошла, да двери заперты.
Присела я, задумалась,
Уж начало светать.
Пришел фонарщик с лестницей,
Два тусклые фонарика
На площади задул.

– Эй! что ты тут расселася?

Вскочила, испугалась я:
В дверях стоял в халатике
Плешивый человек.
Скоренько я целковенький
Макару Федосеичу
С поклоном подала:
«Такая есть великая
Нужда до губернатора,
Хоть умереть – дойти!»

– Пускать-то вас не велено,
Да… ничего!.. толкнись-ка ты
Так… через два часа…

Ушла. Бреду тихохонько…
Стоит из меди кованный,
Точь-в-точь Савелий дедушка,
Мужик на площади.
«Чей памятник?» – Сусанина. —
Я перед ним помешкала.

На рынок побрела.
Там крепко испугалась я,
Чего? Вы не поверите,
Коли сказать теперь:
У поваренка вырвался
Матерый серый селезень,
Стал парень догонять его,
А он как закричит!
Такой был крик, что за душу
Хватил – чуть не упала я,
Так под ножом кричат!
Поймали! шею вытянул
И зашипел с угрозою,
Как будто думал повара,
Бедняга, испугать.
Я прочь бежала, думала:
Утихнет серый селезень
Под поварским ножом!

Теперь дворец начальника
С балконом, с башней, с лестницей,
Ковром богатым устланной,
Весь стал передо мной.
На окна поглядела я:
Завешаны. «В котором-то
Твоя опочиваленка?
Ты сладко ль спишь, желанный мой,
Какие видишь сны?..»
Сторонкой, не по коврику,
Прокралась я в швейцарскую.

– Раненько ты, кума!

Опять я испугалася,
Макара Федосеича
Я не узнала: выбрился,
Надел ливрею шитую,
Взял в руки булаву,
Как не бывало лысины.
Смеется: – Что ты вздрогнула? —
«Устала я, родной!»

– А ты не трусь! Бог милостив!
Ты дай еще целковенький,
Увидишь – удружу! —

Дала еще целковенький.
– Пойдем в мою каморочку,
Попьешь пока чайку! —

Каморочка под лестницей:
Кровать да печь железная,
Шандал да самовар.
В углу лампадка теплится.
А по стене картиночки.
– Вот он! – сказал Макар. —
Его превосходительство! —
И щелкнул пальцем бравого
Военного в звездах.

«Да добрый ли?» – спросила я.

– Как стих найдет! Сегодня вот
Я тоже добр, а временем —
Как пес, бываю зол.

«Скучаешь, видно, дяденька?»
– Нет, тут статья особая,
Не скука тут – война!
И сам, и люди вечером
Уйдут, а к Федосеичу
В каморку враг: поборемся!
Борюсь я десять лет.
Как выпьешь рюмку лишнюю,
Махорки как накуришься,
Как эта печь накалится
Да свечка нагорит —
Так тут устой… —
Я вспомнила
Про богатырство дедово:
«Ты, дядюшка, – сказала я, —
Должно быть, богатырь».

– Не богатырь я, милая,
А силой тот не хвастайся,
Кто сна не поборал! —

В каморку постучалися.
Макар ушел… Сидела я,
Ждала, ждала, соскучилась.
Приотворила дверь.
К крыльцу карету подали.
«Сам едет?» – Губернаторша! —
Ответил мне Макар
И бросился на лестницу.
По лестнице спускалася
В собольей шубе барыня,
Чиновничек при ней.

Не знала я, что делала
(Да, видно, надоумила
Владычица!)… Как брошусь я
Ей в ноги: «Заступись!
Обманом, не по-божески
Кормильца и родителя
У деточек берут!»

– Откуда ты, голубушка?

Впопад ли я ответила —
Не знаю… Мука смертная
Под сердце подошла…
Очнулась я, молодчики,
В богатой, светлой горнице.
Под пологом лежу;
Против меня – кормилица,
Нарядная, в кокошнике,
С ребеночком сидит:
«Чье дитятко, красавица?»
– Твое! – Поцаловала я
Рожоное дитя…

Как в ноги губернаторше
Я пала, как заплакала,
Как стала говорить,
Сказалась усталь долгая,
Истома непомерная,
Упередилось времечко —
Пришла моя пора!
Спасибо губернаторше,
Елене Александровне,
Я столько благодарна ей,
Как матери родной!
Сама крестила мальчика
И имя Лиодорушка —
Младенцу избрала…

«А что же с мужем сталося?»

– Послали в Клин нарочного,
Всю истину доведали, —
Филиппушку спасли.
Елена Александровна
Ко мне его, голубчика,
Сама – дай Бог ей счастие!
За ручку подвела.
Добра была, умна была,

Красивая, здоровая.
А деток не дал Бог!
Пока у ней гостила я,
Все время с Лиодорушкой
Носилась, как с родным.
Весна уж начиналася,
Березка распускалася,
Как мы домой пошли…
Хорошо, светло
В мире Божием!
Хорошо, легко,
Ясно на́ сердце.

Мы идем, идем —
Остановимся,
На леса, луга
Полюбуемся.
Полюбуемся
Да послушаем,
Как шумят-бегут
Воды вешние,
Как поет-звенит
Жавороночек!
Мы стоим, глядим…
Очи встретятся —
Усмехнемся мы,
Усмехнется нам
Лиодорушка.

А увидим мы
Старца нищего —
Подадим ему
Мы копеечку:
«Не за нас молись, —
Скажем старому, —
Ты молись, старик,
За Еленушку,
За красавицу
Александровну!»

А увидим мы
Церковь Божию —

Перед церковью
Долго крестимся:
«Дай ей, Господи,
Радость-счастие.
Доброй душеньке

Александровне!»

Зеленеет лес,
Зеленеет луг,
Где низиночка —
Там и зеркало!
Хорошо, светло
В мире Божием,
Хорошо, легко,
Ясно на́ сердце.
По водам плыву
Белым лебедем,
По степям бегу
Перепелочкой.

Прилетела в дом
Сизым голубем…
Поклонился мне
Свекор-батюшка,
Поклонилася
Мать-свекровушка,
Деверья, зятья
Поклонилися,
Поклонилися,
Повинилися!
Вы садитесь-ка,
Вы не кланяйтесь,
Вы послушайте.
Что скажу я вам:
Тому кланяться,
Кто сильней меня, —
Кто добрей меня,
Тому славу петь.
Кому славу петь?
Губернаторше!
Доброй душеньке
Александровне!

Глава VIII. БАБЬЯ ПРИТЧА

Замолкла Тимофеевна.
Конечно, наши странники
Не пропустили случая
За здравье губернаторши
По чарке осушить.
И видя, что хозяюшка
Ко стогу приклонилася,

К ней подошли гуськом:
«Что ж дальше?»
– Сами знаете:
Ославили счастливицей,
Прозвали губернаторшей
Матрену с той поры…
Что дальше? Домом правлю я,
Ращу детей… На радость ли?
Вам тоже надо знать.
Пять сыновей! Крестьянские
Порядки нескончаемы, —
Уж взяли одного!

Красивыми ресницами
Моргнула Тимофеевна,
Поспешно приклонилася
Ко стогу головой.
Крестьяне мялись, мешкали.
Шептались. «Ну, хозяюшка!
Что скажешь нам еще?»

– А то, что вы затеяли
Не дело – между бабами
Счастливую искать!..

«Да все ли рассказала ты?»

– Чего же вам еще?
Не то ли вам рассказывать,
Что дважды погорели мы,
Что Бог сибирской язвою [86]
Нас трижды посетил?
Потуги лошадиные
Несли мы; погуляла я,
Как мерин, в бороне!..

Ногами я не топтана,
Веревками не вязана,
Иголками не колота…
Чего же вам еще?
Сулилась душу выложить,
Да, видно, не сумела я, —
Простите, молодцы!
Не горы с места сдвинулись,
Упали на головушку,
Не Бог стрелой громовою
Во гневе грудь пронзил,

[86] Сибирская язва – опасное инфекционное заболевание, которому бывают подвержены как животные, так и люди.

По мне – тиха, невидима —
Прошла гроза душевная,
Покажешь ли ее?
По матери поруганной,
Как по змее растоптанной,
Кровь первенца прошла,
По мне обиды смертные
Прошли неотплаченные,
И плеть по мне прошла!
Я только не отведала —
Спасибо! умер Ситников —
Стыда неискупимого,
Последнего стыда!
А вы – за счастьем сунулись!
Обидно, молодцы!
Идите вы к чиновнику,
К вельможному боярину,
Идите вы к царю,
А женщин вы не трогайте, —
Вот Бог! ни с чем проходите
До гробовой доски!

К нам на ночь попросилася
Одна старушка Божия:
Вся жизнь убогой старицы —
Убийство плоти, пост;
У гроба Иисусова
Молилась, на Афонские
Всходила высоты,
В Иордань-реке купалася…
И та святая старица
Рассказывала мне:
«Ключи от счастья женского,
От нашей вольной волюшки
Заброшены, потеряны
У Бога самого!
Отцы-пустынножители,
И жены непорочные,
И книжники-начетчики
Их ищут – не найдут!
Пропали! думать надобно,
Сглотнула рыба их…
В веригах, изможденные,
Голодные, холодные,
Прошли Господни ратники
Пустыни, города, —
И у волхвов выспрашивать
И по звездам высчитывать
Пытались – нет ключей!

Весь Божий мир изведали,
В горах, в подземных пропастях
Искали… Наконец
Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоценимые,
А всё – не те ключи!
Пришлись они – великое
Избранным людям Божиим
То было торжество, —
Пришлись к рабам-невольникам:
Темницы растворилися,
По миру вздох прошел,
Такой ли громкий, радостный!..
А к нашей женской волюшке
Всё нет и нет ключей!
Великие сподвижники
И по сей день стараются —
На дно морей спускаются,
Под небо подымаются, —
Всё нет и нет ключей!
Да вряд они и сыщутся…
Какою рыбой сглонуты
Ключи те заповедные,
В каких морях та рыбина
Гуляет – Бог забыл!..»

ПОСЛЕДЫШ

I

Петровки. Время жаркое.
В разгаре сенокос.

Минув деревню бедную,
Безграмотной губернии,
Старо-Вахлацкой волости,
Большие Вахлаки,
Пришли на Волгу странники…
Над Волгой чайки носятся;
Гуляют кулики
По отмели. А по́ лугу,
Что гол, как у подьячего
Щека, вчера побритая,
Стоят «князья Волконские» [87]
И детки их, что ранее
Родятся, чем отцы [88].
«Прокосы широчайшие! —
Сказал Пахом Онисимыч. —
Здесь богатырь народ!»
Смеются братья Губины:
Давно они заметили
Высокого крестьянина
Со жбаном – на стогу;
Он пил, а баба с вилами,
Задравши кверху голову,
Глядела на него.
Со стогом поравнялися —
Все пьет мужик! Отмерили
Еще шагов полста,
Все разом оглянулися:
По-прежнему, закинувшись,
Стоит мужик; посудина
Дном кверху поднята…

Под берегом раскинуты
Шатры; старухи, лошади
С порожними телегами
Да дети видны тут.
А дальше, где кончается

[87] Стоги.
[88] Копны.

Отава подкошенная,
Народу тьма! Там белые
Рубахи баб, да пестрые
Рубахи мужиков,
Да голоса, да звяканье
Проворных кос. «Бог на́ помочь!»
– Спасибо, молодцы!

Остановились странники…
Размахи сенокосные
Идут чредою правильной:
Все разом занесенные
Сверкнули косы, звякнули,
Трава мгновенно дрогнула
И пала, прошумев!

По низменному берегу
На Волге травы рослые,
Веселая косьба.
Не выдержали странники:

«Давно мы не работали,
Давайте – покосим!»
Семь баб им косы отдали.
Проснулась, разгорелася
Привычка позабытая
К труду! Как зубы с голоду,
Работает у каждого
Проворная рука.
Валят траву высокую,
Под песню, незнакомую
Вахлацкой стороне;
Под песню, что навеяна
Метелями и вьюгами
Родимых деревень:
Заплатова, Дырявина,
Разутова, Знобишина,
Горелова, Неелова —
Неурожайка тож…

Натешившись, усталые,
Присели к стогу завтракать…

– Откуда, молодцы? —
Спросил у наших странников
Седой мужик (которого
Бабенки звали Власушкой). —
Куда вас Бог несет?

«А мы…» – сказали странники
И замолчали вдруг:
Послышалась им музыка!
– Помещик наш катается, —
Промолвил Влас – и бросился
К рабочим: – Не зевать!
Коси дружней! А главное:
Не огорчить помещика.
Рассердится – поклон ему!
Похвалит вас – «ура» кричи…
Эй, бабы! не галдеть! —
Другой мужик, присадистый,
С широкой бородищею,
Почти что то же самое
Народу приказал,
Надел кафтан – и барина
Бежит встречать. – Что за́ люди? —
Оторопелым странникам
Кричит он на бегу. —
Снимите шапки! —
К берегу
Причалили три лодочки.

В одной прислуга, музыка,
В другой – кормилка дюжая
С ребенком, няня старая
И приживалка тихая,
А в третьей – господа:
Две барыни красивые
(Потоньше – белокурая,
Потолще – чернобровая),
Усатые два барина,
Три ба́рченка-погодочки
Да старый старичок:
Худой! как зайцы зимние,
Весь бел, и шапка белая,
Высокая, с околышем
Из красного сукна [89].
Нос клювом, как у ястреба,
Усы седые, длинные,
И – разные глаза:
Один здоровый – светится.
А левый – мутный, пасмурный,
Как оловянный грош!

При них собачки белые,
Мохнатые, с султанчиком,

[89] Только дворяне имели право носить белую шапку с красным околышем.

На крохотных ногах…

Старик, поднявшись на берег,
На красном, мягком коврике
Долгонько отдыхал,
Потом покос осматривал:
Его водили под руки
То господа усатые,
То молодые барыни, —
И так, со всею свитою,
С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Все поле сенокосное
Помещик обошел.
Крестьяне низко кланялись,
Бурмистр (смекнули странники,
Что тот мужик присадистый
Бурмистр) перед помещиком,
Как бес перед заутреней,
Юлил: «Так точно! Слушаю-с!» —
И кланялся помещику
Чуть-чуть не до земли.

В один стожище матерый [90],
Сегодня только сметанный,
Помещик пальцем ткнул,
Нашел, что сено мокрое,
Вспылил: «Добро господское
Гноить? Я вас, мошенников,
Самих сгною на барщине!
Пересушить сейчас!..»
Засуетился староста:
– Недосмотрел маненичко!
Сыренько: виноват! —
Созвал народ – и вилами
Богатыря кряжистого,
В присутствии помещика,
По клочьям разнесли.
Помещик успокоился.

(Попробовали странники:
Сухохонько сенцо!)

Бежит лакей с салфеткою,
Хромает: «Кушать подано!»
Со всей своею свитою,

[90] Т.е. большой, огромный, высокий.

С детьми и приживалками,
С кормилкою и нянькою,
И с белыми собачками,
Пошел помещик завтракать,
Работы осмотрев.
С реки из лодки грянула
Навстречу барам музыка,
Накрытый стол белеется
На самом берегу…
Дивятся наши странники.
Пристали к Власу: «Дедушка!
Что за порядки чудные?
Что за чудной старик?»

– Помещик наш: Утятин князь! —

«Чего же он куражится?
Теперь порядки новые.
А он дурит по-старому:
Сенцо сухим-сухохонько —
Велел пересушить!»

– А то еще диковинней,
Что и сенцо-то самое
И пожня – не его!

«А чья же?»
– Нашей вотчины.
«Чего же он тут су́ется?
Ин вы у Бога нелюди?»

– Нет, мы, по Божьей милости,
Теперь крестьяне вольные,
У нас, как у людей.
Порядки тоже новые,
Да тут статья особая…

«Какая же статья?»

Под стогом лег старинушка
И – больше ни словца!
К тому же стогу странники
Присели; тихо молвили:
«Эй! скатерть самобраная,
Попотчуй мужиков!»
И скатерть развернулася,
Откудова ни взялися
Две дюжие руки:
Ведро вина поставили,

Горой наклали хлебушка
И спрятались опять…
Налив стаканчик дедушке,
Опять пристали странники:
«Уважь! скажи нам, Власушка,
Какая тут статья?»
– Да пустяки! Тут нечего
Рассказывать… А сами вы
Что за́ люди? Откуда вы?
Куда вас Бог несет?

«Мы люди чужестранные,
Давно, по делу важному,
Домишки мы покинули,
У нас забота есть…
Такая ли заботушка,
Что из домов повыжила,
С работой раздружила нас,
Отбила от еды…»

Остановились странники…

– О чем же вы хлопочете?

«Да помолчим! Поели мы,
Так отдохнуть желательно».
И улеглись. Молчат!

– Вы так-то! а по-нашему,
Коль начал, так досказывай!

«А сам небось молчишь!
Мы не в тебя, старинушка!
Изволь, мы скажем: видишь ли,
Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,
Непотрошеной волости,
Избыткова села!..»

И рассказали странники,
Как встретились нечаянно,
Как подрались, заспоривши,
Как дали свой зарок
И как потом шатались,
Искали по губерниям
Подтянутой, Подстреленной,
Кому живется счастливо.
Вольготно на Руси?
Влас слушал – и рассказчиков

Глазами мерял: – Вижу я,
Вы тоже люди странные! —
Сказал он наконец. —
Чудим и мы достаточно.
А вы – и нас чудней! —

«Да что ж у вас-то деется?
Еще стаканчик, дедушка!»

Как выпил два стаканчика,
Разговорился Влас:

II

– Помещик наш особенный,
Богатство непомерное.
Чин важный, род вельможеский,
Весь век чудил, дурил.
Да вдруг гроза и грянула…
Не верит: врут, разбойники!
Посредника, исправника
Прогнал! дурит по-старому.
Стал крепко подозрителен,
Не поклонись – дерет!
Сам губернатор к барину
Приехал: долго спорили,
Сердитый голос барина
В застольной дворня слышала;
Озлился так, что к вечеру
Хватил его удар!
Всю половину левую
Отбило: словно мертвая
И, как земля, черна…
Пропал ни за копеечку!
Известно, не корысть,
А спесь его подрезала.
Соринку он терял.

«Что значит, други милые,
Привычка-то помещичья!» —
Заметил Митродор.
«Не только над помещиком,
Привычка над крестьянином
Сильна, – сказал Пахом. —
Я раз, по подозрению
В острог попавши, чудного
Там видел мужика.

За конокрадство, кажется,
Судился, звали Сидором,
Так из острога барину
Он посылал оброк!
(Доходы арестантские
Известны: подаяние,
Да что-нибудь сработает,
Да стащит что-нибудь.)
Ему смеялись прочие:
«А ну, на поселение
Сошлют – пропали денежки!»
«Все лучше, – говорит…»

«Ну, дальше, дальше, дедушка!»

– Соринка – дело плевое,
Да только не в глазу:
Пал дуб на море тихое,
И море все заплакало —
Лежит старик без памяти
(Не встанет, так и думали!).
Приехали сыны,
Гвардейцы черноусые
(Вы их на пожне видели,
А барыни красивые —
То жены молодцов).
У старшего доверенность
Была: по ней с посредником
Установили грамоту [91]…
Ан вдруг и встал старик!
Чуть заикнулись… Господи!
Как зверь метнулся раненый
И загремел, как гром!
Дела-то все недавние,
Я был в то время старостой,
Случился тут – так слышал сам,
Как он честил помещиков,
До слова помню всё:
«Корят жидов, что предали
Христа… а вы что сделали?
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Вы предали!..» Сынам
Сказал: «Вы трусы подлые!
Не дети вы мои!
Пускай бы люди мелкие,

[91] Уставная грамота – специальный акт, который определял отношения временнообязанных крестьян с помещиком после 1861 г.

Что вышли из поповичей
Да, понажившись взятками,
Купили мужиков,
Пускай бы… им простительно!
А вы… князья Утятины?
Какие вы У-тя-ти-ны!
Идите вон!.. подкидыши,
Не дети вы мои!»

Оро́бели наследники:
А ну как перед смертию
Лишит наследства? Мало ли
Лесов, земель у батюшки?
Что денег понакоплено,
Куда пойдет добро?
Гадай! У князя в Питере
Три дочери побочные
За генералов выданы,
Не отказал бы им!

А князь опять больнехонек…
Чтоб только время выиграть,
Придумать: как тут быть,
Которая-то барыня
(Должно быть, белокурая:
Она ему, сердечному,
Слыхал я, терла щеткою
В то время левый бок)
Возьми и брякни барину,
Что мужиков помещикам
Велели воротить!
Поверил! Проще малого
Ребенка стал старинушка,
Как паралич расшиб!
Заплакал! пред иконами
Со всей семьею молится,
Велит служить молебствие,
Звонить в колокола!

И силы словно прибыло,
Опять: охота, музыка,
Дворовых дует палкою,
Велит созвать крестьян.

С дворовыми наследники
Стакнулись, разумеется,
А есть один (он давеча
С салфеткой прибегал),
Того и уговаривать

Не надо было: барина
Столь много любит он!
Ипатом прозывается.
Как воля нам готовилась,
Так он не верил ей:
«Шалишь! Князья Утятины
Останутся без вотчины?
Нет, руки коротки!»
Явилось «Положение», —
Ипат сказал: «Балуйтесь вы!
А я князей Утятиных
Холоп – и весь тут сказ!»
Не может барских милостей
Забыть Ипат! Потешные
О детстве и о младости,
Да и о самой старости
Рассказы у него
(Придешь, бывало, к барину,
Ждешь, ждешь… Неволей слушаешь,
Сто раз я слышал их):
«Как был я мал, наш князюшка
Меня рукою собственной
В тележку запрягал;
Достиг я резвой младости:
Приехал в отпуск князюшка
И, подгулявши, выкупал
Меня, раба последнего,
Зимою в проруби!
Да как чудно! Две проруби:
В одну опустит в неводе,
В другую мигом вытянет —
И водки поднесет.
Клониться стал я к старости.
Зимой дороги узкие,
Так часто с князем ездили
Мы гусем [92] в пять коней.
Однажды князь – затейник же! —
И посади фалетуром [93]
Меня, раба последнего,
Со скрипкой – впереди.
Любил он крепко музыку.
«Играй, Ипат!» А кучеру
Кричит: «Пошел живей!»
Метель была изрядная,
Играл я: руки заняты,
А лошадь спотыкливая —

[92] Гусем – особый вид упряжки коней: один за другим.

[93] Т.е. форейтором.

Свалился я с нее!
Ну, сани, разумеется,
Через меня проехали,
Попридавили грудь.
Не то беда: а холодно.
Замерзнешь – нет спасения.
Кругом пустыня, снег…
Гляжу на звезды частые
Да каюсь во грехах.
Так что же, друг ты истинный?
Послышал я бубенчики.
Чу, ближе! чу, звончей!
Вернулся князь (закапали
Тут слезы у дворового.
И сколько ни рассказывал.
Всегда тут плакал он!),
Одел меня, согрел меня
И рядом, недостойного,
С своей особой княжеской
В санях привез домой!»

Похохотали странники…
Глотнув вина (в четвертый раз),
Влас продолжал: «Наследники
Ударили и вотчине
Челом: «Нам жаль родителя,
Порядков новых, нонешних
Ему не перенесть.
Поберегите батюшку!
Помалчивайте, кланяйтесь,
Да не перечьте хворому,
Мы вас вознаградим:
За лишний труд, за барщину,
За слово даже бранное —
За все заплатим вам.
Недолго жить сердечному,
Навряд ли два-три месяца,
Сам дохтур объявил!
Уважьте нас, послушайтесь,
Мы вам луга поемные
По Волге подарим;
Сейчас пошлем посреднику
Бумагу, дело верное!»

Собрался мир, галдит!

Луга-то (эти самые),
Да водка, да с три короба
Посулов то и сделали,

Что мир решил помалчивать
До смерти старика.
Поехали к посреднику:
Смеется! «Дело доброе,
Да и луга хорошие,
Дурачьтесь, Бог простит!
Нет на Руси, вы знаете,
Помалчивать да кланяться
Запрета никому!»
Однако я противился:
«Вам, мужикам, сполагоря,
А мне-то каково?
Что ни случится – к барину
Бурмистра [94]! что ни вздумает,
За мной пошлет! Как буду я
На спросы бестолковые
Ответствовать? дурацкие
Приказы исполнять?»

– Ты стой пред ним без шапочки,
Помалчивай да кланяйся,
Уйдешь – и дело кончено.
Старик больной, расслабленный,
Не помнит ничего!

Оно и правда: можно бы!
Морочить полоумного
Нехитрая статья.
Да быть шутом гороховым,
Признаться, не хотелося.
И так я на веку,
У притолоки стоючи,
Помялся перед барином
Досыта! «Коли мир
(Сказал я, миру кланяясь)
Дозволит покуражиться
Уволенному барину
В останные часы,
Молчу и я – покорствую,
А только что от должности
Увольте вы меня!»

Чуть дело не разладилось.
Да Климка Лавин выручил:
«А вы бурмистром сделайте
Меня! Я удовольствую

[94] Бурмистр – до 1861 г. помещик обычно назначал управляющего своим хозяйством. Им мог быть и выборный из крестьян.

И старика, и вас.
Бог приберет Последыша
Скоренько, а у вотчины
Останутся луга.
Так будем мы начальствовать,
Такие мы строжайшие
Порядки заведем,
Что надорвет животики
Вся вотчина… Увидите!»

Долгонько думал мир.
Что ни на есть отчаянный
Был Клим мужик: и пьяница,
И на руку нечист.
Работать не работает,
С цыганами вожжается,
Бродяга, коновал!
Смеется над трудящимся:
С работы, как ни мучайся,
Не будешь ты богат,
А будешь ты горбат!
А впрочем, парень грамотный,
Бывал в Москве и в Питере,
В Сибирь езжал с купечеством,
Жаль, не остался там!
Умен, а грош не держится,
Хитер, а попадается
Впросак! Бахвал мужик!
Каких-то слов особенных
Наслушался: атечество,
Москва первопрестольная,
Душа великорусская.
«Я – русский мужичок!» —
Горланил диким голосом
И, кокнув в лоб посудою,
Пил залпом полуштоф!
Как рукомойник кланяться
Готов за водку всякому,
А есть казна – поделится,
Со встречным все пропьет!
Горазд орать, балясничать,
Гнилой товар показывать
С хазового конца.
Нахвастает с три короба,
А уличишь – отшутится
Бесстыжей поговоркою,
Что «за погудку правую
Смычком по роже бьют!»

Подумавши, оставили
Меня бурмистром: правлю я
Делами и теперь.
А перед старым барином
Бурмистром Климку на́звали,
Пускай его! По барину
Бурмистр! перед Последышем
Последний человек!
У Клима совесть глиняна,
А бородища Минина,
Посмотришь, так подумаешь,
Что не найти крестьянина
Степенней и трезвей.
Наследники построили
Кафтан ему: одел его —
И сделался Клим Яковлич
Из Климки бесшабашного
Бурмистр первейший сорт.

Пошли порядки старые!
Последышу-то нашему,
Как на беду, приказаны
Прогулки. Что ни день,
Через деревню катится
Рессорная колясочка:
Вставай! картуз долой!
Бог весть с чего накинется,
Бранит, корит; с угрозою
Подступит – ты молчи!
Увидит в поле пахаря
И за его же полосу
Облает: и лентяи-то,
И лежебоки мы!
А полоса сработана,
Как никогда на барина
Не работал мужик,
Да невдомек Последышу,
Что уж давно не барская,
А наша полоса!

Сойдемся – смех! У каждого
Свой сказ про юродивого
Помещика: икается,
Я думаю, ему!
А тут еще Клим Яковлич.
Придет, глядит начальником
(Горда свинья: чесалася
О барское крыльцо!),
Кричит: «Приказ по вотчине!»

Ну, слушаем приказ:
«Докладывал я барину,
Что у вдовы Терентьевны
Избенка развалилася,
Что баба побирается
Христовым подаянием,
Так барин приказал:
На той вдове Терентьевой
Женить Гаврилу Жохова,
Избу поправить заново,
Чтоб жили в ней, плодилися
И правили тягло [95]!»
А той вдове – под семьдесят,
А жениху – шесть лет!
Ну, хохот, разумеется!..
Другой приказ: «Коровушки
Вчера гнались до солнышка
Близ барского двора
И так мычали, глупые,
Что разбудили барина, —
Так пастухам приказано
Впредь унимать коров!»
Опять смеется вотчина.
«А что смеетесь? Всякие
Бывают приказания:
Сидел на губернаторстве
В Якутске генерал.
Так на́кол тот коровушек
Сажал! Долгонько слушались,
Весь город разукрасили,
Как Питер монументами,
Казненными коровами,
Пока не догадалися,
Что спятил он с ума!»
Еще приказ: «У сторожа,
У ундера Софронова,
Собака непочтительна:
Залаяла на барина,
Так ундера прогнать,
А сторожем к помещичьей
Усадьбе назначается
Еремка!..» Покатилися
Опять крестьяне со смеху:
Еремка тот с рождения
Глухонемой дурак!

[95] Тягло – мера труда, соответственно с которой крестьяне облагались барщиной, оброком, а также государственными налогами.

Доволен Клим. Нашел-таки
По нраву должность! Бегает,
Чудит, во все мешается,
Пить даже меньше стал!
Бабенка есть тут бойкая,
Орефьевна, кума ему,
Так с ней Климаха барина
Дурачит заодно.
Лафа бабенкам! бегают
На барский двор с полотнами,
С грибами, с земляникою:
Все покупают барыни,
И кормят, и поят!

Шутили мы, дурачились,
Да вдруг и дошутилися
До сущей до беды:
Был грубый, непокладистый
У нас мужик Агап Петров,
Он много нас корил:
«Ай, мужики! Царь сжалился,
Так вы в хомут охотою…
Бог с ними, с сенокосами!
Знать не хочу господ!..»
Тем только успокоили,
Что штоф вина поставили
(Винцо-то он любил).
Да черт его со временем
Нанес-таки на барина:
Везет Агап бревно
(Вишь, мало ночи глупому,
Так воровать отправился
Лес – среди бела дня!),
Навстречу та колясочка
И барин в ней: «Откудова
Бревно такое славное
Везешь ты, мужичок?..»
А сам смекнул откудова.
Агап молчит: бревешко-то
Из лесу из господского,
Так что тут говорить!
Да больно уж окрысился
Старик: пилил, пилил его,
Права свои дворянские
Высчитывал ему!

Крестьянское терпение
Выносливо, а временем
Есть и ему конец.

Агап раненько выехал,
Без завтрака: крестьянина
Тошнило уж и так,
А тут еще речь барская,
Как муха неотвязная,
Жужжит под ухо самое…

Захохотал Агап!
«Ах шут ты, шут гороховый!
Никшни!» – да и пошел!
Досталось тут Последышу
За дедов и за прадедов,
Не только за себя.
Известно, гневу нашему
Дай волю! Брань господская
Что жало комариное,
Мужицкая – обух!
Опешил барин! Легче бы
Стоять ему под пулями,
Под каменным дождем!
Опешили и сродники,
Бабенки было бросились
К Агапу с уговорами,
Так он вскричал: «Убью!..
Что брага, раскуражились
Подонки из поганого
Корыта… Цыц! Никшни!
Крестьянских душ владение
Покончено. Последыш ты!
Последыш ты! По милости
Мужицкой нашей глупости
Сегодня ты начальствуешь,
А завтра мы Последышу
Пинка – и кончен бал!
Иди домой, похаживай,
Поджавши хвост, по горницам,
А нас оставь! Никшни!..»

«Ты – бунтовщик!» – с хрипотою
Сказал старик; затрясся весь
И полумертвый пал!
«Теперь конец!» – подумали
Гвардейцы черноусые
И барыни красивые;
Ан вышло – не конец!

Приказ: пред всею вотчиной,
В присутствии помещика,
За дерзость беспримерную

Агапа наказать.
Забегали наследники
И жены их – к Агапушке,
И к Климу, и ко мне!
«Спасите нас, голубчики!
Спасите!» Ходят бледные:
«Коли обман откроется,
Пропали мы совсем!»
Пошел бурмистр орудовать!
С Агапом пил до вечера,
Обнявшись, до полуночи
Деревней с ним гулял,
Потом опять с полуночи
Поил его – и пьяного
Привел на барский двор.
Все обошлось любехонько:
Не мог с крылечка сдвинуться
Последыш – так расстроился…
Ну, Климке и лафа!

В конюшню плут преступника
Привел, перед крестьянином
Поставил штоф вина:
«Пей да кричи: помилуйте!
Ой, батюшки! ой, матушки!»
Послушался Агап,
Чу, во́пит! Словно музыку,
Последыш стоны слушает;
Чуть мы не рассмеялися,
Как стал он приговаривать:
«Ка-тай его, раз-бой-ника,
Бун-тов-щи-ка… Ка-тай!»
Ни дать ни взять под розгами
Кричал Агап, дурачился,
Пока не допил штоф.
Как из конюшни вынесли
Его мертвецки пьяного
Четыре мужика,
Так барин даже сжалился:
«Сам виноват, Агапушка!» —
Он ласково сказал…

«Вишь, тоже добрый! сжалился», —
Заметил Пров, а Влас ему:
– Не зол… да есть пословица:
Хвали траву в стогу,
А барина – в гробу!
Все лучше, кабы Бог его
Прибрал… Уж нет Агапушки…

«Как! умер?»
– Да, почтенные:
Почти что в тот же день!
Он к вечеру разохался,
К полуночи попа просил,
К белу свету преставился.
Зарыли и поставили
Животворящий крест…
С чего? Один Бог ведает!
Конечно, мы не тронули
Его не только розгами —
И пальцем. Ну а все ж
Нет-нет – да и подумаешь:
Не будь такой оказии,
Не умер бы Агап!
Мужик сырой, особенный,
Головка непоклончива,
А тут: иди, ложись!
Положим, ладно кончилось,
А все Агап надумался:
Упрешься – мир осердится,
А мир дурак – доймет!
Все разом так подстроилось:
Чуть молодые барыни
Не целовали старого,
Полсотни, чай, подсунули,
А пуще Клим бессовестный,
Сгубил его, анафема,
Винищем!..
Вон от барина
Посол идет: откушали!
Зовет, должно быть, старосту,
Пойду взгляну камедь!

III

Пошли за Власом странники;
Бабенок тоже несколько
И парней с ними тронулось;
Был полдень, время отдыха,
Так набралось порядочно
Народу – поглазеть.
Все стали в ряд почтительно
Поодаль от господ…

За длинным белым столиком,

Уставленным бутылками
И кушаньями разными,
Сидели господа:
На первом месте – старый князь,
Седой, одетый в белое,
Лицо перекошенное
И – разные глаза.
В петлице крестик беленький
(Влас говорит: Георгия
Победоносца крест).
За стулом в белом галстуке
Ипат, дворовый преданный,
Обмахивает мух.
По сторонам помещика
Две молодые барыни:
Одна черноволосая,
Как свекла губы красные,
По яблоку – глаза!
Другая белокурая,
С распущенной косой,
Ай, косонька! как золото
На солнышке горит!
На трех высоких стульчиках
Три мальчика нарядные,
Салфеточки подвязаны
Под горло у детей.
При них старуха нянюшка,
А дальше – челядь разная:
Учительницы, бедные
Дворянки. Против барина —
Гвардейцы черноусые,
Последыша сыны.

За каждым стулом девочка,
А то и баба с веткою —
Обмахивает мух.
А под столом мохнатые
Собачки белошерстые.
Барчонки дразнят их…

Без шапки перед барином
Стоял бурмистр.
«А скоро ли, —
Спросил помещик, кушая, —
Окончим сенокос?»

– Да как теперь прикажете:
У нас по положению
Три дня в неделю барские,

С тягла: работник с лошадью,
Подросток или женщина,
Да полстарухи в день,
Господский срок [96] кончается…

«Тсс! тсс! – сказал Утятин князь,
Как человек, заметивший,
Что на тончайшей хитрости
Другого изловил. —
Какой такой господский срок?
Откудова ты взял его?»
И на бурмистра верного
Навел пытливо глаз.

Бурмистр потупил голову,
– Как приказать изволите!
Два-три денька хорошие,
И сено вашей милости
Все уберем, Бог даст!
Не правда ли, ребятушки?.. —
(Бурмистр воротит к барщине
Широкое лицо.)
За барщину ответила
Проворная Орефьевна,
Бурмистрова кума:
– Вестимо так, Клим Яковлич.
Покуда вёдро держится,
Убрать бы сено барское,
А наше – подождет!

«Бабенка, а умней тебя! —
Помещик вдруг осклабился
И начал хохотать. —
Ха-ха! дурак!.. Ха-ха-ха-ха!
Дурак! дурак! дурак!
Придумали: господский срок!
Ха-ха… дурак! ха-ха-ха-ха!
Господский срок – вся жизнь раба!
Забыли, что ли, вы:
Я Божиею милостью,
И древней царской грамотой,
И родом и заслугами
Над вами господин!..»

Влас наземь опускается.
«Что так?» – спросили странники.

[96] Господский срок – по «Манифесту» 1861 г. помещики обязывались в течение двух лет составить уставные грамоты и урегулировать правовые отношения со своими крестьянами.

– Да отдохну пока!
Теперь не скоро князюшка
Сойдет с коня любимого!
С тех пор, как слух прошел,
Что воля нам готовится,
У князя речь одна:
Что мужику у барина
До светопреставления
Зажату быть в горсти!..

И точно: час без малого
Последыш говорил!
Язык его не слушался:
Старик слюною брызгался,
Шипел! И так расстроился,
Что правый глаз задергало,
А левый вдруг расширился
И – круглый, как у филина, —
Вертелся колесом.
Права свои дворянские,
Веками освященные,
Заслуги, имя древнее
Помещик поминал,
Царевым гневом, Божиим
Грозил крестьянам, ежели
Взбунтуются они,
И накрепко приказывал,
Чтоб пустяков не думала,
Не баловалась вотчина,
А слушалась господ!

«Отцы! – сказал Клим Яковлич,
С каким-то визгом в голосе,
Как будто вся утроба в нем,
При мысли о помещиках,
Заликовала вдруг. —
Кого же нам и слушаться?
Кого любить? надеяться
Крестьянству на кого?
Бедами упиваемся,
Слезами умываемся,
Куда нам бунтовать?
Все ваше, все господское —
Домишки наши ветхие,
И животишки хворые,
И сами – ваши мы!
Зерно, что в землю брошено,
И овощь огородная,
И волос на нечесаной

Мужицкой голове —
Все ваше, все господское!
В могилках наши прадеды,
На печках деды старые
И в зыбках дети малые —
Все ваше, все господское!
А мы, как рыба в неводе,
Хозяева в дому!»

Бурмистра речь покорная
Понравилась помещику:
Здоровый глаз на старосту
Глядел с благоволением,
А левый успокоился:
Как месяц в небе стал!
Налив рукою собственной
Стакан вина заморского,
«Пей!» – барин говорит.
Вино на солнце искрится,
Густое, маслянистое.
Клим выпил, не поморщился
И вновь сказал: «Отцы!
Живем за вашей милостью,
Как у Христа за пазухой:
Попробуй-ка без барина
Крестьянин так пожить!
(И снова, плут естественный,
Глотнул вина заморского.)
Куда нам без господ?
Бояре – кипарисовы,
Стоят, не гнут головушки!
Над ними – царь один!
А мужики вязовые —
И гнутся-то, и тянутся,
Скрипят! Где мат крестьянину,
Там барину сполагоря:
Под мужиком лед ломится,
Под барином трещит!
Отцы! руководители!
Не будь у нас помещиков,
Не наготовим хлебушка,
Не запасем травы!
Хранители! радетели!
И мир давно бы рушился
Без разума господского,
Без нашей простоты!
Вам на роду написано
Блюсти крестьянство глупое,
А нам работать, слушаться,

Молиться за господ!»

Дворовый, что у барина
Стоял за стулом с веткою,
Вдруг всхлипнул! Слезы катятся
По старому лицу.
«Помолимся же Господу
За долголетье барина!» —
Сказал холуй чувствительный
И стал креститься дряхлою,
Дрожащею рукой.
Гвардейцы черноусые
Кисленько как-то глянули
На верного слугу;
Однако – делать нечего! —
Фуражки сняли, крестятся.
Перекрестились барыни.
Перекрестилась нянюшка,
Перекрестился Клим…

Да и мигнул Орефьевне:
И бабы, что протискались
Поближе к господам,
Креститься тоже начали,
Одна так даже всхлипнула
Вподобие дворового.
(«Урчи! вдова Терентьевна!
Старуха полоумная!» —
Сказал сердито Влас.)
Из тучи солнце красное
Вдруг выглянуло; музыка
Протяжная и тихая
Послышалась с реки…

Помещик так растрогался,
Что правый глаз заплаканный
Ему платочком вытерла
Сноха с косой распущенной
И чмокнула старинушку
В здоровый этот глаз.
«Вот! – молвил он торжественно
Сынам своим наследникам
И молодым снохам. —
Желал бы я, чтоб видели
Шуты, врали столичные,
Что обзывают дикими
Крепостниками нас,
Чтоб видели, чтоб слышали…»

Тут случай неожиданный
Нарушил речь господскую:
Один мужик не выдержал —
Как захохочет вдруг!

Задергало Последыша.
Вскочил, лицом уставился
Вперед! Как рысь, высматривал
Добычу. Левый глаз
Заколесил… «Сы-скать его!
Сы-скать бун-тов-щи-ка!»

Бурмистр в толпу отправился;
Не ищет виноватого,
А думает: как быть?
Пришел в ряды последние,
Где были наши странники,
И ласково сказал:
«Вы люди чужестранные,
Что с вами он поделает?
Подите кто-нибудь!»
Замялись наши странники,
Желательно бы выручить
Несчастных вахлаков,
Да барин глуп: судись потом,
Как влепит сотню добрую
При всем честном миру!
«Иди-ка ты, Романушка! —
Сказали братья Губины. —
Иди! ты любишь бар!»
– Нет, сами вы попробуйте! —
И стали наши странники
Друг дружку посылать.
Клим плюнул: «Ну-ка, Власушка,
Придумай, что тут сделаем?
А я устал; мне мочи нет!»

– Ну да и врал же ты! —

«Эх, Влас Ильич! где враки-то? —
Сказал бурмистр с досадою. —
Не в их руках мы, что ль?..
Придет пора последняя:
Заедем все в ухаб [97],
Не выедем никак,
В кромешный ад провалимся,
Так ждет и там крестьянина

[97] Ухаб – могила.

Работа на господ!»

– Что ж там-то будет, Климушка?

«А будет, что назначено:
Они в котле кипеть,
А мы дрова подкладывать!»

(Смеются мужики.)

Пришли сыны Последыша:
«Эх! Клим-чудак! до смеху ли?
Старик прислал нас; сердится,
Что долго нет виновного…
Да кто у вас сплошал?»

– А кто сплошал, и надо бы
Того тащить к помещику,
Да все испортит он!
Мужик богатый… Питерщик…
Вишь, принесла нелегкая
Домой его на грех!
Порядки наши чудные
Ему пока в диковину,
Так смех и разобрал!
А мы теперь расхлебывай! —
«Ну… вы его не трогайте,
А лучше киньте жеребий.
Заплатим мы: вот пять рублей…»

– Нет! разбегутся все…

«Ну, так скажите барину,
Что виноватый спрятался».
– А завтра как? Забыли вы
Агапа неповинного?

«Что ж делать?.. Вот беда!»

– Давай сюда бумажку ту!
Постойте! я вас выручу!
Вдруг объявила бойкая
Бурмистрова кума
И побежала к барину,
Бух в ноги: – Красно солнышко!
Прости, не погуби!
Сыночек мой единственный,
Сыночек надурил!
Господь его без разуму

Пустил на свет! Глупешенек:
Идет из бани – чешется!
Лаптишком, вместо ковшика,
Напиться норовит!
Работать не работает,
Знай скалит зубы белые,
Смешлив… так Бог родил!
В дому-то мало радости:
Избенка развалилася,
Случается, есть нечего —
Смеется дурачок!
Подаст ли кто копеечку,
Ударит ли по темени —
Смеется дурачок!
Смешлив… что с ним поделаешь?
Из дурака, родименький,
И горе смехом прет!

Такая баба ловкая!
Орет, как на девишнике,
Цалует ноги барину.
«Ну, Бог с тобой! Иди! —
Сказал Последыш ласково. —
Я не сержусь на глупого,
Я сам над ним смеюсь!»
«Какой ты добрый!» – молвила
Сноха черноволосая
И старика погладила
По белой голове.
Гвардейцы черноусые
Словечко тоже вставили:
Где ж дурню деревенскому
Понять слова господские,
Особенно Последыша
Столь умные слова?
А Клим полой суконною
Отер глаза бесстыжие
И пробурчал: «Отцы!
Отцы! сыны атечества!
Умеют наказать,
Умеют и помиловать!»

Повеселел старик!
Спросил вина шипучего.
Высоко пробки прянули,
Попадали на баб.
С испугу бабы визгнули,
Шарахнулись. Старинушка
Захохотал! За ним

Захохотали барыни.
За ними – их мужья,
Потом дворецкий преданный,
Потом кормилки, нянюшки,
А там – и весь народ!
Пошло веселье! Барыни,
По приказанью барина,
Крестьянам поднесли,
Подросткам дали пряников,
Девицам сладкой водочки,
А бабы тоже выпили
По рюмке простяку…
Последыш пил да чокался,
Красивых снох пощипывал.
(– Вот так-то! чем бы старому
Лекарство пить, – заметил Влас, —
Он пьет вино стаканами.
Давно уж меру всякую
Как в гневе, так и в радости
Последыш потерял.)

Гремит на Волге музыка.
Поют и пляшут девицы —
Ну, словом, пир горой!
К девицам присоседиться
Хотел старик, встал на ноги
И чуть не полетел!
Сын поддержал родителя.
Старик стоял: притопывал,
Присвистывал, прищелкивал,
А глаз свое выделывал —
Вертелся колесом!

«А вы что ж не танцуете? —
Сказал Последыш барыням
И молодым сынам. —
Танцуйте!» Делать нечего!
Прошлись они под музыку.
Старик их осмеял!
Качаясь, как на палубе
В погоду непокойную,
Представил он, как тешились
В его-то времена!
«Спой, Люба!» Не хотелося
Петь белокурой барыне,
Да старый так пристал!

Чудесно спела барыня!
Ласкала слух та песенка,

Негромкая и нежная,
Как ветер летним вечером,
Легонько пробегающий
По бархатной муравушке,
Как шум дождя весеннего
По листьям молодым!
Под песню ту прекрасную
Уснул Последыш. Бережно
Снесли его в ладью
И уложили сонного.
Над ним с зеленым зонтиком
Стоял дворовый преданный,
Другой рукой отмахивал
Слепней и комаров.
Сидели молча бравые
Гребцы; играла музыка
Чуть слышно… лодка тронулась
И мерно поплыла…
У белокурой барыни
Коса, как флаг распущенный,
Играла на ветру…

«Уважил я Последыша! —
Сказал бурмистр. – Господь с тобой!
Куражься, колобродь!
Не знай про волю новую,
Умри, как жил, помещиком,
Под песни наши рабские,
Под музыку холопскую —
Да только поскорей!
Дай отдохнуть крестьянину!
Ну, братцы! поклонитесь мне,
Скажи спасибо, Влас Ильич:
Я миру порадел!
Стоять перед Последышем
Напасть… язык примелется,
А пуще смех долит.
Глаз этот… как завертится,
Беда! Глядишь да думаешь:
«Куда ты, друг единственный?
По надобности собственной
Аль по чужим делам?
Должно быть, раздобылся ты
Курьерской подорожною!..»
Чуть раз не прыснул я.
Мужик я пьяный, ветреный,
В амбаре крысы с голоду
Подохли, дом пустехонек,
А не взял бы, свидетель Бог,

Я за такую каторгу
И тысячи рублей,
Когда б не знал доподлинно,
Что я перед *последышем*
Стою… что он куражится
По воле по моей…»

Влас отвечал задумчиво:
– Бахвалься! А давно ли мы,
Не мы одни – вся вотчина…
(Да… все крестьянство русское!)
Не в шутку, не за денежки,
Не три-четыре месяца,
А целый век… да что уж тут!
Куда уж нам бахвалиться,
Недаром Вахлаки!

Однако Клима Лавина
Крестьяне полупьяные
Уважили: «Качать его!»
И ну качать… «Ура!»
Потом вдову Терентьевну
С Гаврилкой, малолеточком,
Клим посадил рядком
И жениха с невестою
Поздравил! Подурачились
Досыта мужики.
Приели все, все припили,
Что господа оставили,
И только поздним вечером
В деревню прибрели.
Домашние их встретили
Известьем неожиданным:
Скончался старый князь!
«Как так?» – Из лодки вынесли
Его уж бездыханного —
Хватил второй удар! —

Крестьяне пораженные
Переглянулись… крестятся….
Вздохнули… Никогда
Такого вздоха дружного,
Глубокого-глубокого
Не испускала бедная
Безграмотной губернии
Деревня Вахлаки…

Но радость их вахлацкая
Была непродолжительна.

Со смертию Последыша
Пропала ласка барская:
Опохмелиться не дали
Гвардейцы вахлакам!
А за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются доднесь [98].
Влас за крестьян ходатаем,
Живет в Москве… был в Питере…
А толку что-то нет!

[98] Доднесь – «доныне, до сего дня, до наших дней, времен» (В.И.Даль).

ПИР – НА ВЕСЬ МИР

Посвящается Сергею Петровичу Боткину

ВСТУПЛЕНИЕ

В конце села под ивою,
Свидетельницей скромною
Всей жизни вахлаков,
Где праздники справляются,
Где сходки собираются,
Где днем секут, а вечером
Цалуются, милуются, —
Всю ночь огни и шум.

На бревна, тут лежавшие,
На сруб избы застроенной
Уселись мужики;
Тут тоже наши странники
Сидели рядом с Власушкой;
Влас водку наливал.
«Пей, вахлачки, погуливай!» —
Клим весело кричал.
Как только пить надумали,
Влас сыну-малолеточку
Вскричал: «Беги за Трифоном!»
С дьячком приходским Трифоном,
Гулякой, кумом старосты,
Пришли его сыны,
Семинаристы: Саввушка
И Гриша, парни добрые,
Крестьянам письма к сродникам
Писали; «Положение»,
Как вышло, толковали им,
Косили, жали, сеяли
И пили водку в праздники
С крестьянством наравне.
Теперь же Савва дьяконом
Смотрел, а у Григория
Лицо худое, бледное
И волос тонкий, вьющийся,
С оттенком красноты.
Тотчас же за селением
Шла Волга, а за Волгою
Был город небольшой
(Сказать точнее, города

В ту пору тени не было,
А были головни:
Пожар все снес третьеводни).
Так люди мимоезжие,
Знакомцы вахлаков,
Тут тоже становилися,
Парома поджидаючи,
Кормили лошадей.
Сюда брели и нищие,
И тараторка-странница,
И тихий богомол.

В день смерти князя старого
Крестьяне не предвидели,
Что не луга поемные,
А тяжбу наживут.
И, выпив по стаканчику,
Первей всего заспорили:
Как им с лугами быть?

Не вся ты, Русь, обмеряна
Землицей; попадаются
Углы благословенные,
Где ладно обошлось.
Какой-нибудь случайностью —
Неведеньем помещика,
Живущего вдали,
Ошибкою посредника,
А чаще изворотами
Крестьян-руководителей —
В надел крестьянам изредка
Попало и леску.
Там горд мужик, попробуй-ка
В окошко стукнуть староста
За податью [99] – осердится!
Один ответ до времени:
«А ты леску продай!»
И вахлаки надумали
Свои луга поемные
Сдать старосте – на подати:
Всё взвешено, рассчитано,
Как раз – оброк и подати,
С залишком. «Так ли, Влас?
А коли подать справлена,
Я никому не здравствую!
Охота есть – работаю,
Не то – валяюсь с бабою,

[99] Подать – дань, сборы.

Не то – иду в кабак!»

– Так! – вся орда вахлацкая
На слово Клима Лавина
Откликнулась. – На подати!
Согласен, дядя Влас?

– У Клима речь короткая
И ясная, как вывеска,
Зовущая в кабак, —
Сказал шутливо староста. —
Начнет Климаха бабою,
А кончит – кабаком! —

«А чем же! Не острогом же
Кончать ту? Дело верное,
Не каркай, пореши!»

Но Власу не до карканья.
Влас был душа добрейшая,
Болел за всю вахлачину —
Не за одну семью.
Служа при строгом барине,
Нес тяготу на совести
Невольного участника
Жестокостей его.
Как молод был, ждал лучшего,
Да вечно так случалося,
Что лучшее кончалося
Ничем или бедой.
И стал бояться нового,
Богатого посулами,
Неверующий Влас.
Не столько в Белокаменной
По мостовой проехано,
Как по душе крестьянина
Прошло обид… до смеху ли?..
Влас вечно был угрюм.
А тут – сплошал старинушка!
Дурачество вахлацкое
Коснулось и его!
Ему невольно думалось:
«Без барщины… без подати…
Без палки… правда ль, Господи?»
И улыбнулся Влас.
Так солнце с неба знойного
В лесную глушь дремучую
Забросит луч – и чудо там:
Роса горит алмазами,

Позолотился мох.
«Пей, вахлачки, погуливай!»
Не в меру было весело:
У каждого в груди
Играло чувство новое,
Как будто выносила их
Могучая волна
Со дна бездонной пропасти
На свет, где нескончаемый
Им уготован пир!
Еще ведро поставили,
Галденье непрерывное
И песни начались.
Так, схоронив покойника,
Родные и знакомые
О нем лишь говорят,
Покамест не управятся
С хозяйским угощением
И не начнут зевать, —
Так и галденье долгое
За чарочкой, под ивою,
Все, почитай, сложилося
В поминки по подрезанным
Помещичьим «крепям».

К дьячку с семинаристами
Пристали: «Пой «Веселую»!»
Запели молодцы.
(Ту песню – не народную —
Впервые спел сын Трифона,
Григорий, вахлакам,
И с «Положенья» царского,
С народа крепи снявшего,
Она по пьяным праздникам
Как плясовая пелася
Попами и дворовыми, —
Вахлак ее не пел,
А, слушая, притопывал,
Присвистывал; «Веселою»
Не в шутку называл.)

ВЕСЕЛАЯ

«Кушай тюрю, Яша!
Молочка-то нет!»
– Где ж коровка наша? —
«Увели, мой свет!

Барин для приплоду
Взял ее домой».
Славно жить народу
На Руси святой!

– Где же наши куры? —
Девчонки орут.
«Не орите, дуры!
Съел их земский суд;
Взял еще подводу
Да сулил постой…»
Славно жить народу
На Руси святой!

Разломило спину,
А квашня не ждет!
Баба Катерину
Вспомнила – ревет:
В дворне больше году
Дочка… нет родной!
Славно жить народу
На Руси святой!

Чуть из ребятишек,
Глядь, и нет детей:
Царь возьмет мальчишек,
Барин – дочерей!
Одному уроду
Вековать с семьей.
Славно жить народу
На Руси святой!

и т. д.

Потом свою вахлацкую,
Родную, хором грянули,
Протяжную, печальную,
Иных покамест нет.
Не диво ли? широкая
Сторонка Русь крещеная,
Народу в ней тьма тём,
А ни в одной-то душеньке
Спокон веков до нашего
Не загорелась песенка
Веселая и ясная,
Как вёдреный денек.
Не дивно ли? не страшно ли?
О время, время новое!
Ты тоже в песне скажешься,

Но как?.. Душа народная!
Воссмейся ж наконец!

БАРЩИННАЯ

Беден, нечесан Калинушка,
Нечем ему щеголять,
Только расписана спинушка,
Да за рубахой не знать.
С лаптя до ворота
Шкура вся вспорота,
Пухнет с мякины живот.
Верченый, крученый,
Сеченый, мученый,
Еле Калина бредет:
В ноги кабатчику стукнется,
Горе потопит в вине.
Только в субботу аукнется
С барской конюшни жене…

«Ай песенка!.. Запомнить бы!..»
Тужили наши странники,
Что память коротка,
А вахлаки бахвалились:
«Мы барщинные! С наше-то
Попробуй потерпи!
Мы барщинные! выросли
Под рылом у помещика;
День – каторга, а ночь?
Что сраму-то! За девками
Гонцы скакали тройками
По нашим деревням.
В лицо позабывали мы
Друг дружку, в землю глядючи,
Мы потеряли речь.
В молчанку напивалися,
В молчанку цаловалися,
В молчанку драка шла».
– Ну, ты насчет молчанки-то
Не очень! нам молчанка та
Досталась солоней! —
Сказал соседней волости
Крестьянин, с сеном ехавший
(Нужда пристигла крайняя,
Скосил – и на базар!).
Решила наша барышня
Гертруда Александровна,

Кто скажет слово крепкое,
Того нещадно драть.
И драли же! покудова
Не перестали лаяться,
А мужику не лаяться —
Едино что молчать.
Намаялись! уж подлинно
Отпраздновали волю мы,
Как праздник: так ругалися,
Что поп Иван обиделся
За звоны колокольные
Гудевшие в тот день.

Такие сказы чудные
Посыпались… И диво ли?
Ходить далеко за́ словом
Не надо – всё прописано
На собственной спине.

«У нас была оказия, —
Сказал детина с черными
Большими бакенбардами, —
Так нет ее чудней».
(На малом шляпа круглая,
С значком, жилетка красная,
С десятком светлых пуговиц,
Посконные штаны
И лапти: малый смахивал
На дерево, с которого
Кору подпасок крохотный
Всю снизу ободрал,
А выше – ни царапины,
В вершине не побрезгует
Ворона свить гнездо.)
– Так что же, брат, рассказывай! —
«Дай прежде покурю!»
Покамест он покуривал,
У Власа наши странники
Спросили: «Что за гусь?»
– Так, подбегало-мученик,
Приписан к нашей волости,
Барона Синегузина [100]
Дворовый человек,
Викентий Александрович.
С запяток в хлебопашество
Прыгну́л! За ним осталася
И кличка «выездной».

[100] Тизенгаузена.

Здоров, а ноги слабые,
Дрожат; его-то барыня
В карете цугом ездила
Четверкой по грибы…
Расскажет он! послушайте!
Такая память знатная,
Должно быть (кончил староста),
Сорочьи яйца ел [101].

Поправив шляпу круглую,
Викентий Александрович
К рассказу приступил.

ПРО ХОЛОПА ПРИМЕРНОГО – ЯКОВА ВЕРНОГО

Был господин невысокого рода,
Он деревнишку на взятки купил,
Жил в ней безвыездно
тридцать три года,
Вольничал, бражничал, горькую пил,
Жадный, скупой, не дружился
с дворянами,
Только к сестрице езжал на чаек;
Даже с родными, не только
с крестьянами,

Был господин Поливанов жесток;
Дочь повенчав, муженька благоверного
Высек – обоих прогнал нагишом,
В зубы холопа примерного,
Якова верного,
Походя дул каблуком.

Люди холопского звания —
Сущие псы иногда:
Чем тяжелей наказания,
Тем им милей господа.

Яков таким объявился из младости,
Только и было у Якова радости:
Барина холить, беречь, ублажать
Да племяша-малолетка качать.
Так они оба до старости дожили.
Стали у барина ножки хиреть,
Ездил лечиться, да ноги не ожили…

[101] Примета: чтобы иметь хорошую память, нужно есть сорочьи яйца.

Полно кутить, баловаться и петь!
Очи-то ясные,
Щеки-то красные,
Пухлые руки как сахар белы,
Да на ногах – кандалы!
Смирно помещик лежит под халатом,
Горькую долю клянет,
Яков при барине: другом и братом
Верного Якова барин зовет.
Зиму и лето вдвоем коротали,
В карточки больше играли они,
Скуку рассеять к сестрице езжали
Верст за двенадцать в хорошие дни.
Вынесет сам его Яков, уложит,
Сам на долгушке свезет до сестры,
Сам до старушки добраться поможет,
Так они жили ладком – до поры…

Вырос племянничек Якова, Гриша,
Барину в ноги: «Жениться хочу!»
– Кто же невеста? – «Невеста —
Ариша».
Барин ответствует: – В гроб вколочу! —
Думал он сам, на Аришу-то глядя:
«Только бы ноги Господь воротил!»
Как ни просил за племянника дядя,
Барин соперника в рекруты сбыл.
Крепко обидел холопа примерного,
Якова верного,
Барин, – холоп задурил!
Мертвую запил… Неловко без Якова,
Кто ни послужит – дурак, негодяй!
Злость-то давно накипела у всякого,
Благо есть случай: груби, вымещай!
Барин то просит, то пески ругается.
Так две недели прошли.
Вдруг его верный холоп возвращается…
Первое дело – поклон до земли.
Жаль ему, видишь ты, стало безногого:
Кто-де сумеет его соблюсти?
«Не поминай только дела жестокого;
Буду свой крест до могилы нести!»
Снова помещик лежит под халатом,
Снова у ног его Яков сидит,
Снова помещик зовет его братом.
– Что ты нахмурился, Яша? – «Мутит!»

Много грибов нанизали на нитки,
В карты сыграли, чайку напились,

Ссыпали вишни, малину в напитки
И поразвлечься к сестре собрались.

Курит помещик, лежит беззаботно,
Ясному солнышку, зелени рад.
Яков угрюм, говорит неохотно,
Вожжи у Якова дрожмя дрожат,
Крестится: «Чур меня, сила нечистая!»
Шепчет: «Рассыпься!» (мутил его враг).
Едут… Направо трущоба лесистая,
Имя ей исстари: Чертов овраг;
Яков свернул и поехал оврагом,
Барин опешил: – Куда ж ты, куда? —
Яков ни слова. Проехали шагом
Несколько верст; не дорога – беда!
Ямы, валежник; бегут по оврагу
Вешние воды, деревья шумят…
Стали лошадки – и дальше ни шагу,
Сосны стеной перед ними торчат.

Яков, не глядя на барина бедного,
Начал коней отпрягать,
Верного Яшу, дрожащего, бледного,
Начал помещик тогда умолять.
Выслушал Яков посулы – и грубо,
Зло засмеялся: «Нашел душегуба!
Стану я руки убийством марать,
Нет, не тебе умирать!»
Яков на сосну высокую прянул,
Вожжи в вершине ее укрепил,
Перекрестился, на солнышко глянул,
Голову в петлю – и ноги спустил!..
Экие страсти Господни! висит
Яков над барином, мерно качается.
Мечется барин, рыдает, кричит,
Эхо одно откликается!
Вытянул голову, голос напряг
Барин – напрасные крики!
В саван окутался Чертов овраг,
Ночью там росы велики,
Зги не видать! только совы снуют,
Оземь ширяясь крылами,
Слышно, как лошади листья жуют,
Тихо звеня бубенцами.
Словно чугунка подходит – горят
Чьи-то два круглые, яркие ока,
Птицы какие-то с шумом летят.
Слышно, посели они недалеко.
Ворон над Яковом каркнул один,

Чу! их слетелось до сотни!
Ухнул, грозит костылем господин.
Экие страсти Господни!

Барин в овраге всю ночь пролежал,
Стонами птиц и волков отгоняя,
Утром охотник его увидал.
Барин вернулся домой, причитая:
– Грешен я, грешен! Казните меня! —
Будешь ты, барин, холопа примерного,
Якова верного,
Помнить до судного дня!

«Грехи, грехи, – послышалось
Со всех сторон. – Жаль Якова,
Да жутко и за барина, —
Какую принял казнь!»
– Жалей!.. – Еще прослушали
Два-три рассказа страшные
И горячо заспорили
О том, кто всех грешней?
Один сказал: кабатчики,
Другой сказал: помещики,
А третий – мужики.
То был Игнатий Прохоров,
Извозом занимавшийся,
Степенный и зажиточный

Мужик – не пустослов.
Видал он виды всякие,
Изъездил всю губернию
И вдоль и поперек.
Его послушать надо бы,
Однако вахлаки
Так обозлились, не дали
Игнатью слова вымолвить,
Особенно Клим Яковлев
Куражился: «Дурак же ты!..»
– А ты бы прежде выслушал… —
«Дурак же ты…»
– И все-то вы,
Я вижу, дураки! —
Вдруг вставил слово грубое
Еремин, брат купеческий,
Скупавший у крестьян
Что ни попало, лапти ли,
Теленка ли, бруснику ли,
А главное – мастак
Подстерегать оказии,

Когда сбирались подати
И собственность вахлацкая
Пускалась с молотка.
Затеять спор затеяли,
А в точку не утрафили!
Кто всех грешней? подумайте! —
«Ну, кто же? говори!»
– Известно кто: разбойники! —
А Клим ему в ответ:
«Вы крепостными не были,
Была капель великая,
Да не на вашу плешь!
Набил мошну: мерещатся
Везде ему разбойники;
Разбой – статья особая,
Разбой тут ни при чем!»
– Разбойник за разбойника
Вступился! – прасол вымолвил,
А Лавин – скок к нему!
«Молись!» – и в зубы прасола.
– Прощайся с животишками! —
И прасол в зубы Лавина.
«Ай драка! молодцы!»
Крестьяне расступилися,
Никто не подзадоривал,
Никто не разнимал.
Удары градом сыпались:
– Убью! пиши к родителям! —
«Убью! зови попа!»
Тем кончилось, что прасола
Клим сжал рукой, как обручем,
Другой вцепился в волосы
И гнул со словом «кланяйся»
Купца к своим ногам.
– Ну, баста! – прасол вымолвил.
Клим выпустил обидчика,
Обидчик сел на бревнышко,
Платком широким клетчатым
Отерся и сказал:
– Твоя взяла! и диво ли?
Не жнет, не пашет – шляется
По коновальской должности,
Как сил не нагулять? —
(Крестьяне засмеялися.)
«А ты еще не хочешь ли? —
Сказал задорно Клим.
– Ты думал, нет? Попробуем! —
Купец снял чуйку бережно
И в руки поплевал.

«Раскрыть уста греховные
Пришел черед: прослушайте!
И так вас помирю!» —
Вдруг возгласил Ионушка,
Весь вечер молча слушавший,
Вздыхавший и крестившийся,
Смиренный богомол.
Купец был рад; Клим Яковлев
Помалчивал. Уселися,
Настала тишина.

Бездомного, безродного
Немало попадается
Народу на Руси,
Не жнут, не сеют – кормятся
Из той же общей житницы,
Что кормит мышку малую
И воинство несметное:
Оседлого крестьянина
Горбом ее зовут.
Пускай народу ведомо,
Что целые селения
На попрошайство осенью,
Как на доходный промысел,
Идут: в народной совести
Уставилось решение,
Что больше тут злосчастия,
Чем лжи, – им подают.
Пускай нередки случаи,
Что странница окажется
Воровкой; что у баб
За просфоры афонские,
За «слезки Богородицы»
Паломник пряжу выманит,
А после бабы сведают,
Что дальше Тройцы-Сергия
Он сам-то не бывал.
Был старец, чудным пением
Пленял сердца народные;
С согласья матерей,
В селе Крутые Заводи
Божественному пению
Стал девок обучать;
Всю зиму девки красные
С ним в риге запирались,
Откуда пенье слышалось,
А чаще смех и визг.
Однако чем же кончилось?

Он петь-то их не выучил,
А перепортил всех.
Есть мастера великие
Подлаживаться к барыням:
Сначала через баб
Доступится до девичьей,
А там и до помещицы.
Бренчит ключами, по двору
Похаживает барином,
Плюет в лицо крестьянину,
Старушку богомольную
Согнул в бараний рог!..
Но видит в тех же странниках
И лицевую сторону
Народ. Кем церкви строятся?
Кто кружки монастырские
Наполнил через край?
Иной добра не делает,
И зла за ним не видится,
Иного не поймешь.
Знаком народу Фомушка:
Вериги двупудовые
По телу опоясаны,
Зимой и летом бос,
Бормочет непонятное,
А жить – живет по-божески:
Доска да камень в головы,
А пища – хлеб один.
Чудён ему и памятен
Старообряд Кропильников,
Старик, вся жизнь которого
То воля, то острог.
Пришел в село Усолово:
Корит мирян безбожием,
Зовет в леса дремучие
Спасаться. Становой
Случился тут, все выслушал:
«К допросу сомустителя!»
Он то же и ему:
– Ты враг Христов, антихристов
Посланник! – Сотский, староста
Мигали старику:
«Эй, покорись!» Не слушает!
Везли его в острог,
А он корил начальника
И, на телеге стоючи,
Усоловцам кричал:
– Горе вам, горе, пропащие головы!
Были оборваны, – будете голы вы,

Били вас палками, розгами, кнутьями,
Будете биты железными прутьями!..

Усоловцы крестилися,
Начальник бил глашатая:
«Попомнишь ты, анафема,
Судью ерусалимского!»
У парня, у подводчика,
С испуга вожжи выпали
И волос дыбом стал!
И, как на грех, воинская
Команда утром грянула:
В Устой, село недальное,
Солдатики пришли.
Допросы! усмирение! —
Тревога! по спопутности
Досталось и усоловцам:
Пророчество строптивого
Чуть в точку не сбылось.

Вовек не позабудется
Народом Евфросиньюшка,
Посадская вдова:
Как Божия посланница,
Старушка появляется
В холерные года;
Хоронит, лечит, возится
С больными. Чуть не молятся
Крестьянки на нее…
Стучись же, гость неведомый!
Кто б ни был ты, уверенно
В калитку деревенскую
Стучись! Не подозрителен
Крестьянин коренной,
В нем мысль не зарождается,
Как у людей достаточных,
При виде незнакомого,
Убогого и робкого:
Не стибрил бы чего?
А бабы – те радехоньки.
Зимой перед лучиною
Сидит семья, работает,
А странничек гласит.
Уж в баньке он попарился,
Ушицы ложкой собственной,
С рукой благословляющей,
Досыта похлебал.
По жилам ходит чарочка,
Рекою льется речь.

В избе все словно замерло:
Старик, чинивший лапотки,
К ногам их уронил;
Челнок давно не чикает,
Заслушалась работница
У ткацкого станка;
Застыл уж на уколотом
Мизинце у Евгеньюшки,
Хозяйской старшей дочери,
Высокий бугорок,
А девка и не слышала,
Как укололась до крови;
Шитье к ногам спустилося,
Сидит – зрачки расширены,
Руками развела…
Ребята, свесив головы
С полатей, не шелохнутся:
Как тюленята сонные
На льдинах за Архангельском,
Лежат на животе.
Лиц не видать, завешены
Спустившимися прядями
Волос – не нужно сказывать,
Что желтые они.
Постой! уж скоро странничек
Доскажет быль афонскую,
Как турка взбунтовавшихся
Монахов в море гнал,
Как шли покорно иноки
И погибали сотнями —
Услышишь шепот ужаса,
Увидишь ряд испуганных,
Слезами полных глаз!
Пришла минута страшная —
И у самой хозяюшки
Веретено пузатое
Скатилося с колен.
Кот Васька насторожился —
И прыг к веретену!
В другую пору то-то бы
Досталось Ваське шустрому,
А тут и не заметили,
Как он проворной лапкою
Веретено потрогивал,
Как прыгал на него
И как оно каталося,
Пока не размоталася
Напряденная нить!

Кто видывал, как слушает
Своих захожих странников
Крестьянская семья,
Поймет, что ни работою
Ни вечною заботою,
Ни игом рабства долгого,
Ни кабаком самим
Еще народу русскому
Пределы не поставлены:
Пред ним широкий путь.
Когда изменят пахарю
Поля старозапашные,
Клочки в лесных окраинах
Он пробует пахать.
Работы тут достаточно.
Зато полоски новые
Дают без удобрения
Обильный урожай.
Такая почва добрая —
Душа народа русского…
О сеятель! приди!..

Иона (он же Ляпушкин)
Сторонушку вахлацкую
Издавна навещал.
Не только не гнушалися
Крестьяне Божьим странником,
А спорили о том,
Кто первый приютит его,
Пока их спорам Ляпушкин
Конца не положил:
«Эй! бабы! выносите-ка
Иконы!» Бабы вынесли;
Пред каждою иконою
Иона падал ниц:
«Не спорьте! дело Божие,
Котора взглянет ласковей,
За тою и пойду!»
И часто за беднейшею
Иконой шел Ионушка
В беднейшую избу.
И к той избе особое
Почтенье: бабы бегают
С узлами, сковородками
В ту избу. Чашей полною,
По милости Ионушки,
Становится она.

Негромко и неторопко

Повел рассказ Ионушка
«О двух великих грешниках»,
Усердно покрестясь.

О ДВУХ ВЕЛИКИХ ГРЕШНИКАХ

Господу Богу помолимся,
Древнюю быль возвестим,
Мне в Соловках ее сказывал
Инок, отец Питирим.

Было двенадцать разбойников,
Был Кудеяр-атаман,
Много разбойники пролили
Крови честных христиан,

Много богатства награбили,
Жили в дремучем лесу,
Вождь Кудеяр из-под Киева
Вывез девицу-красу.

Днем с полюбовницей тешился,
Ночью набеги творил,
Вдруг у разбойника лютого
Совесть Господь пробудил.

Сон отлетел; опротивели
Пьянство, убийство, грабеж,
Тени убитых являются,
Целая рать – не сочтешь!

Долго боролся, противился
Господу зверь-человек,
Голову снес полюбовнице
И есаула засек.

Совесть злодея осилила,
Шайку свою распустил,
Роздал на церкви имущество,
Нож под ракитой зарыл.

И прегрешенья отмаливать
К гробу Господню идет,
Странствует, молится, кается,
Легче ему не стает.

Старцем, в одежде монашеской,

Грешник вернулся домой,
Жил под навесом старейшего
Дуба, в трущобе лесной.

Денно и нощно Всевышнего
Молит: грехи отпусти!
Тело предай истязанию,
Дай только душу спасти!

Сжалился Бог и к спасению
Схимнику путь указал:
Старцу в молитвенном бдении
Некий угодник предстал,

Рек: «Не без Божьего промысла
Выбрал ты дуб вековой,
Тем же ножом, что разбойничал,
Срежь его, той же рукой!

Будет работа великая,
Будет награда эа труд,
Только что рухнется дерево —
Цепи греха упадут».

Смерил отшельник страшилище:
Дуб – три обхвата кругом!
Стал на работу с молитвою,
Режет булатным ножом,

Режет упругое дерево,
Господу славу поет,
Годы идут – подвигается
Медленно дело вперед.

Что с великаном поделает
Хилый, больной человек?
Нужны тут силы железные,
Нужен не старческий век!

В сердце сомнение крадется,
Режет и слышит слова:
«Эй, старина, что ты делаешь?»
Перекрестился сперва,

Глянул – и пана Глуховского
Видит на борзом коне,
Пана богатого, знатного,
Первого в той стороне.

Много жестокого, страшного
Старец о пане слыхал
И в поучение грешнику
Тайну свою рассказал.

Пан усмехнулся: «Спасения
Я уж не чаю давно,
В мире я чту только женщину,
Золото, честь и вино.

Жить надо, старче, по-моему:
Сколько холопов гублю,
Мучу, пытаю и вешаю,
А поглядел бы, как сплю!»

Чудо с отшельником сталося:
Бешеный гнев ощутил,
Бросился к пану Глуховскому,
Нож ему в сердце вонзил!

Только что пан окровавленный
Пал головой на седло,
Рухнуло древо громадное,
Эхо весь лес потрясло.

Рухнуло древо, скатилося
С инока бремя грехов!..
Слава Творцу вездесущему
Днесь и во веки веков.

Иона кончил; крестится;
Народ молчит. Вдруг прасола
Сердитым криком прорвало:
– Эй вы, тетери сонные!
Па-ром, живей, па-ром!
«Парома не докличешься
До солнца! перевозчики
И днем-то трусу празднуют [102],
Паром у них худой,
Пожди! Про Кудеяра-то…»
– Паром! пар-ром! пар-ром! —
Ушел, с телегой возится,
Корова к ней привязана —
Он пнул ее ногой;
В ней курочки курлыкают,
Сказал им: – Дуры! цыц! —
Теленок в ней мотается —

[102] Т.е. боятся.

Досталось и теленочку
По звездочке на лбу.
Нажег коня саврасого
Кнутом – и к Волге двинулся.
Плыл месяц над дорогою.
Такая тень потешная
Бежала рядом с прасолом
По лунной полосе!
«Отдумал, стало, драться-то?
А спорить – видит – не о чем, —
Заметил Влас. – Ой, Господи!
Велик дворянский грех!»
– Велик, а все не быть ему
Против греха крестьянского, —
Опять Игнатий Прохоров
Не вытерпел – сказал.
Клим плюнул: «Эк, приспичило!
Кто с чем, а нашей галочке
Родные галченяточки
Всего милей… Ну, сказывай,
Что за великий грех?»

КРЕСТЬЯНСКОЙ ГРЕХ

Аммирал-вдовец по морям ходил,
По морям ходил, корабли водил,
Под Ачаковом бился с туркою [103],
Наносил ему поражение,
И дала ему государыня
Восемь тысяч душ в награждение.
В той ли вотчине припеваючи
Доживает век аммирал-вдовец,
И вручает он, умираючи,
Глебу-старосте золотой ларец.
«Гой ты, староста! береги ларец!
Воля в нем моя сохраняется:
Из цепей-крепей на свободушку
Восемь тысяч душ отпускается!»
Аммирал-вдовец на столе лежит…
Дальний родственник хоронить катит…
Схоронил, забыл! Кличет старосту
И заводит с ним речь окольную;
Всё повыведал, насулил ему
Горы золота, выдал вольную…

[103] Т.е. принимал участие в известном морском бою 1788 г. под крепостью Очаков (на северном берегу Днепровско-Бугского лимана).

Глеб – он жаден был – соблазняется:
Завещание сожигается!
На десятки лет, до недавних дней
Восемь тысяч душ закрепил злодей,
С родом, с племенем; что народу-то!
Что народу-то! с камнем в воду-то!
Все прощает Бог, а Иудин грех
Не прощается.
Ой мужик! мужик! ты грешнее всех,
И за то тебе вечно маяться!

Суровый и рассерженный,
Громовым, грозным голосом
Игнатий кончил речь.
Толпа вскочила на ноги,
Пронесся вздох, послышалось:
«Так вот он, грех крестьянина!
И впрямь страшенный грех!»
– И впрямь: нам вечно маяться,
Ох-ох!.. – сказал сам староста,
Опять убитый, в лучшее
Не верующий Влас.
И скоро поддававшийся
Как горю, так и радости,
«Великий грех! великий грех!» —
Тоскливо вторил Клим.
Площадка перед Волгою,
Луною освещенная,
Переменилась вдруг.
Пропали люди гордые,
С уверенной походкою,
Остались вахлаки,
Досыта не едавшие,
Несолоно хлебавшие,
Которых вместо барина
Драть будет волостной [104].
К которым голод стукнуться
Грозит: засуха долгая,
А тут еще – жучок!
Которым прасол-выжига
Урезать цену хвалится
На их добычу трудную.
Смолу, слезу вахлацкую, —
Урежет, попрекнет:
«За что платить вам много-то?
У вас товар некупленный,

[104] Волость – часть уезда, административно-территориальная единица в России.

Из вас на солнце топится
Смола, как из сосны!»
Опять упали бедные
На дно бездонной пропасти,
Притихли, приубожились,
Легли на животы;
Лежали, думу думали
И вдруг запели. Медленно,
Как туча надвигается,
Текли слова тягучие.
Так песню отчеканили,
Что сразу наши странники
Упомнили ее:

ГОЛОДНАЯ

Стоит мужик —
Колышется,
Идет мужик —
Не дышится!

С коры его
Распучило,
Тоска-беда
Измучила.

Темней лица
Стеклянного
Не видано
У пьяного.

Идет – пыхтит,
Идет – и спит,
Прибрел туда,
Где рожь шумит.

Как идол стал
На полосу,
Стоит, поет
Без голосу:

«Дозрей, дозрей,
Рожь-матушка!
Я пахарь твой,
Панкратушка!

Ковригу съем

Гора горой,
Ватрушку съем
Со стол большой!

Все съем один,
Управлюсь сам.
Хоть мать, хоть сын
Проси – не дам!»

«Ой батюшки, есть хочется!» —
Сказал упалым голосом
Один мужик; из пещура [105]
Достал краюху – ест.
«Поют они без голосу,
А слушать – дрожь по волосу!» —
Сказал другой мужик.
И правда, что не голосом —
Нутром – свою «Голодную»
Пропели вахлаки.
Иной во время пения
Стал на ноги, показывал,
Как шел мужик расслабленный,
Как сон долил голодного,
Как ветер колыхал.
И были строги, медленны
Движенья. Спев «Голодную»,
Шатаясь, как разбитые,
Гуськом пошли к ведерочку
И выпили певцы.

«Дерзай!» – за ними слышится
Дьячково слово; сын его
Григорий, крестник старосты,
Подходит к землякам.
«Хошь водки?» – Пил достаточно.
Что тут у вас случилося?
Как в воду вы опущены?.. —
«Мы?.. что ты?..» Насторожились,
Влас положил на крестника
Широкую ладонь.

– Неволя к вам вернулася?
Погонят вас на барщину?
Луга у вас отобраны? —
«Луга-то?.. Шутишь, брат!»
– Так что ж переменилося?..
Закаркали «Голодную»,

[105] Пещур – небольшой заплечный мешок.

Накликать голод хочется? —
– «Никак и впрямь ништо!» —
Клим как из пушки выпалил;
У многих зачесалися
Затылки, шепот слышится:
«Никак и впрямь ништо!»

«Пей, вахлачки, погуливай!
Все ладно, все по-нашему,
Как было ждано-гадано.
Не вешай головы!»

– По-нашему ли, Климушка?
А Глеб-то?.. —
Потолковано
Немало: в рот положено,
Что не они ответчики
За Глеба окаянного,
Всему виною: крепь! [106]
– Змея родит змеенышей.
А крепь – грехи помещика,
Грех Якова несчастного,
Грех Глеба родила!
Нет крепи – нет помещика,
До петли доводящего
Усердного раба,
Нет крепи – нет дворового,
Самоубийством мстящего
Злодею своему,
Нет крепи – Глеба нового
Не будет на Руси!

Всех пристальней, всех радостней
Прослушал Гришу Пров:
Осклабился, товарищам
Сказал победным голосом:
«Мотайте-ка на ус!»
Пошло, толпой подхвачено,
О крепи слово верное
Трепаться: «Нет змеи —
Не будет и змеенышей!»
Клим Яковлев Игнатия
Опять ругнул: «Дурак же ты!»
Чуть-чуть не подрались!
Дьячок рыдал над Гришею:
«Создаст же Бог головушку!
Недаром порывается

[106] Крепь – т. е. закрепощение, крепостное право.

В Москву, в новорситет!»
А Влас его поглаживал:
«Дай Бог тебе и серебра,
И золотца, дай умную,
Здоровую жену!»
– Не надо мне ни серебра,
Ни золота, а дай Господь,
Чтоб землякам моим
И каждому крестьянину
Жилось вольготно-весело
На всей святой Руси! —
Зардевшись, словно девушка,
Сказал из сердца самого
Григорий – и ушел.

Светает. Снаряжаются
Подводчики. «Эй, Влас Ильич!
Иди сюда, гляди, кто здесь!» —
Сказал Игнатий Прохоров,
Взяв к бревнам приваленную
Дугу. Подходит Влас,
За ним бегом Клим Яковлев;
За Климом – наши странники
(Им дело до всего):
За бревнами, где нищие
Вповалку спали с вечера,
Лежал какой-то смученный,
Избитый человек;
На нем одежа новая,
Да только вся изорвана.
На шее красный шелковый
Платок, рубаха красная,
Жилетка и часы.
Нагнулся Лавин к спящему,
Взглянул и с криком: «Бей его!» —
Пнул в зубы каблуком.
Вскочил детина, мутные
Протер глаза, а Влас его
Тем временем в скулу.
Как крыса прищемленная,
Детина пискнул жалобно —
И к лесу! Ноги длинные,
Бежит – земля дрожит!
Четыре парня бросились
В погоню за детиною.
Народ кричал им: «Бей его!» —
Пока в лесу не скрылися
И парни, и беглец.

«Что за мужчина? – старосту
Допытывали странники. —
За что его тузят?»
– Не знаем, так наказано
Нам из села из Тискова,
Что буде где покажется
Егорка Шутов – бить его!
И бьем. Подъедут тисковцы.
Расскажут. Удоволили? —
Спросил старик вернувшихся
С погони молодцов.

«Догнали, удоволили!
Побег к Кузьмо-Демьянскому,
Там, видно, переправиться
За Волгу норовит».

«Чудной народ! бьют сонного,
За что про что не знаючи…»

– Коли всем миром велено:
«Бей!» – стало, есть за что! —
Прикрикнул Влас на странников. —
Не ветрогоны тисковцы,
Давно ли там десятого
Пороли?.. Не до шуток им.
Гнусь-человек! – Не бить его,
Так уж кого и бить?
Не нам одним наказано:
От Тискова по Волге-то
Тут деревень четырнадцать, —
Чай, через все четырнадцать
Прогнали, как сквозь строй! —

Притихли наши странники.
Узнать-то им желательно,
В чем штука? да прогневался
И так уж дядя Влас.

Совсем светло. Позавтракать
Мужьям хозяйки вынесли:
Ватрушки с творогом,
Гусятина (прогнали тут
Гусей; три затомилися,
Мужик их нес под мышкою:
«Продай! помрут до городу!» —
Купили ни за что).
Как пьет мужик, толковано
Немало, а не всякому

Известно, как он ест.
Жаднее на говядину,
Чем на вино, бросается.
Был тут непьющий каменщик,
Так опьянел с гусятины,
На что твое вино!
Чу! слышен крик: «Кто едет-то!
Кто едет-то!» Наклюнулось
Еще подспорье шумному
Веселью вахлаков.
Воз с сеном приближается,
Высоко на возу
Сидит солдат Овсяников,
Верст на двадцать в окружности
Знакомый мужикам,
И рядом с ним Устиньюшка,
Сироточка-племянница,
Поддержка старика.
Райком кормился дедушка,
Москву да Кремль показывал,
Вдруг инструмент испортился,
А капиталу нет!
Три желтенькие ложечки
Купил – так не приходятся
Заученные натвердо
Присловья к новой музыке,
Народа не смешат!
Хитер солдат! по времени
Слова придумал новые,
И ложки в ход пошли.
Обрадовались старому:
«Здорово, дедко! спрыгни-ка,
Да выпей с нами рюмочку,
Да в ложечки ударь!»
– Забраться-то забрался я,
А как сойду, не ведаю:
Ведет! – «Небось до города
Опять за полной пенцией?
Да город-то сгорел!»
– Сгорел? И поделом ему!
Сгорел? Так я до Питера!
«Чай, по чугунке тронешься?»
Служивый посвистал:
– Недолго послужила ты
Народу православному,
Чугунка бусурманская!
Была ты нам люба,
Как от Москвы до Питера
Возила за три рублика,

А коли семь-то рубликов
Платить, так черт с тобой! —

«А ты ударь-ка в ложечки, —
Сказал солдату староста, —
Народу подгулявшего
Покуда тут достаточно.
Авось дела поправятся.
Орудуй живо, Клим!»
(Влас Клима недолюбливал,
А чуть делишко трудное,
Тотчас к нему: «Орудуй, Клим!» —
А Клим тому и рад.)

Спустили с возу дедушку.
Солдат был хрупок на ноги,
Высок и тощ до крайности;
На нем сюртук с медалями
Висел, как на шесте.
Нельзя сказать, чтоб доброе
Лицо имел, особенно
Когда сводило старого —
Черт чертом! Рот ощерится.
Глаза – что угольки!

Солдат ударил в ложечки,
Что было вплоть до берегу
Народу – все сбегается.
Ударил – и запел:

Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.
Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские!
Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.

Ну-тка, с редута [107]-то с первого номеру,
Ну-тка, с Георгием [108] – по́ миру, по́ миру!

[107] Редут – военное укрепление для роты или двух, защищенное снаружи рвом.

[108] Георгий – имеется в виду Георгиевский крест – солдатский орден, учрежденный в 1807 г. и имевший форму серебряного креста с номером. Георгиевских кавалеров нельзя было подвергать телесным наказаниям, им также повышалось солдатское жалованье.

У богатого,
У богатины,
Чуть не подняли
На рогатину [109].
Весь в гвоздях забор
Ощетинился,
А хозяин-вор,
Оскотинился.

Нет у бедного
Гроша медного:
Не взыщи, солдат!»
– «И не надо, брат!» —

Тошен свет,
Хлеба нет,
Крова нет,
Смерти нет.

Только трех Матрен
Да Луку с Петром
Помяну добром.
У Луки с Петром
Табачку нюхнем,
А у трех Матрен
Провиант найдем.

У первой Матрены
Груздочки ядрены.
Матрена вторая
Несет каравая,
У третьей водицы попью
из ковша:
Вода ключевая, а мера —
душа!
Тошен свет,
Правды нет,
Жизнь тошна,
Боль сильна.

Служивого задергало.
Опершись на Устиньюшку,
Он поднял ногу левую
И стал ее раскачивать,
Как гирю на весу;

[109] Рогатина – холодное оружие, часто применявшееся крестьянами: металлический крест с заостренными концами, надетый на древко.

Проделал то же с правою,
Ругнулся: «Жизнь проклятая!» —
И вдруг на обе стал.

«Орудуй, Клим!» По-питерски
Клим дело оборудовал:
По блюдцу деревянному
Дал дяде и племяннице.
Поставил их рядком,
А сам вскочил на бревнышко
И громко крикнул: «Слушайте!»
(Служивый не выдерживал
И часто в речь крестьянина
Вставлял словечко меткое
И в ложечки стучал.)

Клим

Колода есть дубовая
У моего двора,
Лежит давно: из младости
Колю на ней дрова,
Так та не столь изранена,
Как господин служивенькой.
Взгляните: в чем душа!

Солдат

Пули немецкие,
Пули турецкие,
Пули французские,
Палочки русские.

Клим

А пенциону полного
Не вышло, забракованы
Все раны старика;
Взглянул помощник лекаря,
Сказал: «Второразрядные!
По ним и пенцион».

Солдат

Полного выдать не велено:
Сердце насквозь не прострелено!

(Служивый всхлипнул; в ложечки
Хотел ударить – скорчило!

Не будь при нем Устиньюшки,
Упал бы старина.)

Клим

Солдат опять с прошением.
Вершками раны смерили
И оценили каждую
Чуть-чуть не в медный грош.
Так мерил пристав следственный
Побои на подравшихся
На рынке мужиках:
«Под правым глазом ссадина
Величиной с двугривенный,
В средине лба пробоина
В целковый. Итого:
На рубль пятнадцать с деньгою
Побоев…» Приравняем ли
К побоищу базарному
Войну под Севастополем,
Где лил солдатик кровь?

Солдат

Только горами не двигали,
А на редуты как прыгали!
Зайцами, белками, дикими кошками,
Там и простился я с ножками,
С адского грохоту, свисту оглох,
С русского голоду чуть не подох!

Клим

Ему бы в Питер надобно
До Комитета раненых.
Пеш до Москвы дотянется,
А дальше как? Чугунка-то
Кусаться начала!

Солдат

Важная барыня! гордая барыня!
Ходит, змеею шипит;
«Пусто вам! пусто вам! пусто вам!» —
Русской деревне кричит;
В рожу крестьянину фыркает,
Давит, увечит, кувыркает,
Скоро весь русский народ
Чище метлы подметет.

Солдат слегка притопывал.
И слышалось, как стукалась
Сухая кость о кость,
А Клим молчал: уж двинулся
К служивому народ.
Все дали: по копеечке,
По грошу, на тарелочках
Рублишко набрался…

Пир кончился, расходится
Народ. Уснув, остались
Под ивой наши странники,
И тут же спал Ионушка
Да несколько упившихся
Не в меру мужиков.
Качаясь, Савва с Гришею
Вели домой родителя
И пели; в чистом воздухе
Над Волгой, как набатные,
Согласные и сильные
Гремели голоса:

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

Мы же немного
Просим у Бога:
Честное дело
Делать умело
Силы нам дай!

Жизнь трудовая —
Другу прямая
К сердцу дорога,
Прочь от порога,
Трус и лентяй!
То ли не рай?

Доля народа,
Счастье его,
Свет и свобода
Прежде всего!

ЭПИЛОГ

I

Беднее захудалого
Последнего крестьянина
Жил Трифон. Две каморочки:
Одна с дымящей печкою,
Другая в сажень – летняя,
И вся тут недолга;
Коровы нет, лошадки нет,
Была собака Зудушка,
Был кот – и те ушли.

Спать уложив родителя,
Взялся за книгу Саввушка,
А Грише не сиделося,
Ушел в поля, в луга.

У Гриши – кость широкая,
Но сильно исхудалое
Лицо – их недокармливал
Хапуга-эконом.
Григорий в семинарии
В час ночи просыпается
И уж потом до солнышка
Не спит – ждет жадно ситника,
Который выдавался им
Со сбитнем по утрам.
Как ни бедна вахлачина,
Они в ней отъедалися.
Спасибо Власу-крестному
И прочим мужикам!
Платили им молодчики,
По мере сил, работою,
По их делишкам хлопоты
Справляли в городу.
Дьячок хвалился детками,
А чем они питаются —
И думать позабыл.
Он сам был вечно голоден,
Весь тратился на поиски,
Где выпить, где поесть.
И был он нрава легкого,
А будь иного, вряд ли бы
И дожил до седин.

Его хозяйка Домнушка
Была куда заботлива,
Зато и долговечности
Бог не дал ей. Покойница
Всю жизнь о соли думала:
Нет хлеба – у кого-нибудь
Попросит, а за соль
Дать надо деньги чистые,
А их по всей вахлачине,
Сгоняемой на барщину,
По году гроша не было!
Вахлак тянул «Голодную»
И без соли – приправленный
Корою – хлеб жевал.
И то уж благо: с Домною
Делился им; младенцами
Давно в земле истлели бы
Ее родные деточки,
Не будь рука вахлацкая
Щедра, чем Бог послал.

Батрачка безответная
На каждого, кто чем-нибудь
Помог ей в черный день,
Всю жизнь о соли думала,
О соли пела Домнушка —
Стирала ли, косила ли,
Баюкала ли Гришеньку,
Любимого сынка.
Как сжалось сердце мальчика,
Когда крестьянки вспомнили
И спели песню Домнину
(Прозвал ее «Соленою»
Находчивый вахлак).

Соленая

Никто как Бог!
Не ест, не пьет
Меньшой сынок,
Гляди – умрет!

Дала кусок,
Дала другой —
Не ест, кричит:
«Посыпь сольцой!»

А соли нет,
Хоть бы щепоть!
«Посыпь мукой», —
Шепнул Господь.

Раз-два куснул,
Скривил роток.
«Соли еще!» —
Кричит сынок.

Опять мукой…
А на кусок
Слеза рекой!
Поел сынок!

Хвалилась мать —
Сынка спасла…
Знать, солона
Слеза была!..

Запомнил Гриша песенку
И голосом молитвенным
Тихонько в семинарии,
Где было темно, холодно,
Угрюмо, строго, голодно,
Певал – тужил о матушке
И обо всей вахлачине,
Кормилице своей.
И скоро в сердце мальчика
С любовью к бедной матери
Любовь ко всей вахлачине
Слилась, – и лет пятнадцати
Григорий твердо знал уже,
Кому отдаст всю жизнь свою
И за кого умрет.

Довольно демон ярости
Летал с мечом карающим
Над русскою землей.
Довольно рабство тяжкое
Одни пути лукавые
Открытыми, влекущими
Держало на Руси!
Над Русью оживающей
Святая песня слышится,
То ангел милосердия,
Незримо пролетающий
Над нею, души сильные
Зовет на честный путь.

Средь мира дольного [110]
Для сердца вольного
Есть два пути.

Взвесь силу гордую,
Взвесь волю твердую:
Каким идти?

Одна просторная —
Дорога торная,
Страстей раба,

По ней громадная,
К соблазну жадная,
Идет толпа.

О жизни искренней,
О цели выспренней
Там мысль смешна.

Кипит там вечная
Бесчеловечная
Вражда-война

За блага бренные…
Там души пленные
Полны греха.

На вид блестящая,
Там жизнь мертвящая
К добру глуха.

Другая – тесная
Дорога, честная,
По ней идут

Лишь души сильные,
Любвеобильные,
На бой, на труд

За обойденного,
За угнетенного —
Умножь их круг,

Иди к униженным,
Иди к обиженным —

[110] Дольный мир – земной мир, который обычно противопоставляется небесному, духовному, возвышенному.

И будь им друг!

И ангел милосердия
Недаром песнь призывную
Поет – ей внемлют чистые, —
Немало Русь уж выслала
Сынов своих, отмеченных
Печатью дара Божьего,
На честные пути,
Немало их оплакала
(Увы! Звездой падучею
Проносятся они!).
Как ни темна вахлачина,
Как ни забита барщиной
И рабством – и она,
Благословясь, поставила
В Григорье Добросклонове
Такого посланца…

II

Григорий шел задумчиво
Сперва большой дорогою
(Старинная: с высокими
Курчавыми березами,
Прямая, как стрела).
Ему то было весело,
То грустно. Возбужденная
Вахлацкою пирушкою,
В нем сильно мысль работала
И в песне излилась:

В минуты унынья, о Родина-мать!
Я мыслью вперед улетаю,
Еще суждено тебе много страдать,
Но ты не погибнешь, я знаю.

Был гуще невежества мрак над тобой,
Удушливей сон непробудный,
Была ты глубоко несчастной страной,
Подавленной, рабски бессудной.

Давно ли народ твой игрушкой служил
Позорным страстям господина?
Потомок татар, как коня, выводил
На рынок раба-славянина,

И русскую деву влекли на позор,
Свирепствовал бич без боязни,
И ужас народа при слове «набор»
Подобен был ужасу казни?

Довольно! Окончен с прошедшим расчет,
Окончен расчет с господином!
Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином.

И ношу твою облегчила судьба,
Сопутница дней славянина!
Еще ты в семействе раба,
Но мать уже вольного сына!..

Сманила Гришу узкая,
Извилистая тропочка,
Через хлеба бегущая,
В широкий луг подкошенный
Спустился он по ней.
В лугу траву сушившие
Крестьянки Гришу встретили
Его любимой песнею.
Взгрустнулось крепко юноше
По матери-страдалице,
А пуще злость брала,
Он в лес ушел. Аукаясь,
В лесу, как перепелочки
Во ржи, бродили малые
Ребята (а постарше-то
Ворочали сенцо).
Он с ними кузов рыжиков
Набрал. Уж жжется солнышко;
Ушел к реке. Купается, —
Обугленного города
Картина перед ним:
Ни дома уцелевшего,
Одна тюрьма спасенная,
Недавно побеленная,
Как белая коровушка
На выгоне, стоит.
Начальство там попряталось,
А жители под берегом,
Как войско, стали лагерем.
Всё спит еще, не многие
Проснулись: два подьячие [111],
Придерживая полочки

[111] Подьячий – помощник дьяка – мелкий чиновник.

Халатов, пробираются
Между шкафами, стульями,
Узлами, экипажами
К палатке-кабаку.
Туда ж портняга скорченный
Аршин, утюг и ножницы
Несет – как лист дрожит.
Восстав от сна с молитвою,
Причесывает голову
И держит наотлет,
Как девка, косу длинную
Высокий и осанистый
Протоиерей Стефан.
По сонной Волге медленно
Плоты с дровами тянутся,
Стоят под правым берегом
Три барки [112] нагруженные:
Вчера бурлаки [113] с песнями
Сюда их привели.
А вот и он – измученный
Бурлак! походкой праздничной
Идет, рубаха чистая,
В кармане медь звенит.
Григорий шел, поглядывал
На бурлака довольного,
А с губ слова срывалися
То шепотом, то громкие.
Григорий думал вслух:

Бурлак

Плечами, грудью и спиной
Тянул он барку бечевой,
Полдневный зной его палил,
И пот с него ручьями лил.
И падал он, и вновь вставал,
Хрипя, «Дубинушку» [114] стонал.
До места барку дотянул
И богатырским сном уснул,
И, в бане смыв поутру пот,
Беспечно пристанью идет.
Зашиты в пояс три рубля.

[112] Барка – речное грузовое судно, обычно для его транспортировки нанимали бурлаков.

[113] Бурлак – работник из крестьян, занимавшийся ручной транспортировкой речных судов.

[114] «Дубинушка» – вид народной песни. Обычно песни этого типа сопровождали тяжелый физический труд, они также поддерживали рабочий ритм.

Остатком – медью – шевеля,
Подумал миг, зашел в кабак
И молча кинул на верстак
Трудом добытые гроши
И, выпив, крякнул от души,
Перекрестил на церковь грудь.
Пора и в путь! пора и в путь!
Он бодро шел, жевал калач,
В подарок нес жене кумач [115].
Сестре платок, а для детей
В сусальном золоте коней [116].
Он шел домой – неблизкий путь,
Дай Бог дойти и отдохнуть!

С бурлака мысли Гришины
Ко всей Руси загадочной,
К народу перешли.
(В те времена хорошие
В России дома не было,
Ни школы, где б не спорили
О русском мужике.)
Ему всё разом вспомнилось,
Что видывал, что слыхивал.
Живя с народом, сам,
Что думывал, что читывал,
Всё – даже и учителя,
Отца Аполлинария,
Недавние слова:
«Издревле Русь спасалася
Народными порывами».
(Народ с Ильею Муромцем
Сравнил ученый поп.)
И долго Гриша берегом
Бродил, волнуясь, думая,
Покуда песней новою
Не утолил натруженной,
Горящей головы.

Русь

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и могучая,

[115] Кумач – хлопчатобумажная ткань ярко-красного цвета. Крестьянки любили шить сарафаны из этой ткани.

[116] В сусальном золоте коней – фигурные пряники, покрытые очень тонкими золотистыми листьями. «Сусалить золото» запрещалось, но запрет обходился очень часто.

Ты и бессильная,
Матушка-Русь!

В рабстве спасенное
Сердце свободное —
Золото, золото
Сердце народное!

Сила народная,
Сила могучая —
Совесть спокойная,
Правда живучая!

Сила с неправдою
Не уживается,
Жертва неправдою
Не вызывается, —
Русь не шелохнется,
Русь – как убитая!
А загорелась в ней
Искра сокрытая, —

Встали – небужены,
Вышли – непрошены,
Жита по зернушку
Горы наношены!

Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!

Ты и убогая,
Ты и обильная,
Ты и забитая,
Ты и всесильная,
Матушка-Русь!..

III

«Удалась мне песенка! – молвил Гриша,
прыгая. —
Горячо сказалася правда в ней великая!
Вахлачков я выучу петь ее – не всё же им
Петь свою «Голодную»…
Помогай, о Боже, им!
Как с игры да с беганья щеки

разгораются,
Так с хорошей песенки духом
поднимаются
Бедные, забитые…» Прочитав
торжественно
Брату песню новую (брат сказал:
«Божественно!»),
Гриша спать попробовал. Спалося,
не спалося,
Краше прежней песенка в полусне
слагалася;
Быть бы нашим странникам под родною
крышею,
Если б знать могли они, что творилось
с Гришею.
Слышал он в груди своей силы
необъятные,
Услаждали слух его звуки благодатные,
Звуки лучезарные гимна благородного —
Пел он воплощение счастия народного!..

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

Ты опять упрекнула меня,
Что я с музой моей раздружился,
Что заботам текущего дня
И забавам его подчинился.
Для житейских расчетов и чар
Не расстался б я с музой моею,
Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что, бывало, дружил меня с нею?
Но не брат еще людям поэт,
И тернист его путь, и непрочен,
Я умел не бояться клевет,
Не был ими я сам озабочен;
Но я знал, чье во мраке ночном
Надрывалося сердце с печали
И на чью они грудь упадали свинцом,
И кому они жизнь отравляли.
И пускай они мимо прошли,
Надо мною ходившие грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слезы
Роковую стрелу отвели…
Да и время ушло, – я устал…
Пусть я не был бойцом без упрека,
Но я силы в себе сознавал,
Я во многое верил глубоко,
А теперь – мне пора умирать…
Не затем же пускаться в дорогу,
Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу…
Присмиревшую Музу мою
Я и сам неохотно ласкаю…
Я последнюю песню пою
Для тебя – и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней…
Буря воет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листы
В ночь, как бедная мать умирала…
И дрожит и пестреет окно…

Чу! как крупные градины скачут!
Милый друг, поняла ты давно
Здесь одни только камни не плачут…

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА

1

Савраска увяз в половине сугроба
Две пары промерзлых лаптей
Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.
Старуха в больших рукавицах
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницах,
С морозу – должно полагать.

2

Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит,
В избушке – теленок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.
Сшивая проворной иголкой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Негромко рыдает она.

3

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая – быть матерью сына раба,
А третья – до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.
Века протекали – всё к счастью стремилось,
Всё в мире по нескольку раз изменилось,
Одну только бог изменить забывал
Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измельчал

Красивой и мощной славянки.
Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не вверяла,
Но мне ты их скажешь, мой друг!
Ты с детства со мною знакома.
Ты вся – воплощенный испуг,
Ты вся – вековая истома!
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

4

Однако же речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.
Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц,
Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет – словно солнце осветит!
Посмотрит – рублем подарит!»
Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет
Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.
И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна…
Я видывал, как она косит:
Что взмах – то готова копна!
Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!
Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.
Она отвела их руками,

На парня сердито глядит.
Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит…
По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.
Такого сердечного смеха,
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!»
Твердят мужики меж собой.
В игре ее конный не словит,
В беде не сробеет – спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!
Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей
Она улыбается редко…
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;
Не жалок ей нищий убогой
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.
В ней ясно и крепко сознанье,
Что всё их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,
Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.
Идет эта баба к обедни
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,
Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет…
И по сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

5

И ты красотою дивила,

Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!
Горда ты – ты плакать не хочешь,
Крепишься, но холст гробовой
Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.
Слеза за слезой упадает
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно роняет
Созревшие зерна свои…

6

В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветер шатает
Побитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;
Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна
Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом,
Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.
Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.
Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатою снег разгребать.
Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.
Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.
Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошлась:
Земля как железо звенела
Ворона ни с чем убралась…
Могила на славу готова,
«Не мне б эту яму копать!
(У старого вырвалось слово.)

Не Проклу бы в ней почивать,
Не Проклу!..» Старик оступился,
Из рук его выскользнул лом
И в белую яму скатился,
Старик его вынул с трудом.
Пошел… по дороге шагает…
Нет солнца, луна не взошла…
Как будто весь мир умирает:
Затишье, снежок, полумгла…

7

В овраге, у речки Желтухи,
Старик свою бабу нагнал
И тихо спросил у старухи:
«Хорош ли гробок-то попал?»
Уста ее чуть прошептали
В ответ старику: «Ничего».
Потом они оба молчали,
И дровни так тихо бежали,
Как будто боялись чего…
Деревня еще не открылась,
А близко – мелькает огонь.
Старуха крестом осенилась,
Шарахнулся в сторону конь
Без шапки, с ногами босыми,
С большим заостренным колом,
Внезапно предстал перед ними
Старинный знакомец Пахом.
Прикрыты рубахою женской,
Звенели вериги на нем;
Постукал дурак деревенской
В морозную землю колом,
Потом помычал сердобольно,
Вздохнул и сказал: «Не беда!
На вас он работал довольно!
И ваша пришла череда!
Мать сыну-то гроб покупала,
Отец ему яму копал,
Жена ему саван сшивала
Всем разом работу вам дал!..»
Опять помычал – и без цели
В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели,
И голые икры блестели,
И посох по снегу черкал.

8

У дома оставили крышу,
К соседке свели ночевать
Зазябнувших Машу и Гришу
И стали сынка обряжать.
Медлительно, важно, сурово
Печальное дело велось:
Не сказано лишнего слова,
Наружу не выдано слез.
Уснул, потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе,
Лежит неподвижный, суровый,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщовой
И в липовых новых лаптях.
Большие, с мозолями, руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо – и до рук борода…

9

Пока мертвеца обряжали,
Не выдали словом тоски,
И только глядеть избегали
Друг другу в глаза бедняки,
Но вот уже кончено дело,
Нет нужды бороться с тоской,
И что на душе накипело,
Из уст полилося рекой.
Не ветер гудит по ковыли,
Не свадебный поезд гремит
Родные по Прокле завыли,
По Прокле семья голосит:
«Голубчик ты наш сизокрылый!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел.
Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,
Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил…

Что ж мало гулял ты по свету?
За что нас покинул, родной?
Одумал ты думушку эту,
Одумал с сырою землей
Одумал – а нам оставаться
Велел во миру, сиротам,
Не свежей водой умываться,
Слезами горючими нам!
Старуха помрет со кручины,
Не жить и отцу твоему,
Береза в лесу без вершины
Хозяйка без мужа в дому.
Ее не жалеешь ты, бедной,
Детей не жалеешь… Вставай!
С полоски своей заповедной
По лету сберешь урожай!
Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольим глазком посмотри,
Тряхни шелковыми кудрями,
Сахарны уста раствори!
На радостях мы бы сварили
И меду и браги хмельной,
За стол бы тебя посадили
Покушай, желанный, родной!
А сами напротив бы стали,
Кормилец, надежа семьи!
Очей бы с тебя не спускали,
Ловили бы речи твои…»

10

На эти рыданья и стоны
Соседи валили гурьбой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.
На смену входили другие,
Но вот уж толпа разбрелась,
Поужинать сели родные
Капуста да с хлебушком квас.
Старик бесполезной кручине
Собой овладеть не давал:
Подладившись ближе к лучине,
Он лапоть худой ковырял.
Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая

Проведать ребяток пошла.
Всю ноченьку, стоя у свечки,
Читал над усопшим дьячок,
И вторил ему из-за печки
Пронзительным свистом сверчок.

11

Сурово метелица выла
И снегом кидала в окно,
Невесело солнце всходило:
В то утро свидетелем было
Печальной картины оно.
Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот;
Без лишних речей, без рыданий
Покойника вынес народ.
– Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!..
В торговом селе Чистополье
Купил он тебя сосунком,
Взрастил он тебя на приволье,
И вышел ты добрым конем.
С хозяином дружно старался,
На зимушку хлеб запасал,
Во стаде ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тело изрядно держал.
Когда же работы кончались
И сковывал землю мороз,
С хозяином вы отправлялись
С домашнего корма в извоз.
Немало и тут доставалось
Возил ты тяжелую кладь,
В жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.
Видна на боках твоих впалых
Кнута не одна полоса,
Зато на дворах постоялых
Покушал ты вволю овса.
Слыхал ты в январские ночи
Метели пронзительный вой
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной;
Продрогнешь, натерпишься страху,

А там – и опять ничего!
Да, видно, хозяин дал маху
Зима доконала его!..

12

Случилось в глубоком сугробе
Полсуток ему простоять,
Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:
Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой возвратился
Нет голосу, в теле пожар!
Старуха его окотила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет – не поправился он!
Тогда ворожеек созвали
И поят, и шепчут, и трут
Всё худо! Его продевали
Три раза сквозь потный хомут,
Спускали родимого в пролубь,
Под куричий клали насест…
Всему покорялся, как голубь,
А плохо – и пьет и не ест!
Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял,
Ходебщик сергачевский Федя
Случившийся тут – предлагал.
Но Дарья, хозяйка больного,
Прогнала советчика прочь:
Испробовать средства иного
Задумала баба: и в ночь
Пошла в монастырь отдаленный
(Верстах в тридцати от села),
Где в некой иконе явленной
Целебная сила была.
Пошла, воротилась с иконой
Больной уж безгласен лежал,
Одетый как в гроб, причащенный,
Увидел жену, простонал
И умер…

13

… Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!
Чу! два похоронных удара!
Попы ожидают – иди!..
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отец впереди.
Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И, правя савраской, у гроба
С вожжами их бедная мать
Шагала… Глаза ее впали,
И был не белей ее щек
Надетый на ней в знак печали
Из белой холстины платок.
За Дарьей – соседей, соседок
Плелась негустая толпа,
Толкуя, что Прокловых деток
Теперь незавидна судьба,
Что Дарье работы прибудет,
Что ждут ее черные дни.
«Жалеть ее некому будет»,
Согласно решили они…

14

Как водится, в яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалели, почтили
Покойника щедрой хвалой.
Сам староста, Сидор Иваныч,
Вполголоса бабам подвыл,
И «Мир тебе, Прокл Севастьяныч!
Сказал, – благодушен ты был,
Жил честно, а главное: в сроки
Уж как тебя бог выручал
Платил господину оброки
И подать царю представлял!»
Истратив запас красноречья,
Почтенный мужик покряхтел:
«Да, вон она, жизнь человечья!»

Прибавил – и шапку надел.
«Свалился… а то-то был в силе!..
Свалился… не минуть и нам!..»
Еще покрестились могиле
И с богом пошли по домам.
Высокий, седой, сухопарый,
Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!
Потом старина бородатый
Задвигался тихо по ней,
ровняя землицу лопатой
Под вопли старухи своей.
Когда же, оставивши сына,
Он с бабой в деревню входил:
«Как пьяных, шатает кручина!
Гляди-тко!..»– народ говорил.

15

А Дарья домой воротилась
Прибраться, детей накормить.
Ай-ай! как изба настудилась!
Торопится печь затопить,
Ан глядь – ни полена дровишек!
Задумалась бедная мать:
Покинуть ей жаль ребятишек
Хотелось бы их приласкать,
Да времени нету на ласки.
К соседке свела их вдова.
И тотчас, на том же савраске,
Поехала в лес, по дрова…

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

16

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.
Как тихо! В деревне раздавшийся голос
Как будто у самого уха гудет,
О корень древесный запнувшийся полоз
Стучит и визжит, и за сердце скребет.
Кругом – поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блестит…
У Дарьи слезами наполнились очи
Должно быть, их солнце слепит…

17

В полях было тихо, но тише
В лесу и как будто светлей.
Чем дале – деревья всё выше,
А тени длинней и длинней.
Деревья, и солнце, и тени,
И мертвый, могильный покой…
Но – чу! заунывные пени,
Глухой, сокрушительный вой!
Осилило Дарьюшку горе,
И лес безучастно внимал,
Как стоны лились на просторе
И голос рвался и дрожал,
И солнце, кругло и бездушно,
Как желтое око совы,
Глядело с небес равнодушно
На тяжкие муки вдовы.
И много ли струн оборвалось
У бедной крестьянской души,
Навеки сокрыто осталось
В лесной нелюдимой глуши.
Великое горе вдовицы
И матери малых сирот
Подслушали вольные птицы,
Но выдать не смели в народ…

18

Не псарь по дубровушке трубит,
Гогочет, сорви-голова,
Наплакавшись, колет и рубит
Дрова молодая вдова.
Срубивши, на дровни бросает
Наполнить бы ей поскорей,
И вряд ли сама замечает,
Что слезы вс льют из очей:
Иная с ресницы сорвется
И на снег с размаху падет
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжет;
Другую на дерево кинет,
На плашку, – и смотришь, она
Жемчужиной крупной застынет
Бела и кругла и плотна.
А та на глазу поблистает,
Стрелой по щеке побежит,
И солнышко в ней поиграет…
Управиться Дарья спешит,
Знай рубит, – не чувствуя стужи,
Не слышит, что ноги знобит,
И, полная мыслью о муже,
Зовет его, с ним говорит…

19

…….
…….

«Голубчик! красавицу нашу
Весной в хороводе опять
Подхватят подруженьки Машу
И станут на ручках качать!
Станут качать,
Кверху бросать,
Маковкой звать,
Мак отряхать!
Вся раскраснеется наша
Маковым цветиком Маша
С синими глазками, с русой косой!
Ножками бить и смеяться
Будет… а мы то с тобой,

Мы на нее любоваться
Будем, желанный ты мой!..

20

Умер, не дожил ты веку,
Умер и в землю зарыт!
Любо весной человеку!
Солнышко ярко горит.
Солнышко всё оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просят косы,
Рано я, горькая, встала,
Дома не ела, с собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утром косить я пошла…
Крепче вы, ноженьки, стойте!
Белые руки, не нойте!
Надо одной поспевать!
В поле одной-то надсадно,
В поле одной неповадно
Стану я милого звать!
Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимый, взгляни!
Сухо ли сено убрала?
Прямо ли стоги сметала?..
Я на граблях отдыхала
Все сенокосные дни!
Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разум поставить…

21

Стала скотинушка в лес убираться,
Стала рожь-матушка в колос метаться,
Бог нам послал урожай!
Нынче солома по грудь человеку,
Бог нам послал урожай!
Да не продлил тебе веку,
Хочешь не хочешь, одна поспевай!..
Овод жужжит и кусает,
Смертная жажда томит,
Солнышко серп нагревает,

Солнышко очи слепит,
Жжет оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжет,
Изо ржи, словно из печи,
Тоже теплом обдает,
Спинушка ноет с натуги,
Руки и ноги болят,
Красные, желтые круги
Перед очами стоят…
Жни-дожинай поскорее,
Видишь – зерно потекло…
Вместе бы дело спорее,
Вместе повадней бы шло…

22

Сон мой был в руку, родная!
Сон перед Спасовым днем.
В поле заснула одна я
После полудня, с серпом,
Вижу – меня оступает
Сила – несметная рать,
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает.
Думала я убежать,
Да не послушались ноги.
Стала просить я помоги,
Стала я громко кричать.
Слышу, земля задрожала
Первая мать прибежала,
Травушки рвутся, шумят
Детки к родимой спешат.
Шибко без ветру не машет
Мельница в поле крылом:
Братец идет да приляжет,
Свекор плетется шажком.
Все прибрели, прибежали,
Только дружка одного
Очи мои не видали…
Стала я кликать его:
«Видишь – меня оступает
Сила – несметная рать,
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает:
Что не идешь выручать?..»
Тут я кругом огляделась
Господи! Что куда делось?

Что это было со мной?..
Рати тут нет никакой!
Это не люди лихие,
Не бусурманская рать
Это колосья ржаные,
Спелым зерном налитые,
Вышли со мной воевать!
Машут, шумят, наступают,
Руки, лицо щекотят,
Сами солому под серп нагибают
Больше стоять не хотят!
Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупные зерна
Словно под градом стою!
Вытечет, вытечет за ночь
Вся наша матушка-рожь…
Где же ты, Прокл Севастьяныч?
Что пособлять не идешь?..
Сон мой был в руку, родная!
Жать теперь буду одна я.
Стану без милого жать,
Снопики крепко вязать,
В снопики слезы ронять!
Слезы мои не жемчужны,
Слезы мои горюшки-вдовы,
Что же вы господу нужны,
Чем ему дороги вы?..

23

«Долги вы, зимние ноченьки,
Скучно без милого спать,
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотно я ткать.
Много натку я полотен,
Тонких добротных новин,
Вырастет крепок и плотен,
Вырастет ласковый сын.
Будет по нашему месту
Он хоть куда женихом,
Высватать парню невесту
Сватов надежных пошлем…
Кудри сама расчесала я Грише,
Кровь с молоком наш сынок-первенец,
Кровь с молоком и невеста… Иди же!
Благослови молодых под венец!..

Этого дня мы как праздника ждали,
Помнишь, как начал Гришуха ходить,
Целую ноченьку мы толковали,
Как его будем женить,
Стала на свадьбу копить понемногу…
Вот – дождались, слава богу!
Чу, бубенцы говорят!
Поезд вернулся назад,
Выди навстречу проворно
Пава-невеста, соколик-жених!
Сыпь на них хлебные зерна,
Хмелем осыпь молодых!..»

24

«Стадо у лесу у темного бродит,
Лыки в лесу пастушенко дерет,
Из лесу серый волчище выходит.
Чью он овцу унесет?
Черная туча, густая-густая,
Прямо над нашей деревней висит,
Прыснет из тучи стрела громовая,
В чей она дом сноровит?
Вести недобрые ходят в народе,
Парням недолго гулять на свободе,
Скоро – рекрутский набор!
Наш-то молодчик в семье одиночка,
Всех у нас деток Гришуха да дочка.
Да голова у нас вор
Скажет: мирской приговор!
Сгибнет ни за что ни про что детина,
Встань, заступись за родимого сына!
Нет, не заступишься ты!..
Белые руки твои опустились,
Ясные очи навеки закрылись…
Горькие мы сироты!..

25

Я ль не молила царицу небесную?
Я ли ленива была?
Ночью одна по икону чудесную
Я не сробела – пошла,
Ветер шумит, наметает сугробы.
Месяца нет – хоть бы луч!

На небо глянешь – какие-то гробы,
Цепи да гири выходят из туч…
Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!
Звездочки будут у ночи,
Будет ли нам-то светлей?…
Заяц спрыгнул из-под кочи,
Заянька, стой! не посмей
Перебежать мне дорогу!
В лес укатил, слава богу…
К полночи стало страшней,
Слышу, нечистая сила
Залотошила, завыла,
Заголосила в лесу.
Что мне до силы нечистой?
Чур меня! Деве пречистой
Я приношенье несу!
Слышу я конское ржанье,
Слышу волков завыванье,
Слышу погоню за мной,
Зверь на меня не кидайся!
Лих человек не касайся,
Дорог наш грош трудовой!
–
Лето он жил работаючи,
Зиму не видел детей,
Ночи о нем помышляючи,
Я не смыкала очей.
Едет он, зябнет… а я-то, печальная,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чужедальная,
Долгую нитку тяну.
Веретено мое прыгает, вертится,
В пол ударяется.
Проклушка пеш идет, в рытвине крестится,
К возу на горочке сам припрягается.
Лето за летом, зима за зимой,
Этак-то мы раздобылись казной!
Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! всё отдаем,
Что по копейки, по грошику медному
Мы сколотили трудом!..

26

Вся ты, тропинка лесная!
Кончился лес.
К утру звезда золотая
С божьих небес
Вдруг сорвалась – и упала,
Дунул господь на нее,
Дрогнуло сердце мое:
Думала я, вспоминала
Что было в мыслях тогда,
Как покатилась звезда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Силюсь идти, а нейду!
Думала я, что едва ли
Прокла в живых я найду…
Нет! не попустит царица небесная!
Даст исцеленье икона чудесная!
Я осенилась крестом
И побежала бегом…
Сила-то в нем богатырская,
Милостив бог, не умрет…
Вот и стена монастырская!
Тень уж моя головой достает
До монастырских ворот.
Я поклонилася земным поклоном,
Стала на ноженьки, глядь
Ворон сидит на кресте золоченом,
Дрогнуло сердце опять!

27

Долго меня продержали
Схимницу сестры в тот день погребали.
Утреня шла,
Тихо по церкви ходили монашины,
В черные рясы наряжены,
Только покойница в белом была:
Спит – молодая, спокойная,
Знает, что будет в раю.
Поцеловала и я, недостойная,
Белую ручку твою!
В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей.
В ручках чернеются четки,
Писаный венчик на лбу.
Черный покров на гробу

Этак-то ангелы кротки!
Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталася я
Горькой вдовой с сиротами!
Гроб на руках до могилы снесли,
С пеньем и плачем ее погребли.

28

Двинулась с миром икона святая,
Сестры запели, ее провожая,
Все приложилися к ней.
Много владычице было почету:
Старый и малый бросали работу,
Из деревень шли за ней.
К ней выносили больных и убогих…
Знаю, владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу…
Только ты милости к нам не явила!
……..
……..
Господи! сколько я дров нарубила!
Не увезешь на возу…»

29

Окончив привычное дело,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотела
Пуститься в дорогу вдова.
Да вновь пораздумалась, стоя,
Топор машинально взяла
И, тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.
Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали
Невольный и страшный покой!
Стоит под сосной чуть живая,
Без думы, без стона, без слез.
В лесу тишина гробовая
День светел, крепчает мороз.

30

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.
Глядит – хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели,
И нет ли где голой земли?
Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?
Идет – по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.
Дорога везде чародею,
Чу! ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,
Над самой ее головой!
Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

31

«Вглядись, молодица, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?
Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны
Построю дворцы изо льда.
Задумаю – реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.
Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли,
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.
На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню,
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.
Бабенки, пеняя на леших,
Домой удирают скорей.
А пьяных, и конных, и пеших
Дурачить еще веселей.
Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запылает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам – хоть руби топором!
Богат я, казны не считаю,
А всё не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.
Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
Поцарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.
Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой…»
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

32

«Тепло ли тебе, молодица?»
С высокой сосны ей кричит.
«Тепло!» – отвечает вдовица,
Сама холодеет, дрожит.
Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой
И шепчет ей ласковей, тише:
«Тепло ли?…» – «Тепло, золотой!»
Тепло – а сама коченеет.
Морозко коснулся ее:
В лицо ей дыханием веет
И иглы колючие сеет
С седой бороды на нее.
И вот перед ней опустился!
«Тепло ли?»– промолвил опять
И в Проклушку вдруг обратился,

И стал он ее целовать.
В уста ее, в очи и плечи
Седой чародей целовал
И те же ей сладкие речи,
Что милый о свадьбе, шептал.
И так-то ли любо ей было
Внимать его сладким речам,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топор уронила к ногам,
Улыбка у горькой вдовицы
Играет на бледных губах,
Пушисты и белы ресницы,
Морозные иглы в бровях…

33

В сверкающий иней одета,
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето
Не вся еще рожь свезена.
Но сжата, – полегче им стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.
Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.
Телега, скрыпя, подъезжает
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.
«Бог помочь! А где же Гришуха?»
Отец мимоходом сказал.
«В горохах», – сказала старуха.
«Гришуха!»– отец закричал,
На небо взглянул. «Чай, не рано?
Испить бы…»– Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подает.
Гришуха меж тем отозвался:
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.
«Бежит!.. у!.. бежит, постреленок,
Горит под ногами трава!»
Гришуха черен, как галчонок,

Бела лишь одна голова.
Крича, подбегает вприсядку
(На шее горох хомутом).
Попотчевал бабушку, матку,
Сестренку – вертится вьюном!
От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Меж тем не дремал и савраска:
Он шею тянул да тянул,
Добрался, – оскаливши зубы,
Горох аппетитно жует
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берет…

34

Машутка отцу закричала:
«Возьми меня, тятька, с собой!»
Спрыгнула с мешка – и упала,
Отец ее поднял. «Не вой!
Убилась – неважное дело!..
Девчонок ненадобно мне,
Еще вот такого пострела
Рожай мне, хозяйка, к весне!
Смотри же!..» Жена застыдилась:
«Довольно с тебя одного!»
(А знала, под сердцем уж билось
Дитя…) «Ну! Машук, ничего!»
И Проклушка, став на телегу,
Машутку с собой посадил.
Вскочил и Гришуха с разбегу,
И с грохотом воз покатил.
Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь,
Как дети с отцом приближались
К дымящейся риге своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей…
Чу, песня! знакомые звуки!
Хорош голосок у певца…
Последние признаки муки
У Дарьи исчезли с лица,
Душой улетая за песней,
Она отдалась ей вполне…
Нет в мире той песни прелестней,

Которую слышим во сне!
О чем она – бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней дольнего счастья предел.
В ней кроткая ласка участья,
Обеты любви без конца…
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица.

35

Какой бы ценой ни досталось
Забвенье крестьянке моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалеть мы не будем о ней.
Нет глубже, нет слаще покоя,
Какой посылает нам лес,
Недвижно бестрепетно стоя
Под холодом зимних небес.
Нигде так глубоко и вольно
Не дышит усталая грудь,
И ежели жить нам довольно,
Нам слаще нигде не уснуть!

36

Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.
Ни звука! И видишь ты синий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,
Влекущий неведомой тайной,
Глубоко-бесстрастный… Но вот
Послышался шорох случайный
Вершинами белка идет.
Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув по сосне.
А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне…

(1862–1863)

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок;
Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.
Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.
Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость в ноги стлал,
Творя молитву, образок
Повесил в правый уголок
И – зарыдал… Княгиня-дочь…
Куда-то едет в эту ночь…
Да, рвем мы сердце пополам
Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?
Поможешь ли тоской!
Один, кто мог бы нам помочь
Теперь… Прости, прости!
Благослови родную дочь
И с миром отпусти!
Бог весть, увидимся ли вновь,
Увы! надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
В далекой стороне…
Не плачу я, но нелегко
С тобой расстаться мне!
О, видит бог!.. Но долг другой,
И выше и трудней,
Меня зовет… Прости, родной!
Напрасных слез не лей!
Далек мой путь, тяжел мой путь,
Страшна судьба моя,
Но сталью я одела грудь…
Гордись – я дочь твоя!
Прости и ты, мой край родной,
Прости, несчастный край!
И ты… о город роковой,

Гнездо царей… прощай!
Кто видел Лондон и Париж,
Венецию и Рим,
Того ты блеском не прельстишь,
Но был ты мной любим —
Счастливо молодость моя
Прошла в стенах твоих,
Твои балы любила я,
Катанья с гор крутых,
Любила плеск Невы твоей
В вечерней тишине,
И эту площадь перед ней
С героем на коне…
Мне не забыть… Потом, потом
Расскажут нашу быль…
А ты будь проклят, мрачный дом,
Где первую кадриль
Я танцевала… Та рука
Досель мне руку жжет…
Ликуй. . .
. . . .?
Покоен, прочен и легок,
Катится городом возок.
Вся в черном, мертвенно-бледна,
Княгиня едет в нем одна,
А секретарь отца (в крестах,
Чтоб наводить дорогой страх)
С прислугой скачет впереди…
Свища бичом, крича: «Пади!»
Ямщик столицу миновал…
Далек княгине путь лежал,
Была суровая зима…
На каждой станции сама
Выходит путница: «Скорей
Перепрягайте лошадей!»
И сыплет щедрою рукой
Червонцы челяди ямской.
Но труден путь! В двадцатый день
Едва приехали в Тюмень,
Еще скакали десять дней,
Увидим скоро Енисей, —
Сказал княгине секретать. —
Не ездит так и государь!..?

Вперед! Душа полна тоски,
Дорога всё трудней,
Но грезы мирны и легки —
Приснилась юность ей.
Богатство, блеск! Высокий дом

На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал,
Огнями весь горит.
О радость! нынче детский бал,
Чу! музыка гремит!
Ей ленты алые вплели
В две русские косы,
Цветы, наряды принесли
Невиданной красы.
Пришел папаша – сед, румян, —
К гостям ее зовет:
Ну, Катя! чудо сарафан!
Он всех с ума сведет!?
Ей любо, любо без границ.
Кружится перед ней
Цветник из милых детских лиц,
Головок и кудрей.
Нарядны дети, как цветы,
Нарядней старики:
Плюмажи, ленты и кресты,
Со звоном каблуки…
Танцует, прыгает дитя,
Не мысля ни о чем,
И детство резвое шутя
Проносится… Потом
Другое время, бал другой
Ей снится: перед ней
Стоит красавец молодой,
Он что-то шепчет ей…
Потом опять балы, балы…
Она – хозяйка их,
У них сановники, послы,
Весь модный свет у них…
О милый! что ты так угрюм?
Что на сердце твоем??
– Дитя! Мне скучен светский шум,
Уйдем скорей, уйдем! —
И вот уехала она
С избранником своим.
Пред нею чудная страна,
Пред нею – вечный Рим…
Ах! чем бы жизнь нам помянуть —
Не будь у нас тех дней,
Когда, урвавшись как-нибудь
Из родины своей
И скучный север миновав,
Примчимся мы на юг.

До нас нужды, над нами прав
Ни у кого… Сам-друг
Всегда лишь с тем, кто дорог нам,
Живем мы, как хотим;
Сегодня смотрим древний храм,
А завтра посетим
Дворец, развалины, музей..
Как весело притом
Делиться мыслию своей
С любимым существом!
Под обаяньем красоты,
Во власти строгих дум,
По Ватикану бродишь ты,
Подавлен и угрюм;
Отжившим миром окружен,
Не помнишь о живом.
Зато как странно поражен
Ты в первый миг потом,
Когда, покинув Ватикан,
Вернешься в мир живой,
Где ржет осел, шумит фонтан,
Поет мастеровой;
Торговля бойкая кипит,
Кричат на все лады:
Кораллов! раковин! улит!
Мороженой воды!?
Танцует, ест, дерется голь,
Довольная собой,
И косу черную как смоль
Римлянке молодой
Старуха чешет… Жарок день,
Несносен черни гам,
Где нам найти покой и тень?
Заходим в первый храм.
Не слышен здесь житейский шум,
Прохлада, тишина
И полусумрак… Строгих дум
Опять душа полна.
Святых и ангелов толпой
Вверху украшен храм,
Порфир и яшма под ногой,
И мрамор по стенам…
Как сладко слушать моря шум!
Сидишь по часу нем;
Неугнетенный, бодрый ум
Работает меж тем…
До солнца горною тропой
Взберешься высоко —
Какое утро пред тобой!

Как дышится легко!
Но жарче, жарче южный день,
На зелени долин
Росинки нет… Уйдем под тень
Зонтообразных пинн…
Княгине памятны те дни
Прогулок и бесед,
В душе оставили они
Неизгладимый след.
Но не вернуть ей дней былых,
Тех дней надежд и грез,
Как не вернуть потом о них
Пролитых ею слез!..
Исчезли радужные сны,
Пред нею ряд картин
Забитой, загнанной страны:2
Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
С понурой головой…
Как первый властвовать привык,
Как рабствует второй!
Ей снятся группы беняков
На нивах, на лугах,
Ей снятся стоны бурлаков
На волжских берегах…
Наивным ужасом полна,
Она не ест, не спит,
Засыпать спутника она
Вопросами спешит:
Скажи, ужель весь край таков?
Довольства тени нет?..?
– Ты в царстве нищих и рабов! —
Короткий был ответ…
Она проснулась – в руку сон!
Чу, слышен впереди
Печальный звон – кандальный звон!
Эй, кучер, погоди!?
То ссыльных партия идет,
Больней заныла грудь,
Княгиня деньги им дает, —
Спасибо, добрый путь!?
Ей долго, долго лица их
Мерещатся потом,
И не прогнать ей дум своих,
Не позабыться сном!
И та здесь партия была…
Да… нет других путей…
Но след их вьюга замела.
Скорей, ямщик, скорей!..?

Мороз сильней, пустынней путь,
Чем дале на восток;
На триста верст какой-нибудь
Убогий городок,
Зато как радостно глядишь
На темный ряд домов,
Но где же люди? Всюду тишь,
Не слышно даже псов.
Под кровлю всех загнал мороз,
Чаек от скуки пьют.
Прошел солдат, проехал воз,
Куранты где-то бьют.
Замерзли окна… огонек
В одном чуть-чуть мелькнул…
Собор… на выезде острог…
Ямщик кнутом махнул:
Эй вы!? – и нет уж городка,
Последний дом исчез…
Направо – горы и река,
Налево – темный лес…
Кипит больной, усталый ум,
Бессонный до утра,
Тоскует сердце. Смена дум
Мучительно быстра;
Княгиня видит то друзей,
То мрачную тюрьму,
И тут же думается ей —
Бог знает почему, —
Что небо звездное – песком
Посыпанный листок,
А месяц – красным сургучом
Оттистнутый кружок…
Пропали горы; началась
Равнина без конца.
Еще мертвей! Не встретит глаз
Живого деревца.
А вот и тундра!? – говорит
Ямщик, бурят степной.
Княгиня пристально глядит
И думает с тоской:
Сюда-то жадный человек
За золотом идет!
Оно лежит по руслам рек,
Оно на дне болот.
Трудна добыча на реке,
Болота страшны в зной,
Но хуже, хуже в руднике,
Глубоко под землей!..

Там гробовая тишина,
Там безрассветный мрак…
Зачем, проклятая страна,
Нашел тебя Ермак?..

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжелых дум полна…
Уснула… Башня снится ей…
Она вверху стоит;
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;
К обширной площади бегут3
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разносчики, попы;
Пестреют шляпки, бархат, шелк,
Тулупы, армяки…
Стоял уж там какой-то полк,4
Пришли еще полки,
Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они «ура!» кричат,
Они чего-то ждут…
Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут…
Зато посмеивался в ус,
Лукаво щуря взор,
Знакомый с бурями француз,
Столичный куафер…
Приспели новые полки:
Сдавайтесь!? – тем кричат.
Ответ им – пули и штыки,
Сдаваться не хотят.
Какой-то бравый генерал,
Влетев в каре, грозиться стал —
С коня снесли его.
Другой приблизился к рядам:
Прощенье царь дарует вам!?
Убили и того.
Явился сам митрополит
С хоругвями, с крестом:
Покайтесь, братия! – гласит, —
Падите пред царем!?
Солдаты слушали, крестясь,
Но дружен был ответ:
– Уйди, старик! молись за нас!
Тебе здесь дела нет… —

Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: «Па-ли!..»
…О, милый! Жив ли ты??
Княгиня, память потеряв,
Вперед рванулась и стремглав
Упала с высоты!
Пред нею длинный и сырой
Подземный коридор,
У каждой двери часовой,
Все двери на запор.
Прибою волн подобный плеск
Снаружи слышен ей;
Внутри – бряцанье, ружей блеск
При свете фонарей;
Да отдаленный шум шагов
И долгий гул от них,
Да прекрестный бой часов,
Да крики часовых…
С ключами старый и седой,
Усатый инвалид —
Иди, печальница, за мной! —
Ей тихо говорит. —
Я проведу тебя к нему,
Он жив и невредим…?
Она доверилась ему,
Она пошла за ним…
Шли долго, долго… Наконец
Дверь взвизгнула, – и вдруг
Пред нею он… живой мертвец…
Пред нею – бедный друг!
Упав на грудь ему, она
Торопится спросить:
Скажи, что делать? Я сильна,
Могу я страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо?..? – Не ходи,
Не тронешь палача! —
О милый! что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.
То этот страшный бой часов,
То крики часовых!
Зачем тут третий между нас?..?
– Наивен твой вопрос.
Пора! пробил урочный час!? —
Тот «третий» произнес…

Княгиня вздрогнула – глядит
Испуганно кругом,

Ей ужас сердце леденит:
Не всё тут было сном!..
Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей,
Налево был угрюмый лес,
Направо – Енисей.
Темно! Навстречу ни души,
Ямщик на козлах спал,
Голодный волк в лесной глуши
Пронзительно стонал,
Да ветер бился и ревел,
Играя на реке,
Да инородец где-то пел
На странном языке.
Суровым пафосом звучал
Неведомый язык,
И пуще сердце надрывал,
Как в бурю чайки крик…
Княгине холодно; в ту ночь
Мороз был нестерпим,
Упали силы; ей невмочь
Бороться больше с ним.
Рассудком ужас овладел,
Что не доехать ей.
Ямщик давно уже не пел,
Не понукал коней,
Передней тройки не слыхать,
Эй! жив ли ты, ямщик?
Что ты замолк? не вздумай спать!?
– Не бойтесь, я привык… —
Летят… Из мерзлого окна
Не видно ничего,
Опасный гонит сон она,
Но не прогнать его!
Он волю женщины больной
Мгновенно покорил
И, как волшебник, в край иной
Ее переселил.
Тот край – он ей уже знаком, —
Как прежде неги полн,
И теплым солнечным лучом
И сладким пеньем волн
Ее приветствовал, как друг…
Куда ни поглядит:
Да, это юг! да, это юг!? —
Всё взору говорит…
Ни тучки в небе голубом,
Долина вся в цветах,
Все солнцем залито, на всем,

Внизу и на горах,
Печать могучей красоты,
Ликует все вокруг;
Ей солнце, море и цветы
Поют: «Да – это юг!»
В долине между цепью гор
И морем голубым
Она летит во весь опор
С избранником своим.
Дорога их – роскошный сад,
С деревьев льется аромат,
На каждом дереве горит
Румяный, пышный плод;
Сквозь ветви темные сквозит
Лазурь небес и вод;
По морю реют корабли,
Мелькают паруса,
А горы, видные вдали,
Уходят в небеса.
Как чудны краски их! За час
Рубины рдели там,
Теперь заискрился топаз
По белым их хребтам…
Вот вьючный мул идет шажком,
В бубенчиках, в цветах,
За мулом – женщина с венком,
С корзинкою в руках.
Она кричит им: «Добрый путь!»
И, засмеявшись вдруг,
Бросает быстро ей на грудь
Цветок… да! это юг!
Страна античных, смуглых дев
И вечных роз страна…
Чу! мелодический напев,
Чу! музыка слышна!..
Да, это юг! да, это юг!
(Поет ей добрый сон)
Опять с тобой любимый друг,
Опять свободен он!..?

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути
На диво слаженный возок,
А всё конец пути далек!
Княгинин спутник так устал,

Что под Иркутском захворал,
Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна…
Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи сух, как палка прям,
Высокий и седой.
Сползла с плеча его доха,
Под ней – кресты, мундир,
На шляпе – перья петуха.
Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил…
Княгиня (входит в станционный дом)
В Нерчинск! Закладывать скорей!
Губернатор
Пришел я – встретить вас.
Княгиня
Велите ж дать мне лошадей!
Губернатор
Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть…
Княгиня
Благодарю вас! Я сильна…
Уж недалек мой путь…
Губернатор
Все ж будет верст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже тут пойдет,
Опасная езда!..
Два слова нужно вам сказать
По службе, – и притом
Имел я счастье графа знать,
Семь лет служил при нем.
Отец ваш редкий человек
По сердцу, по уму,
Запечатлев в душе навек
Признательность к нему,
К услугам дочери его
Готов я… весь я ваш…
Княгиня
Но мне не нужно ничего!
(Отворяя дверь в сени.)
Готов ли экипаж?
Губернатор
Покуда я не прикажу,

Его не подадут…
Княгиня
Так прикажите ж! Я прошу…
Губернатор
Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага…
Княгиня
Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?
Губернатор
Да-с, было бы верней.
Княгиня
Да кто ж прислал вам и о чем
Бумагу? что же – там
Шутили, что ли, над отцом?
Он всё устроил сам!
Губернатор
Нет… не решусь я утверждать…
Но путь еще далек…
Княгиня
Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?
Губернатор
Нет! Я еще не приказал…
Княгиня! здесь я – царь!
Садитесь! Я уже сказал.
Что знал я графа встарь,
А граф… хоть он вас отпустил,
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил…
Вернитесь поскорей!
Княгиня
Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
И выше и святей,
Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей!
Губернатор
Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?
Бесплодна наша сторона,
А та – еще бедней,
Короче нашей там весна,

Зима – еще длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там – знаете ли вы?
Там люди редки без клейма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придется с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Короток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей… Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалится никто!
Пускай ваш муж – он виноват…
А вам терпеть… за что?
Княгиня
Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!
Губернатор
Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!
Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром – пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да… страшный край! Оттуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной…
Княгиня
Живут же люди в том краю,

Привыкну я шутя…
Губернатор
Живут? Но молодость свою
Припомните… дитя!
Здесь мать – водицей снеговой,
Родив, омоет дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пурга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою,
А вы?..
Княгиня
Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.
Губернатор
Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,
Прийти – и лечь на голый пол
И с черствым сухарем
Заснуть… а добрый сон пришел —
И узник стал царем!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснется он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих,
А с вами?.. с вами не знавать
Ему счастливых грез,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слез.
Княгиня
Ах!.. Эти речи поберечь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезы из глаз моих!
Покинув родину, друзей,

Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг, – я слез не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нем спасу,
Я силы дам ему!
Презренье к нашим палачам,
Сознанье правоты
Опорой верной будет нам.
Губернатор
Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь черствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнет,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почет.
Как знать? Быть может, бог судил…
Понравится другой,
Закон вас права не лишил…
Княгиня
Молчите!.. Боже мой!..
Губернатор
Да, откровенно говорю,
Верннтесь лучше в свет.
Княгиня
Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины – сборище Иуд,
А женщины – рабы.
Что там найду я? Ханжество,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,
Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..

Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забыть того, кто нас любил,
Вернуться – всё простя?..
Губернатор
Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?
Княгиня
Молчите, генерал!
Губернатор
Когда б не доблестная кровь
Текла в вас – я б молчал.
Но если рветесь вы вперед,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасет…
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что станется с женой,
Увлекся призраком пустым,
И – вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!
Княгиня
Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!
Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

Княгиня кончила… Молчал
Упрямый старичок.
– Ну что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок??
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,

Потом в раздумье произнес:
– До завтра и ушел…

Назавтра тот же разговор.
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И наконец сказал: – Быть так!
Вас не спасешь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы! —
«Да что же мне еще терять??
– За мужем поскакав,
Вы отреченье подписать
Должны от ваших прав! —
Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов
Он, очевидно, пользы ждал.
Но был ответ таков:
У вас седая голова,
А вы еще дитя!
Вам наши кажутся права
Правами – не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отреченье? Подпишу!
И живо – лошадей!..?
Губернатор
Бумагу эту подписать!
Да что вы?.. Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва, —
Зайду я к вам опять!..

Ушел и не был целый день…
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пошла к нему сама.

Ее не принял генерал:
Хворает тяжело…
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло,
А на шестой пришел он сам
И круто молвил ей:
– Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем… —
Княгиня
Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..
Губернатор
Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.
Навряд версты четыре в час
Закованный идет;
Посередине дня – привал,
С закатом дня – ночлег,
А ураган в стели застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб…
Княгиня
Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?
Губернатор
Под караулом казаков
С оружием в руках,
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу – и ведут.
Трудненек путь! Да вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И трети не дойдет!
Они как мухи мрут в пути,
Особенно зимой…
И вам, княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!
Княгиня
О нет! я этого ждала…
Но вы, но вы… злодей!..

Неделя целая прошла…
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Уж шла бы я давно…
Велите ж партию сбирать —
Иду! мне все равно!..

– Нет! вы поедете!.. – вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза. —
Как я вас мучил… Боже мой!..
(Из-под руки на ус седой
Скатилася слеза).
Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал всё, что мог,
Перед царем душа моя
Чиста, свидетель бог!
Острожным жестким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас…
Я вас в три дня туда домчу…
(Отворяя дверь, кричит.)
Эй! запрягать сейчас!.. —

КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОНСКАЯ

Бабушкины записки

(1826 – 27 гг.)

ГЛАВА I

Проказники внуки! Сегодня они
С прогулки опять воротились:
– Нам, бабушка, скучно! В ненастные дни,
Когда мы в портретной садились
И ты начинала рассказывать нам,
Так весело было!.. Родная,
Еще что-нибудь расскажи!.. – По углам
Уселись. Но их прогнала я:
Успеете слушать; рассказов моих
Достанет на целые томы,
Но вы еще глупы: узнаете их,
Как будете с жизнью знакомы!
Я всё рассказала доступное вам
По вашим ребяческим летам:
Идите гулять по полям, по лугам!
Идите же… пользуйтесь летом!?
И вот, не желая остаться в долгу
У внуков, пишу я записки;
Для них я портреты людей берегу,
Которые были мне близки,
Я им завещаю альбом – и цветы
С могилы сестры – Муравьевой,
Коллекцию бабочек, флору Читы
И виды страны той суровой;
Я им завещаю железный браслет…
Пускай берегут его свято:
В подарок жене его выковал дед
Из собственной цепи когда-то…

Родилась я, милые внуки мои,
Под Киевом, в тихой деревне;
Любимая дочь я была у семьи.
Наш род был богатый и древний,
Но пуще отец мой возвысил его:
Заманчивей славы героя

Дороже отчизны – не знал ничего
Боец, не любивший покоя.
Творя чудеса, девятнадцати лет
Он был полковым командиром,
Он мужеством добыл и лавры побед
И почести, чтимые миром.
Воинская слава его началась
Персидским и шведским походом,
Но память о нем нераздельно слилась
С великим двенадцатым годом:
Тут жизнь его долгим сраженьем была.
Походы мы с ним разделяли
И в месяц иной не запомним числа,
Когда б за него не дрожали.
Защитник Смоленска? всегда впереди
Опасного дела являлся…
Под Лейпцигом раненный, с пулей в груди,
Он вновь через сутки сражался,
Так летопись жизни его говорит[117]:
В ряду полководцев России,
Покуда отечество наше стоит,
Он памятен будет! Витии
Отца моего осыпали хвалой,
Бессмертным его называя;
Жуковский почтил его громкой строфой,
Российских вождей прославляя:
Под Дашковой личного мужества жар
И жертву отца-патриота
Поэт воспевает[118]. Воинственный дар
Являя в сраженьях без счета,
Не силой одною врагов побеждал
Ваш прадед в борьбе исполинской:
0 нем говорили, что он сочетал
С отвагою гений воинский.

---

[117] См. «Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну в Франциею, в 1812–1815 годах». С.-Петербург. 1822 года. Часть 3, стр. 30–64. Биография генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского.

[118] См. соч. Жуковского, изд. 1849 года, том 1, «Певец во стане русских воинов», стр. 280:Раевский, слава наших дней, Хвала! перед рядами Он первый – грудь против мечей С отважными сынами…Факт, о котором здесь упоминается, в «Деяниях» рассказан следующим образом, часть 3, стр. 52:«В сражении при Дашкове, когда храбрые Россияне, от чрезвычайного превосходства в силах и ужасного действия артиллерии неприятеля, несколько поколебались, генерал Раевский, зная, сколько личный пример начальника одушевляет подчиненных ему воинов, взяв за руки двух своих сыновей, не достигших еще двадцатилетнего возраста, бросился с ними вперед на одну неприятельскую батарею, упорствовавшую еще покориться мужеству героев, вскричал:‚Вперед, ребята, за царя и отечество! я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь!..» – и что могло после сего противостоять усилиям и рвению предводимых таким начальником войск! Батарея была тотчас взята».Этот факт рассказан и у Михайловского-Данилевского (т. 1, стр. 329, изд. 1839 года), с тою разницею, что, по рассказу Данилевского, дело происходило не под Дашковой, а при Салтановке, и при этом случае упомянут подвиг шестнадцатилетнего юнкера, ровесника с Раевским, несшего впереди полка знамя, при переходе через греблю, под убийственным огнем, и когда младший из Раевских (Николай Николаевич) просил у него знамя, под предлогом, что тот устал: «Дайте мне нести знамя», юнкер, не отдавая оного, отвечал: «Я сам умею умирать!» Подлинность всего этого подтверждает и генерал Липранди, заметка которого (Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди) помещена в Архиве г. Бартенева (1866 года, стр. 1214).

Войной озабочен, в семействе своем
Отец ни во что не мешался,
Но крут был порою; почти божеством
Он матери нашей казался,
И сам он глубоко привязан был к ней.
Отца мы любили – в герое.
Окончив походы, в усадьбе своей
Он медленно гас на покое.
Мы жили в большом подгородном дому.
Детей поручив англичанке,
Старик отдыхал[119]. Я училась всему,
Что нужно богатой дворянке.
А после уроков бежала я в сад
И пела весь день беззаботно,
Мой голос был очень хорош, говорят,
Отец его слушал охотно;
Записки свои приводил он к концу,
Читал он газеты, журналы,
Пиры задавал; наезжали к отцу
Седые, как он, генералы,
И шли бесконечные споры тогда;
Меж тем молодежь танцевала.
Сказать ли вам правду? была я всегда
В то время царицею бала:
Очей моих томных огонь голубой,
И черная с синим отливом
Большая коса, и румянец густой
На личике смуглом, красивом,
И рост мой высокий, и гибкий мой стан,
И гордая поступь – пленяли
Тогдашних красавцев: гусаров, улан,
Что близко с полками стояли.
Но слушала я неохотно их лесть…
Отец за меня постарался:
– Не время ли замуж? Жених уже есть,
Он славно под Лейпцигом дрался,
Его полюбил государь, наш отец,
И дал ему чин генерала.
Постарше тебя… а собой молодец,
Волконский! Его ты видала
На царском смотру… и у нас он бывал,

[119] Наша поэма была уже написана, когда мы вспомнили, что генерал Раевский и по возвращении из похода, окончившегося взятием Парижа, продолжал служить. Мы не сочли нужным изменить нашего текста, так как это обстоятельство чисто внешнее; притом Раевский, командовавший корпусом, расположенным близ Киева, под старость, действительно, часто живал в деревне, где, по свидетельству Пушкина, который хорошо знал Н. Н. Раевского и был другом с его сыновьями, занимался, между прочим, домашнею медициной и садоводством. Приводим кстати свидетельство Пушкина о Раевском в одном из писем брату:«Мой друг, счастливейшие минуты в жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я в нем любил человека попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель екатерининского века, памятник 12-го года, человек без предрассудков, с сильным характером чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества».

По парку с тобой всё шатался! —
Да, помню! Высокий такой генерал…?
– Он самый! – Старик засмеялся…
Отец! он так мало со мной говорил!? —
Заметила я, покраснела…
– Ты будешь с ним счастлива! – круто решил
Старик, – возражать я не смела…
Прошло две недели – и я под венцом
С Сергеем Волконским стояла,
Не много я знала его женихом,
Не много и мужем узнала, —
Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!
По дальним селеньям, на зимний постой,
Бригаду его разбросали,
Ее объезжал беспрестанно Сергей.
А я между тем расхворалась;
В Одессе потом, по совету врачей,
Я целое лето купалась;
Зимой он приехал за мною туда,
С неделю я с ним отдохнула
При главной квартире… и снова беда!
Однажды я крепко уснула,
Вдруг слышу я голос Сергея (в ночи,
Почти на рассвете то было):
Вставай! поскорее найди мне ключи!
Камин затопи!? Я вскочила…
Взглянула: встревожен и бледен он был.
Камин затопила я живо.
Из ящиков муж мой бумаги сносил
К камину – и жег торопливо.
Иные прочитывал бегло, спеша,
Иные бросал, не читая.
И я помогала Сергею, дрожа
И глубже в огонь их толкая…
Потом он сказал: «Мы поедем сейчас»,
Волос моих нежно касаясь.
Всё скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не прощаясь,
Мы тронулись в путь. Мы скакали три дня,
Сергей был угрюм, торопился,
Довез до отцовской усадьбы меня
И тотчас со мною простился.

ГЛАВА II

Уехал!.. Что значила бледность его

И всё, что в ту ночь совершилось?
Зачем не сказал он жене ничего?
Недоброе что-то случилось!?
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнения душу терзали:
Уехал, уехал! опять я одна!..?
Родные меня утешали,
Отец торопливость его объяснял
Каким-нибудь делом случайным:
– Куда-нибудь сам император послал
Его с поручением тайным,
Не плачь! Ты походы делила со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; он скоро вернется домой!
Под сердцем залог драгоценный
Ты носишь: теперь ты беречься должна!
Всё кончится ладно, родная;
Жена муженька проводила одна,
А встретит, ребенка качая!..
Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидеться с бедной женою
И с первенцем-сыном отцу довелось
Не здесь – не под кровлей родною!
Как дорого стоил мне первенец мой!
Два месяца я прохворала.
Измучена телом, убита душой,
Я первую няню узнала.
Спросила о муже. – Еще не бывал! —
Писал ли?? – И писем нет даже. —
А где мой отец?? – В Петербург ускакал. —
А брат мой?? – Уехал туда же. —
Мой муж не приехал, нет даже письма,
И брат и отец ускакали, —
Сказала я матушке. – Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали!?
И как ни старалась упрашивать дочь
Старушка, я твердо решилась;
Припомнила я ту последнюю ночь
И всё, что тогда совершилось,
И ясно сознала, что с мужем моим
Недоброе что-то творится…
Стояла весна, по разливам речным
Пришлось черепахой тащиться.
Доехала я чуть живая опять.
Где муж мой?? – отца я спросила.
– В Молдавию муж твой ушел воевать. —
Не пишет он?..? Глянул уныло
И вышел отец… Недоволен был брат,
Прислуга молчала, вздыхая.

Заметила я, что со мною хитрят,
Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мне нужен покой,
Ко мне никого не пускали,
Меня окружили какой-то стеной,
Мне даже газет не давали!
Я вспомнила: много у мужа родных,
Пишу – отвечать умоляю.
Проходят недели, – ни слова от них!
Я плачу, я силы теряю…
Нет чувства мучительней тайной грозы.
Я клятвой отца уверяла,
Что я не пролью ни единой слезы, —
И он и кругом всё молчало!
Любя, меня мучил мой бедный отец;
Жалея, удваивал горе…
Узнала, узнала я всё наконец!..
Прочла я в самом приговоре,
Что был заговорщиком бедный Сергей:
Стояли они настороже,
Готовя войска к низверженью властей.
В вину ему ставилось тоже,
Что он… Закружилась моя голова…
Я верить глазам не хотела…
Ужели?..? – в уме не вязались слова:
Сергей – и бесчестное дело!
Я помню, сто раз я прочла приговор,
Вникая в слова роковые:
К отцу побежала, – с отцом разговор
Меня успокоил, родные!
С души словно камень тяжелый упал.
В одном я Сергея винила:
Зачем он жене ничего не сказал?
Подумав, и то я простила:
Как мог он болтать? Я была молода,
Когда ж он со мной расставался,
Я сына под сердцем носила тогда:
За мать и дитя он боялся! —
Так думала я. – Пусть беда велика,
Не все потеряла я в мире.
Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири!..?
Всю ночь я горела, мечтая о том,
Как буду лелеять Сергея.
Под утро глубоким, крепительным сном
Уснула – и встала бодрее.
Поправилось скоро здоровье мое,
Приятельниц я повидала,
Нашла я сестру – расспросила ее

И горького много узнала!
Несчастные люди!.. «Всё время Сергей
(Сказала сестра) содержался
В тюрьме; не видал ни родных, ни друзей…
Вчера только с ним повидался
Отец. Повидаться с ним можешь и ты:
Когда приговор прочитали,
Одели их в рубище, сняли кресты,
Но право свиданья им дали!..»
Подробностей ряд пропустила я тут…
Оставив следы роковые,
Доныне о мщенье они вопиют…
Не знайте их лучше, родные.
Я в крепость поехала к мужу с сестрой.
Пришли мы сперва к «генералу»,
Потом нас привел генерал пожилой
В обширную мрачную залу.
Дождитесь, княгиня! мы будем сейчас!?
Раскланявшись вежливо с нами,
Он вышел. С дверей не спускала я глаз.
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдали,
За ними я мыслью летела.
Мне чудилось: связку ключей принесли,
И ржавая дверь заскрипела.
В угрюмой каморке с железным окном
Измученный узник томился.
Жена к вам приехала!..? Бледный лицом,
Он весь задрожал, оживился:
Жена!..? Коридором он быстро бежал,
Довериться слуху не смея…
Вот он!? – громогласно сказал генерал.
И я увидала Сергея…
Недаром над ним пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно-бледно, глаза
Не так уже ярко светились,
Но больше в них было, чем в прежние дни,
Той тихой, знакомой печали;
С минуту пытливо смотрели они
И радостью вдруг заблистали,
Казалось, он в душу мою заглянул…
Я горько, припав к его груди,
Рыдала… Он обнял мея и шепнул:
– Здесь есть посторонние люди. —
Потом он сказал, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья,
Что, впрочем, легко переносит тюрьму,
И несколько слов ободренья

Прибавил… По комнате важно шагал
Свидетель: нам было неловко…
Сергей на одежду свою показал:
– Поздравь меня, Маша, с обновкой, —
И тихо прибавил: – Пойми и прости, —
Глаза засверкали слезою,
Но тут соглядатай успел подойти,
Он низко поник головою.
Я громко сказала: «Да, я не ждала
Найти тебя в этой одежде».
И тихо шепнула: «Я все поняла.
Люблю тебя больше, чем прежде…»
– Что делать? И в каторге буду я жить
(Покуда мне жить не наскучит). —
Ты жив, ты здоров, так о чем же тужить?
(Ведь каторга нас не разлучит?)?
– Так вот ты какая! – Сергей говорил,
Лицо его весело было…
Он вынул платок, на окно положил,
И рядом я свой положила,
Потом, расставаясь, Сергеев платок
Взяла я – мой мужу остался…
Нам после годичной разлуки часок
Свиданья короток казался,
Но что ж было делать! Наш срок миновал —
Пришлось бы другим дожидаться…
В карету меня подсадил генерал,
Счастливо желал оставаться…
Великую радость нашла я в платке:
Цалуя его, увидала
Я несколько слов на одном уголке;
Вот что я, дрожа, прочитала:
Мой друг, ты свободна. Пойми – не пеняй!
Душевно я бодр и – желаю
Жену мою видеть такой же. Прощай!
Малютке поклон посылаю…?
Была в Петербурге большая родня
У мужа; всё знать – да какая!
Я ездила к ним, волновалась три дня,
Сергея спасти умоляя.
Отец говорил: «Что ты мучишься, дочь»
Я всё испытал – бесполезно!?
И правда: они уж пытались помочь,
Моля императора слезно,
Но просьбы до сердца его не дошли…
Я с мужем еще повидалась,
И время приспело: его увезли!..
Как только одна я осталась,
Я тотчас послышала в сердце моем,

Что надо и мне торопиться,
Мне душен казался родительский дом,
И стала я к мужу проситься.
Теперь расскажу вам подробно, друзья,
Мою роковую победу.
Вся дружно и грозно восстала семья,
Когда я сказала: «Я еду!»
Не знаю, как мне удалось устоять,
Чего натерпелась я… Боже!..
Была из-под Киева вызвана мать,
И братья приехали тоже:
Отец «образумить» меня приказал.
Они убеждали, просили,
Но волю мою сам господь подкреплял,
Их речи ее не сломили!
А много и горько поплакать пришлось…
Когда собрались мы к обеду,
Отец мимоходом мне бросил вопрос:
– На что ты решилась? – «Я еду!»
Отец промолчал… промолчала семья…
Я вечером горько всплакнула,
Качая ребенка, задумалась я…
Вдруг входит отец, – я вздрогнула…
Ждала я грозы, но, печален и тих,
Сказал он сердечно и кротко:
– За что обижаешь ты кровных родных?
Что будет с несчастным сироткой?
Что будет с тобою, голубка моя?
Там нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
Найдешь ты там только могилу! —
И ждал он ответа и взгляд мой ловил,
Лаская меня и цалуя…
– Я сам виноват! Я тебя погубил! —
Воскликнул он вдруг, негодуя. —
Где был мой рассудок? Где были глаза!
Уж знала вся армия наша… —
И рвал он седые свои волоса:
– Прости! не казни меня, Маша!
Останься!.. – И снова молил горячо…
Бог знает, как я устояла!
Припав головою к нему на плечо,
Поеду!? – я тихо сказала…
– Посмотрим!.. – И вдруг распрямился старик,
Глаза его гневом сверкали:
– Одно повторяет твой глупый язык:
‚Поеду!» Сказать не пора ли,
Куда и зачем» Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!

Умеет ли думать твоя голова?
Врагами ты, что ли, считаешь
И мать, и отца? Или глупы они…
Что споришь ты с ними, как с ровней?
Поглубже ты в сердце свое загляни,
Вперед посмотри хладнокровней,
Подумай!.. Я завтра увижусь с тобой… —
Ушел он, грозящий и гневный,
А я, чуть жива, пред иконой святой
Упала – в истоме душевной…

ГЛАВА III

– Подумай!.. – Я целую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я божию матерь на помощь звала,
Совета просила у бога,
Я думать училась: отец приказал
Подумать… нелегкое дело!
Давно ли он думал за нас – и решал,
И жизнь наша мирно летела?
Училась я много; на трех языках
Читала. Заметна была я
В парадных гостиных, на светских балах,
Искусно танцуя, играя;
Могла говорить я почти обо всем,
Я музыку знала, я пела,
Я даже отлично скакала верхом,
Но думать совсем не умела.
Я только в последний, двадцатый мой год
Узнала, что жизнь не игрушка.
Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнет,
Как грянет нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отец
Со мной не говаривал строго;
Осьмнадцати лет я пошла под венец
И тоже не думала много…
В последнее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвестность томила сперва.
Когда же беду я узнала,
Бессменно стоял предо мною Сергей,
Тюрьмою измученный, бледный,
И много неведомых прежде страстей
Посеял в душе моей бедной.
Я всё испытала, а больше всего
Жестокое чувство бессилья.

Я небо и сильных людей за него
Молила – напрасны усилья!
И гнев мою душу больную палил,
И я волновалась нестройно,
Рвалась, проклинала… но не было сил,
Ни времени думать спокойно.
Теперь непременно я думать должна —
Отцу моему так угодно.
Пусть воля моя неизменно одна,
Пусть всякая дума бесплодна,
Я честно исполнить отцовский приказ
Решилась, мои дорогие.
Старик говорил: – Ты подумай о нас,
Мы люди тебе не чужие:
И мать, и отца, и дитя, наконец, —
Ты всех безрассудно бросаешь,
За что же? – «Я долг исполняю, отец!»
– За что ты себя обрекаешь
На муку? – «Не буду я мучиться там!
Здесь ждет меня страшная мука.
Да, если останусь, послушная вам,
Меня истерзает разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днем,
Рыдая над бедным сироткой,
Все буду я думать о муже моем
Да слышать упрек его кроткий.
Куда ни пойду я – на лицах людей
Я свой приговор прочитаю:
В их шепоте – повесть измены моей,
В улыбке укор угадаю:
Что место мое не на пышном балу,
А в дальней пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютою думой,
Один… без опоры… Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.
Делила с ним радость, делить и тюрьму
Должна я… Так небу угодно!..
Простите, родные! Мне сердце давно
Мое подсказало решенье.
И верю я твердо: от бога оно!
А в вас говорит – сожаленье.
Да, ежели выбор решить я должна
Меж мужем и сыном – не боле,
Иду я туда, где я больше нужна,
Иду я к тому, кто в неволе!
Я сына оставлю в семействе родном,
Он скоро меня позабудет.
Пусть дедушка будет малютке отцом,

Сестра ему матерью будет.
Он так еще мал! А когда подрастет
И страшную тайну узнает,
Я верю: он матери чувство поймет
И в сердце ее оправдает!
Но если останусь я с ним… и потом
Он тайну узнает и спросит:
‚Зачем не пошла ты за бедным отцом»..»
И слово укора мне бросит»
О, лучше в могилу мне заживо лечь,
Чем мужа лишить утешенья
И в будущем сына презренье навлечь…
Нет, нет! не хочу я презренья!..
А может случиться – подумать боюсь! —
Я первого мужа забуду,
Условиям новой семьи подчинюсь
И сыну не матерью буду,
А мачехой лютой?.. Горю со стыда…
Прости меня, бедный изгнанник!
Тебя позабыть! Никогда! никогда!
Ты сердца единый избранник…
Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!
Его ты не знаешь! Сначала,
В блестящем наряде, на гордом коне,
Его пред полком я видала;
О подвигах жизни его боевой
Рассказы товарищей боя
Я слушала жадно – и всею душой
Я в нем полюбила героя…
Позднее я в нем полюбила отца
Малютки, рожденного мною.
Разлука тянулась меж тем без конца.
Он твердо стоял под грозою…
Вы знаете, где мы увиделись вновь —
Судьба свою волю творила! —
Последнюю, лучшую сердца любовь
В тюрьме я ему подарила!
Напрасно чернила его клевета,
Он был безупречней, чем прежде,
И я полюбила его, как Христа…
В своей арестантской одежде
Теперь он бессменно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре – любовь неземная…
Отец мой! должна я увидеть его…
Умру я, тоскуя по муже…
Ты, долгу служа, не щадил ничего,
И нас научил ты тому же…

Герой, выводивший своих сыновей
Туда, где смертельней сраженье, —
Не верю, чтоб дочери бедной своей
Ты сам не одобрил решенье!?
Вот что я продумала в долгую ночь,
И так я с отцом говорила…
Он тихо сказал: – Сумасшедшая дочь! —
И вышел; молчали уныло
И братья и мать… Я ушла наконец…
Тяжелые дни потянулись:
Как туча ходил недовольный отец,
Другие домашние дулись.
Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом; но я не дремала,
Опять провела я бессонную ночь,
Письмо к государю писала
(В то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
С дороги велел государь. Испытать
Боялась я участь такую,
Но слух был неверен). Письмо отвезла
Сестра моя, Катя Орлова.
Сам царь отвечал мне… Спасибо, нашла
В ответе я доброе слово!
Он был элегантен и мил (Николай
Писал по-французски.) Сначала
Сказал государь, как ужасен тот край,
Куда я поехать желала,
Как грубы там люди, как жизнь тяжела,
Как возраст мой хрупок и нежен;
Потом намекнул (я не вдруг поняла)
На то, что возврат безнадежен;
А дальше – изволил хвалою почтить
Решимость мою, сожалея,
Что, долгу покорный, не мог пощадить
Преступного мужа… Не смея
Противиться чувствам высоким таким,
Давал он свое позволенье;
Но лучше желал бы, чтоб с сыном моим
Осталась я дома…
Волненье
Меня охватило. «Я еду!» Давно
Так радостно сердце не билось…
Я еду! я еду! Теперь решено!..?
Я плакала, жарко молилась…
В три дня я в далекий мой путь собралась,
Все ценное я заложила,
Надежною шубой, бельем запаслась,
Простую кибитку купила.

Родные смотрели на сборы мои,
Загадочно как-то вздыхая;
Отъезду не верил никто из семьи…
Последнюю ночь провела я
С ребенком. Нагнувшись над сыном моим,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я с ним
Печатью письма рокового.
Играла и думала: «Бедный мой сын!
Не знаешь ты, чем ты играешь!
Здесь участь твоя: ты проснешься один,
Несчастный! Ты мать потеряешь!»
И в горе, упав на ручонки его
Лицом, я шептала, рыдая:
«Прости, что тебя для отца твоего,
Мой бедный, покинуть должна я…?»
А он улыбался; не думал он спать,
Любуясь красивым пакетом;
Большая и красная эта печать
Его забавляла…
С рассветом
Спокойно и крепко заснуло дитя,
И щечки его заалели.
С любимого личика глаз не сводя,
Молясь у его колыбели,
Я встретила утро…
Я вмиг собралась.
Сестру заклинала я снова
Быть матерью сыну… Сестра поклялась…
Кибитка была уж готова.
Сурово молчали родные мои,
Прощание было немое.
Я думала: «Я умерла для семьи,
Всё милое, всё дорогое
Теряю… нет счета печальных потерь!..»
Мать как-то спокойно сидела,
Казалось, не веря еще и теперь,
Чтоб дочка уехать посмела,
И каждый с вопросом смотрел на отца.
Сидел он поодаль понуро,
Не молвил словечка, не поднял лица, —
Оно было бледно и хмуро.
Последние вещи в кибитку снесли,
Я плакала, бодрость теряя,
Минуты мучительно медленно шли…
Сестру наконец обняла я
И мать обняла. «Ну, господь вас храни!» —
Сказала я, братьев целуя.
Отцу подражая, молчали они…

Старик поднялся, негодуя,
По сжатым губам, по морщинам чела
Ходили зловещие тени…
Я молча ему образок подала
И стала пред ним на колени:
Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!
Прости свою дочь, ради бога!..?
Старик на меня поглядел наконец
Задумчиво, пристально, строго
И, руки с угрозой подняв надо мной,
Чуть слышно сказал (я дрожала):
– Смотри! через год возвращайся домой,
Не то – прокляну!.. —
Я упала…

ГЛАВА IV

Довольно, довольно объятий и слез!?
Я села – и тройка помчалась.
Прощайте, родные!? В декабрьский мороз
Я с домом отцовским рассталась,
И мчалась без отдыху с лишком три дня;
Меня быстрота увлекала,
Она была лучшим врачом для меня…
Я скоро в Москву прискакала,
К сестре Зинаиде[120]. Мила и умна
Была молодая княгиня.
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл[121],
Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный в нее безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам – по сказанью поэта —
Цвет южного неба в очах принесла?.
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов, – житье
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили ее
И Северной звали Коринной…
Поплакали мы. По душе ей была
Решимость моя роковая:

[120] Зинаида Волковская, урожденная кн. Белосельская, была родственницей нашей героине по муже.

[121] Quatre Nouvelles. Par M-me La Princesse Z'en'eide Wolkonsky, n'ee P-sse B'eloselsky. Moscou, dans l'imprimerie d'Auguste Semen, 1819.

Крепись, моя бедная! будь весела!
Ты мрачная стала такая.
Чем мне эти темные тучи прогнать?
Как мы распростимся с тобою?
А вот что! ложись ты до вечера спать,
А вечером пир я устрою.
Не бойся! все будет во вкусе твоем,
Друзья у меня не повесы,
Любимые песни твои мы споем,
Сыграем любимые пьесы…?
И вечером весть, что приехала я,
В Москве уже многие знали.
В то время несчастные наши мужья
Вниманье Москвы занимали:
Едва огласилось решенье суда,
Всем было неловко и жутко,
В салонах Москвы повторялась тогда
Одна ростопчинская шутка:
В Европе сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует, – понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что ль, захотела?..?
И сделалась я «героинею дня».
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадные, цугом кареты
Гремели; напудрив свои парики,
Потемкину ровня по летам,
Явились былые тузы-старики
С отменно учтивым приветом;
Старушки статс-дамы былого двора
В объятья меня заключали:
Какое геройство!.. Какая пора!..? —
И в такт головами качали.
Ну, словом, что было в Москве повидней,
Что в ней мимоездом гостило,
Всё вечером съехалось к Зине моей:
Артистов тут множество было,
Певцов-итальянцев тут слышала я,
Что были тогда знамениты,
Отца моего сослуживцы, друзья
Тут были, печалью убиты.
Тут были родные ушедших туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимых тогда,
Со мной дружелюбно простилась:
Тут были Одоевский, Вяземский; был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил,

Безвременно взятый могилой.
И Пушкин тут был… Я узнала его…
Он другом был нашего детства,
В Юрзуфе[122] он жил у отца моего.
В ту пору проказ и кокетства
Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
Бросали друг в друга цветами.
Все наше семейство поехало в Крым,
И Пушкин отправился с нами.
Мы ехали весело. Вот наконец
И горы, и Черное море!
Велел постоять экипажам отец,
Гуляли мы тут на просторе.
Тогда уже был мне шестнадцатый год.
Гибка, высока не по летам,
Покинув семью, я стрелою вперед
Умчалась с курчавым поэтом;
Без шляпки, с распущенной длинной косой,
Полуденным солнцем палима,
Я к морю летела, – и был предо мной
Вид южного берега Крыма!
Я радостным взором глядела кругом,
Я прыгала, с морем играла;
Когда удалялся прилив, я бегом
До самой воды добегала,
Когда же прилив возвращался опять
И волны грядой подступали,
От них я спешила назад убежать,
А волны меня настигали!..
И Пушкин смотрел… и смеялся, что я
Ботинки мои промочила.
Молчите! идет гувернантка моя!? —
Сказала я строго… (Я скрыла,
Что ноги промокли…) Потом я прочла
В «Онегине» чудные строки.
Я вспыхнула вся – я довольна была…
Теперь я стара, так далеки
Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюбленным в меня… но, по правде сказать,
В кого он тогда не влюблялся!
Но, думаю, он не любил никого

[122] Юрзуф, очаровательный уголок южного берега Крыма, лежит на восточной оконечности южного берега, на пути между Яйлою и Ялтою. Заметим здесь, что во всем нашем рассказе о пребывании Пушкина у Раевских в Юрзуфе не вымышлено нами ни одного слова. Анекдот о шалости Пушкина по поводу переводов Елены Николаевны Раевской рассказан в статье г. Бартенева «Пушкин в Южной России» (Русский архив 1866 года, стр. 1115). О друге своем кипарисе упоминает сам Пушкин в известном письме к Дельвигу: «В двух шагах от дома рос кипарис; каждое утро я посещал его и привязался к нему чувством, похожим на дружество». Легенда, связавшаяся впоследствии с этим другом Пушкина, рассказана в «Крымских письмах» Евгении Тур («С.-Петербургские ведомости» 1854 года, письмо 5-е) и повторена в упомянутой выше статье г. Бартенева.

Тогда, кроме Музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья ее и печали…
Юрзуф живописен: в роскошных садах
Долины его потонули,
У ног его море, вдали Аюдаг…
Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбегал
На кручу лозой отягченной,
И тополь местами недвижно стоял
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт наверху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
Что в море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по дням
И были всегда одиноки,
Он у моря часто бродил по ночам.
По-английски брал он уроки
У Лены, сестры моей: Байрон тогда
Его занимал чрезвычайно.
Случалось сестре перевесть иногда
Из Байрона что-нибудь – тайно;
Она мне читала попытки свои,
А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел всё дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену…
Окончив занятья, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом,
Под ним заставал его часто рассвет,
Он с ним, уезжая, прощался…
И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:
«К поэту летал соловей по ночам,
Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом он пел – и, певцам
Внимая, природа смолкала!»
Потом соловей, – повествует народ, —
Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовет
К забытому другу поэта!
Но умер поэт – прилетать перестал
Пернатый певец… Полный горя,

С тех пор кипарис сиротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря…?
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают…
Печальна была наша встреча. Поэт
Подавлен был истинным горем.
Припомнил он игры ребяческих лет
В далеком Юрзуфе, над морем.
Покинув привычный насмешливый тон,
С любовью, с тоской бесконечной,
С участием брата напутствовал он
Подругу той жизни беспечной!
Со мной он по комнате долго ходил,
Судьбой озабочен моею,
Я помню, родные, что он говорил,
Да так передать не сумею:
Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпеньем богаты,
Пусть мирно свершится ваш путь роковой,
Пусть вас не смущают утраты!
Поверьте, душевной такой чистоты
Не стоит сей свет ненавистный!
Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстной!
Что свет? опостылевший всем маскарад!
В нем сердце черствеет и дремлет,
В нем царствует вечный, рассчитанный хлад
И пылкую правду объемлет…
Вражда умирится влияньем годов,
Пред временем рухнет преграда,
И вам возвратятся пенаты отцов
И сени домашнего сада!
Целебно вольется в усталую грудь
Долины наследственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.
Да, верю! недолго вам горе терпеть,
Гнев царский не будет же вечным…
Но если придется в степи умереть,
Помянут вас словом сердечным:
Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу!
Умрете, но ваших страданий рассказ
Поймется живыми сердцами,
И за полночь правнуки ваши о вас

Беседы не кончат с друзьями.
Они им покажут, вздохнув от души,
Черты незабвенные ваши,
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осушатся полные чаши!..
Пускай долговечнее мрамор могил,
Чем крест деревянный в пустыне,
Но мир Долгорукой еще не забыл,
А Бирона нет и в помине.
Но что я?.. Дай бог вам здоровья и сил!
А там и увидеться можно:
Мне царь, Пугачева» писать поручил,
Пугач меня мучит безбожно,
Расправиться с ним я на славу хочу,
Мне быть на Урале придется.
Поеду весной, поскорей захвату,
Что путного там соберется,
Да к вам и махну, переехав Урал…»
Поэт написал «Пугачева»,
Но в дальние наши снега не попал.
Как мог он сдержать это слово?..

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пению жадно внимала;
Сама л не пела – была я больна,
Я только других умоляла:
Подумайте: я уезжаю с зарей…
О, пойте же, пойте! играйте!..
Ни музыки я не услышу такой,
Ни песни… Наслушаться дайте!?
И чудные звуки лились без конца!
Торжественнои песнеи прощальнои
Окончился вечер, – не помню лица
Без грусти, без думы печальной!
Черты неподвижных, суровых старух
Утратили холод надменный,
И взор, что, казалось, навеки потух,
Светился слезой умиленной…
Артисты старались себя превзойти,
Не знаю я песни прелестней
Той песни-молитвы о добром пути,
Той благословляющей песни…
0, как вдохновенно играли они!
Как пели!.. и плакали сами…
И каждый сказал мне: «Господь вас храни!», —
Прощаясь со мной со слезами…

ГЛАВА V

Морозно. Дорога бела и гладка,
Ни тучи на всем небосклоне…
Обмерзли усы, борода ямщика,
Дрожит он в своем балахоне.
Спина его, плечи и шапка в снегу,
Хрипит он, коней понукая,
И кашляют кони его на бегу,
Глубоко и трудно вздыхая…
Обычные виды: былая краса
Пустынного русского края,
Угрюмо шумят строевые леса,
Гигантские тени бросая;
Равнины покрыты алмазным ковром,
Деревни в снегу потонули,
Мелькнул на пригорке помещичий дом,
Церковные главы блеснули…
Обычные встречи: обоз без конца,
Толпа богомолок старушек,
Гремящая почта, фигура купца
На груде перин и подушек;
Казенная фура! с десяток подвод:
Навалены ружья и ранцы.
Солдатики! Жидкий, безусый народ:
Должно быть, еще новобранцы;
Сынков провожают отцы-мужики
Да матери, сестры и жены:
Уводят сердечных в полки!? —
Доносятся горькие стоны…
Подняв кулаки над спиной ямщика,
Неистово мчится фельдъегерь.
На самой дороге догнав русака,
Усатый помещичий егерь
Махнул через ров на проворном коне,
Добычу у псов отбивает.
Со всей своей свитой стоит в стороне
Помещик – борзых подзывает…
Обычные сцены: на станциях ад —
Ругаются, спорят, толкутся.
Ну, трогай!? Из окон ребята глядят,
Попы у харчевен дерутся;
У кузницы бьется лошадка в станке,
Выходит, весь сажей покрытый
Кузнец с раскаленной подковой в руке:
Эй, парень, держи ей копыты!..?
В Казани я сделала первый привал,

На жестком диване уснула;
Из окон гостиницы видела бал
И, каюсь, глубоко вздохнула!
Я вспомнила: час или два с небольшим
Осталось до нового года.
Счастливые люди! как весело им!
У них и покой, и свобода,
Танцуют, смеются!.. а мне не знавать
Веселья… я еду на муки!..?
Не надо бы мыслей таких допускать,
Да молодость, молодость, внуки!
Здесь снова пугали меня Трубецкой,
Что будто ее воротили:
Но я не боюсь – позволенье со мной!?
Часы уже десять пробили,
Пора! я оделась. «Готов ли ямщик»?
– Княгиня, вам лучше дождаться
Рассвета, – заметил смотритель-старик. —
Метель начала подыматься! —
Ах! то ли придется еще испытать!
Поеду. Скорей, ради бога!..?
Звенит колокольчик, ни зги не видать,
Что дальше, то хуже дорога,
Поталкивать начало сильно в бока,
Какими-то едем грядами,
Не вижу я даже спины ямщика:
Бугор намело между нами.
Чуть-чуть не упала кибитка моя,
Шарахнулась тройка и стала.
Ямщик мой заохал: «Докладывал я:
Пождать бы! дорога пропала!..»
Послала дорогу искать ямщика,
Кибитку рогожей закрыла,
Подумала: верно, уж полночь близка,
Пружинку часов подавила:
Двенадцать ударило! Кончился год,
И новый успел народиться!
Откинув циновку, гляжу я вперед —
По-прежнему вьюга крутится.
Какое ей дело до наших скорбей,
До нашего нового года?
И я равнодушна к тревоге твоей
И к стонам твоим, непогода!
Своя у меня роковая тоска,
И с ней я борюсь одиноко…
Поздравила я моего ямщика.
Зимовка тут есть недалеко, —
Сказал он, – рассвета дождемся мы в ней!?
Подъехали мы, разбудили

Каких-то убогих лесных сторожей,
Их дымную печь затопили.
Рассказывал ужасы житель лесной,
Да я его сказки забыла…
Согрелись мы чаем. Пора на покой!
Метель всё ужаснее выла.
Лесник покрестился, ночник погасил
И с помощью пасынка Феди
Огромных два камня к дверям привалил.
Зачем?? – Одолели медведи! —
Потом он улегся на голом полу,
Всё скоро уснуло в сторожке,
Я думала, думала… лежа в углу
На мерзлой и жесткой рогожке…
Сначала веселые были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цветы,
Подарки, заздравные чаши,
И шумные речи, и ласки… кругом
Всё милое, всё дорогое —
Но где же Сергей?.. И, подумав о нем,
Забыла я всё остальное!
Я живо вскочила, как только ямщик
Продрогший в окно постучался.
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,
Но деньги принять отказался.
Не надо, родная! Бог вас защити,
Дороги-то дальше опасны!?
Крепчали морозы по мере пути
И сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою —
И темно, и страшная скука.
Что делать? Стихи вспоминаю, пою,
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет
И путь мой заносят метели,
А всё-таки я подвигаюсь вперед!
Так ехала я три недели…
Однажды, заслышав какой-то содом,
Циновку мою я открыла,
Взглянула: мы едем обширным селом,
Мне сразу глаза ослепило:
Пылали костры по дороге моей…
Тут были крестьяне, крестьянки,
Солдаты – и целый табун лошадей…
Здесь станция: ждут серебрянки,* —
Сказал мой ямщик. – Мы увидим ее,
Она, чай, идет недалече…?
Сибирь высылала богатство свое,

Я рада была этой встрече:
Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
О муже, о наших узнаю.
При ней офицер, из Нерчинска их путь…?
В харчевне сижу, поджидаю…
Вошел молодой офицер; он курил,
Он мне не кивнул головою,
Он как-то надменно глядел и ходил,
И вот я сказала с тоскою:
Вы видели, верно… известны ли вам
Те… жертвы декабрьского дела…
Здоровы они? Каково-то им там?
О муже я знать бы хотела…?
Нахально ко мне повернул он лицо —
Черты были злы и суровы —
И, выпустив изо рту дыму кольцо,
Сказал: – Несомненно здоровы,
Но я их не знаю – и знать не хочу,
Я мало ли каторжных видел!.. —
Как больно мне было, родные! Молчу…
Несчастный! меня же обидел!..
Я бросила только презрительный взгляд,
С достоинством юноша вышел…
У печки тут грелся какой-то солдат,
Проклятье мое он услышал
И доброе слово – не варварский смех —
Нашел в своем сердце солдатском:
– Здоровы! – сказал он, – я видел их всех,
Живут в руднике Благодатском!.. —
Но тут возвратился надменный герой,
Поспешно ушла я в кибитку.
Спасибо, солдатик! спасибо, родной!
Недаром я вынесла пытку!
Поутру на белые степи гляжу,
Послышался звон колокольный,
Тихонько в убогую церковь вхожу,
Смешалась с толпой богомольной.
Отслушав обедню, к попу подошла,
Молебен служить попросила…
Все было спокойно – толпа не ушла…
Совсем меня горе сломило!
За что мы обижены столько, Христос?
За что поруганьем покрыты?
И реки давно накопившихся слез
Упали на жесткие плиты!
Казалось, народ мою грусть разделял,
Молясь молчаливо и строго,
И голос священника скорбью звучал,
Прося об изгнанниках бога…

Убогий, в пустыне затерянный храм!
В нем плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там,
Убитой душе не обидно…
(Отец Иоанн, что молебен служил
И так непритворно молился,
Потом в каземате священником был
И с нами душой породнился.)
А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Гора была страшно крутая,
И я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая!
В Иркутске проделали то же со мной,
Чем там Трубецкую терзали…
Байкал. Переправа – и холод такой,
Что слезы в глазах замерзали.
Потом я рассталась с кибиткой моей
(Пропала санная дорога).
Мне жаль ее было: я плакала в ней
И думала, думала много!
Дорога без снегу – в телеге! Сперва
Телега меня занимала,
Но вскоре потом, ни жива ни мертва,
Я прелесть телеги узнала.
Узнала и голод на этом пути,
К несчастию, мне не сказали,
Что тут ничего невозможно найти,
Тут почту бурята держали.
Говядину вялят на солнце они
Да греются чаем кирпичным,
И тот еще с салом! Господь сохрани
Попробовать вам, непривычным!
Зато под Нерчинском мне задали бал:
Какой-то купец тороватый
В Иркутске заметил меня, обогнал
И в честь мою праздник богатый
Устроил… Спасибо! я рада была
И вкусным пельменям и бане…
А праздник, как мертвая, весь проспала
В гостиной его на диване…
Не знала я, что впереди меня ждет!
Я утром в Нерчинск прискакала,
Не верю глазам, – Трубецкая идет!
Догнала тебя я, догнала!?
– Они в Благодатске! – Я бросилась к ней,
Счастливые слезы роняя…
В двенадцати только верстах мой Сергей,
И Катя со мной Трубецкая!

ГЛАВА VI

Кто знал одиночество в дальнем пути,
Чьи спутники – горе да вьюга,
Кому провиденьем дано обрести
В пустыне негаданно друга,
Тот нашу взаимную радость поймет…
– Устала, устала я, Маша!
Не плачь, моя бедная Катя! Спасет
Нас дружба и молодость наша!
Нас жребий один неразрывно связал,
Судьба нас равно обманула,
И тот же поток твое счастье умчал,
В котором мое потонуло.
Пойдем же мы об руку трудным путем,
Как шли зеленеющим лугом.
И обе достойно свой крест понесем
И будем мы сильны друг другом.
Что мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья… Не много!
Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранников бога!
Найдем мы униженных, скорбных мужей,
Но будем мы им утешеньем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилим терпеньем.
Опорою гибнущим, слабым, больным
Мы будем в тюрьме ненавистной
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной!..
Чиста наша жертва – мы всё отдаем
Избранникам нашим и богу.
И верю я: мы невредимо пройдем
Всю трудную нашу дорогу…?
Природа устала с собой воевать —
День ясный, морозный и тихий.
Снега под Нерчинском явились опять,
В санях покатили мы лихо…
О ссыльных рассказывал русский ямщик
(Он знал их фамилии даже):
– На этих конях я возил их в рудник,
Да только в другом экипаже.
Должно быть, дорога легка им была:
Шутили, смешили друг дружку;
На завтрак ватрушку мне мать испекла,
Так я подарил им ватрушку,
Двугривенный дали – я брать не хотел:

,Возьми, паренек, пригодится…» —
Болтая, он живо в село прилетел:
– Ну, барыни! где становиться» —
Вези нас к начальнику прямо в острог?.
– Эй, други, не дайте в обиду! —
Начальник был тучен и, кажется, строг,
Спросил: по какому мы виду?
В Иркутске читали инструкцию нам
И выслать в Нерчинск обещали…?
– Застряла, застряла, голубушка, там! —
Вот копия, нам ее дали…?
– Что копия? с ней попадешься впросак! —
Вот царское вам позволенье!?
Не знал по-французски упрямый чудак,
Не верил нам, – смех и мученье!
Вы видите подпись царя: Николай??
До подписи нет ему дела,
Ему из Нерчинска бумагу подай!
Поехать за ней я хотела,
Но он объявил, что отправится сам
И к утру бумагу добудет.
Да точно ли?..? – Честное слово! А вам
Полезнее выспаться будет!.. —
И мы добрались до какой-то избы,
О завтрашнем утре мечтая;
С оконцем из слюды, низка, без трубы,
Была наша хата такая,
Что я головою касалась стены,
А в дверь упиралась ногами;
Но мелочи эти нам были смешны,
Не то уж случалося с нами.
Мы вместе! теперь бы легко я снесла
И самые трудные муки…
Проснулась я рано, а Катя спала.
Пошла по деревне от скуки:
Избушки такие ж, как наша, числом
До сотни, в овраге торчали,
А вот и кирпичный с решетками дом!
При нем часовые стояли.
Не здесь ли преступники?? – Здесь, да ушли. —
Куда?? – На работу, вестимо! —
Какие-то дети меня повели…
Бежали мы все – нестерпимо
Хотелось мне мужа увидеть скорей;
Он близко! Он шел тут недавно!
Вы видите их?? – я спросила детей.
– Да, видим! Поют они славно!
Вон дверца… гляди же! Пойдем мы теперь,
Прощай!.. – Убежали ребята…

И словно под землю ведущую дверь
Увидела я – и солдата.
Сурово смотрел часовой, – наголо
В руке его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здесь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть может, вам хочется дальше читать,
Да просится слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!
В дороге, в изгнанье, где я ни была,
Всё трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили…
Вас в каторге самый закон не спасет!? —
На родине мне говорили;
Но добрых людей я встречала и там,
На крайней ступени паденья,
Умели по-своему выразить нам
Преступники дань уваженья;
Меня с неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встречали:
Вы – ангелы наши!? За наших мужей
Уроки они исполняли.
Не раз мне украдкой давал из полы
Картофель колодник клейменый:
Покушай! горячий, сейчас из золы!?
Хорош был картофель печеный,
Но грудь и теперь занывает с тоски,
Когда я о нем вспоминаю…
Примите мой низкий поклон, бедняки!
Спасибо вам всем посылаю!
Спасибо!.. Считали свой труд ни во что
Для нас эти люди простые,
Но горечи в чашу не подлил никто,
Никто – из народа, родные!..
Рыданьям моим часовой уступил.
Как бога его я просила!
Светильник (род факела) он засветил,
В какой-то подвал я вступила
И долго спускалась все ниже; потом
Пошла я глухим коридором,
Уступами шел он: темно было в нем

И душно; где плесень узором
Лежала; где тихо струилась вода
И лужами книзу стекала.
Я слышала шорох; земля иногда
Комками со стен упадала;
Я видела страшные ямы в стенах;
Казалось, такие ж дороги
От них начинались. Забыла я страх,
Проворно несли меня ноги!
И вдруг я услышала крики: «Куда,
Куда вы» Убиться хотите?
Ходить не позволено дамам туда!
Вернитесь скорей! Погодите!?
Беда моя! видно, дежурный пришел
(Его часовой так боялся),
Кричал он так грозно, так голос был зол,
Шум скорых шагов приближался…
Что делать? Я факел задула. Вперед
Впотьмах наугад побежала…
Господь, коли хочет, везде проведет!
Не знаю, как я не упала,
Как голову я не оставила там!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасных расселин, провалов и ям
Бог вывел меня невредимо:
Я скоро увидела свет впереди,
Там звездочка словно светилась…
И вылетел радостный крик из груди:
Огонь!? Я крестом осенилась…
Я сбросила шубу… Бегу на огонь,
Как бог уберег во мне душу!
Попавший в трясину испуганный конь
Так рвется, завидевши сушу…
И стало, родные, светлей и светлей!
Увидела я возвышенье:
Какая-то площадь… и тени на ней…
Чу… молот! работа, движенье…
Там люди! Увидят ли только они?
Фигуры отчетливей стали…
Вот ближе, сильней замелькали огни.
Должно быть, меня увидали…
И кто-то, стоявший на самом краю,
Воскликнул: «Не ангел ли божий»
Смотрите, смотрите!? – Ведь мы не в раю:
Проклятая шахта похожей
На ад! – говорили другие, смеясь,
И быстро на край выбегали,
И я приближалась поспешно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.

Волконская!? – вдруг закричал Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу; я поднялася стрелой!
Всё люди знакомые были:
Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенский…
Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицам их, полным участья…
Но где же Сергей мой? «За ним уж пошли,
Не умер бы только от счастья!
Кончает урок: по три пуда руды
Мы в день достаем для России,
Как видите, нас не убили труды!»
Веселые были такие,
Шутили, но я под веселостью их
Печальную повесть читала
(Мне новостью были оковы на них,
Что их закуют – я не знала)…
Известьем о Кате, о милой жене,
Утешила я Трубецкого;
Все письма, по счастию, были при мне,
С приветом из края родного
Спешила я их передать. Между тем
Внизу офицер горячился:
Кто лестницу принял? Куда и зачем
Смотритель работ отлучился?
Сударыня! Вспомните слово мое,
Убьетесь!.. Эй, лестницу, черти!
Живей!.. (Но никто не подставил ее…)
Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! да что ж вы?..? Но мы
Всё вглубь уходили… Отвсюду
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мне путь впереди,
Носилки свои предлагали…
Орудья подземных работ на пути,
Провалы, бугры мы встречали.
Работа кипела под звуки оков,
Под песни, – работа над бездной!
Стучались в упругую грудь рудников
И заступ и молот железный.
Там с ношею узник шагал по бревну,
Невольно кричала я: «Тише!»
Там новую мину вели в глубину,
Там люди карабкались выше
По шатким подпоркам… Какие труды!

Какая отвага!.. Сверкали
Местами добытые глыбы руды
И щедрую дань обещали…
Вдруг кто-то воскликнул: «Идет он! идет!»
Окинув пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись вперед, —
Канава была перед нами.
Потише, потише! Ужели затем
Вы тысячи верст пролетели, —
Сказал Трубецкой, – чтоб на горе нам всем
В канаве погибнуть – у цели??
И за руку крепко меня он держал:
Что б было, когда б вы упали??
Сергей торопился, но тихо шагал.
Оковы уныло звучали.
Да, цепи! Палач не забыл ничего
(О, мстительный трус и мучитель!), —
Но кроток он был, как избравший его
Орудьем своим искупитель.
Пред ним расступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража…
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдали…
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали…
Душе моей милого голоса звук
Мгновенно послал обновленье,
Отраду, надежду, забвение мук,
Отцовской угрозы забвенье!
И с криком: «Иду!» я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
Навстречу призывному звуку…
Иду!..? Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое…
И я подбежала… И душу мою
Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки,
И силу его… и готовность страдать!..
Невольно пред ним я склонила
Колени – и, прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..
И тихого ангела бог ниспослал
В подземные копи – в мгновенье

И говор, и грохот работ замолчал,
И замерло словно движенье,
Чужие, свои – со слезами в глазах,
Взволнованы, бледны, суровы —
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука оковы,
И в воздухе поднятый молот застыл…
Всё тихо – ни песни, ни речи…
Казалось, что каждый здесь с нами делил
И горечь, и счастие встречи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна.
Да где же вы все запропали?? —
Вдруг снизу донесся неистовый крик.
Смотритель работ появился.
Уйдите! – сказал со слезами старик. —
Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранят!
Начальники люди крутые…?
И словно из рая спустилась я в ад…
И только… и только, родные!
По-русски меня офицер обругал,
Внизу ожидавший в тревоге,
А сверху мне муж по-французски сказал:
Увидимся, Маша, – в остроге!..?

СТИХОТВОРЕНИЯ

СМЕРТИ

Не приходи в часы волнений,
Сердечных бурь и мятежей,
Когда душа огнем мучений
Сгорает в пламени страстей.

Не приходи в часы раздумья,
Когда наводит демон зла,
Вливая в сердце яд безумья,
На нечестивые дела;

Когда внушеньям духа злого,
Как низкий раб, послушен ум,
И ничего в нем нет святого,
И много, много грешных дум.

Закон озлобленного рока,
Смерть, надо мной останови
И в черном рубище порока
Меня на небо не зови!

Не приходи тогда накинуть
Оков тяжелых на меня:
Мне будет жалко мир покинуть,
И робко небо встречу я…

Приди ко мне в часы забвенья
И о страстях и о земле,
Когда святое вдохновенье
Горит в груди и на челе;

Когда я, дум высоких полный
Безгрешен сердцем и душой,

И бурной суетности волны
Меня от жизни неземной
Увлечь не в силах за собой;

Когда я мыслью улетаю
В обитель к горнему царю,
Когда пою, когда мечтаю,
Когда молитву говорю.

Я близок к небу – смерти время!
Нетруден будет переход;
Душа, покинув жизни бремя,
Без страха в небо перейдет…

СМУГЛЯНКЕ

Черны, черны тени ночи,
Но черней твоя коса
И твои живые очи,
Ненаглядная краса.
Если вестниками бури,
Кроя свет дневных лучей,
Ходят тучи по лазури —
Это тень твоих очей!
Если вспыхнут метеоры
Над поверхностью земли —
Их твои, о дева, взоры
Огнеметные зажгли!
Если молнья ярким блеском
На мгновенье вспыхнет там
И промчится с гордым треском
Гром по мрачным высотам,
Эта молнья – жар дыханья
Томных уст твоих, краса;
Гул отзвучный их лобзанья —
Разъяренная гроза.
Вся ты – искры бурной Этны
Да чудесный черный цвет;
Нет ни бледности бесцветной,
Ни румянца в тебе нет.
Лишь меняет буря гнева
Да любовь твои черты.
Черноогненная дева,
Счастлив, кем пленилась ты!
Как люблю я, как пылаю!
Но как часто за тобой
Взор ревнивый устремляю.

Ах, ужель?.. нет, боже мой!
Страшно мыслить!., прочь сомненье!
Ты верна. Но, о судьба!
Если вдруг души влеченье…
Страсть… безумие… борьба?

Ах! молю – когда измену
Ты замыслишь, приходи,
Вольной страсти перемену
Расскажи мне на груди:
Обниму тебя, тоскуя,
Загорюсь от поцалуя
И, страдания тая,

Перед смертию скажу я:
«За Ленору умер я!»

НАШ ВЕК

Свет похож на торг, где вечно,
Надувать других любя,
Человек бесчеловечно
Надувает сам себя.
Все помешаны формально.
Помешался *сей* на том,
Что, потея, лист журнальный
Растянуть не мог на том;
Тот за устрицу с лимоном
Рад отдать и жизнь и честь;
Бредит тот Наполеоном
И успел всем надоесть.
Тот под пресс кладет картофель,
Тот закладывает дом,
Тот, как новый Мефистофель,
Щеголяет злым пером.
Тот надут боярской спесью,
Тот надут своей женой;
Тот чинам, тот рифмобесью
Предан телом и душой.
У того карман толстеет
Оттого, что тонок сам,
Что журнал его худеет
Не по дням, а по часам.
Тот у всей литературы
Снял на откуп задний двор,
С журналистом шуры-муры
Свел – и ну печатать вздор.
Тот мудрец, тот тонет в грезах,
Тот состряпал экипаж
И со славой на колесах
Трехсаженных марш, марш, марш!
От паров весь свет в угаре,
Всё пошло от них вверх дном;
Нынче всякому на паре
Ездить стало нипочем.
Ум по всем концам Европы
К изобретеньям прилип,
Телеграфы, микроскопы,
Газ, асфальт, дагерротип,
Светописные эстампы,
Переносный сжатый газ,
Гальванические лампы,
Каучуковый атлас,
Паровозы, пароходы,

Переносные дома,
Летоходы, весоходы,
Страховых компаний тьма!
Пневматические трубы,
Стеарин и спермацет,
Металлические зубы
Сбили с толку белый свет.
Доктора свои находки
Сыплют щедрою рукой,
Лечат солью от чахотки
И водой от водяной;
В бога здравья тянут воду,
Воду всем тянуть велят
И, того гляди, природу
От сухотки уморят;
Водяная медицина
Наводнила целый свет,
Пациентам же от сплина
В кошельке – лекарства нет…
С быстротою паровоза
Совершенствуется век;
Ни пожара, ни мороза
Не боится человек.
Что для нас потоп, засухи?!
Есть такие лихачи,
Из воды – выходят сухи,
Из огня – не горячи.
В деле разные языки,
Руки, ноги, голова;
Все мы мудры, все велики,
Всё нам стало трын-трава.
Нет для нас уж тайны в море:
Были на его мы дне;
Кто же знает? Может, вскоре
Побываем на луне.
А потом, как знать! с терпеньем
Где не будет человек?..
Малый с толком, с просвещеньем
Далеко пойдет наш век!..

ПЬЯНИЦА

Жизнь в трезвом положении
Куда нехороша!
В томительном борении
Сама с собой душа,
А ум в тоске мучительной…
И хочется тогда
То славы соблазнительной,
То страсти, то труда.
Всё та же хата бедная —
Становится бедней,
И мать – старуха бледная —
Еще бледней, бледней.
Запуганный, задавленный,
С поникшей головой,
Идешь как обесславленный,
Гнушаясь сам собой;
Сгораешь злобой тайною…
На скудный твой наряд
С насмешкой неслучайною
Все, кажется, глядят.
Всё, что во сне мерещится,
Как будто бы назло,
В глаза вот так и мечется
Роскошно и светло!
Всё – повод к искушению,
Всё дразнит и язвит
И руку к преступлению
Нетвердую манит…
Ах! если б часть ничтожную!
Старушку полечить,
Сестрам бы не роскошную
Обновку подарить!
Стряхнуть ярмо тяжелого,
Гнетущего труда, —
Быть может, буйну голову
Сносил бы я тогда!
Покинув путь губительный,
Нашел бы путь иной
И в труд иной – свежительный —
Поник бы всей душой.
Но мгла отвсюду черная
Навстречу бедняку…
Одна открыта торная
Дорога к кабаку.

СОВРЕМЕННАЯ ОДА

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И – беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко…

Не обидишь ты даром и гадины,
Ты помочь и злодею готов,
И червонцы твои не украдены
У сирот беззащитных и вдов.

В дружбу к сильному влезть не желаешь ты,
Чтоб успеху делишек помочь,
И без умыслу с ним оставляешь ты
С глазу на глаз красавицу дочь.

Не гнушаешься темной породою:
«Братья нам по Христу мужички!»
И родню свою длиннобородую
Не гоняешь с порога в толчки.

Не спрошу я, откуда явилося,
Что теперь в сундуках твоих есть;
Знаю: с неба к тебе всё свалилося
За твою добродетель и честь!..

Украшают тебя добродетели,
До которых другим далеко,
И – беру небеса во свидетели —
Уважаю тебя глубоко…

* * *

Когда из мрака заблужденья
Горячим словом убежденья
Я душу падшую извлек,
И, вся полна глубокой муки,
Ты прокляла, ломая руки,
Тебя опутавший порок;

Когда, забывчивую совесть
Воспоминанием казня,
Ты мне передавала повесть
Всего, что было до меня;

И вдруг, закрыв лицо руками,
Стыдом и ужасом полна,
Ты разрешилася слезами,
Возмущена, потрясена, —

Верь: я внимал не без участья,
Я жадно каждый звук ловил…
Я понял всё, дитя несчастья!
Я всё простил и всё забыл.

Зачем же тайному сомненью
Ты ежечасно предана?
Толпы бессмысленному мненью
Ужель и ты покорена?

Не верь толпе – пустой и лживой,
Забудь сомнения свои,
В душе болезненно-пугливой
Гнетущей мысли не таи!

Грустя напрасно и бесплодно,
Не пригревай змеи в груди
И в дом мой смело и свободно
Хозяйкой полною войди!

ОГОРОДНИК

Не гулял с кистенем я в дремучем лесу,
Не лежал я во рву в непроглядную ночь, —
Я свой век загубил за девицу-красу,
За девицу-красу, за дворянскую дочь.

Я в немецком саду работал по весне,
Вот однажды сгребаю сучки да пою,
Глядь, хозяйская дочка стоит в стороне,
Смотрит в оба да слушает песню мою.

По торговым селам, по большим городам
Я недаром живал, огородник лихой,
Раскрасавиц девиц насмотрелся я там,
А такой не видал, да и нету другой.

Черноброва, статна, словно сахар бела!..
Стало жутко, я песни своей не допел.
А она – ничего, постояла, прошла,
Оглянулась: за ней как шальной я глядел.

Я слыхал на селе от своих молодиц,
Что и сам я пригож, не уродом рожден, —
Словно сокол гляжу, круглолиц, белолиц,
У меня ль, молодца, кудри – чесаный лен…

Разыгралась душа на часок, на другой…
Да как глянул я вдруг на хоромы ее —
Посвистал и махнул молодецкой рукой,
Да скорей за мужицкое дело свое!

А частенько она приходила с тех пор
Погулять, посмотреть на работу мою
И смеялась со мной и вела разговор:
Отчего приуныл? что давно не пою?

Я кудрями тряхну, ничего не скажу,
Только буйную голову свешу на грудь…
«Дай-ка яблоньку я за тебя посажу,
Ты устал, – чай, пора уж тебе отдохнуть».

– Ну, пожалуй, изволь, госпожа, поучись,
Пособи мужику, поработай часок. —
Да как заступ брала у меня, смеючись,
Увидала на правой руке перстенек…

Очи стали темней непогодного дня,
На губах, на щеках разыгралася кровь.
– Что с тобой, госпожа? Отчего на меня
Неприветно глядишь, хмуришь черную бровь?

«От кого у тебя перстенек золотой?»
– Скоро старость придет, коли будешь всё знать
«Дай-ка я погляжу, несговорный какой!» —
И за палец меня белой рученькой хвать!

Потемнело в глазах, душу кинуло в дрожь,
Я давал – не давал золотой перстенек…
Я вдруг вспомнил опять, что и сам я пригож,
Да не знаю уж как – в щеку девицу чмок!..

Много с ней скоротал невозвратных ночей
Огородник лихой… В ясны очи глядел,
Расплетал, заплетал русу косыньку ей,
Цаловал-миловал, песни волжские пел.

Мигом лето прошло, ночи стали свежей,
А под утро мороз под ногами хрустит.
Вот однажды, как я крался в горенку к ней,
Кто-то цап за плечо: «Держи вора!» – кричит.

Со стыдом молодца на допрос привели,
Я стоял да молчал, говорить не хотел…
И красу с головы острой бритвой снесли,
И железный убор на ногах зазвенел.

Постегали плетьми, и уводят дружка
От родной стороны и от лапушки прочь
На печаль и страду!.. Знать, любить не рука
Мужику-вахлаку да дворянскую дочь!

ТРОЙКА

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от веселых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу —
Всё лицо твое вспыхнуло вдруг.

И зачем ты бежишь торопливо
За промчавшейся тройкой вослед?..
На тебя, подбоченясь красиво,
Загляделся проезжий корнет.

На тебя заглядеться не диво,
Полюбить тебя всякий не прочь:
Вьется алая лента игриво
В волосах твоих, черных как ночь;

Сквозь румянец щеки твоей смуглой
Пробивается легкий пушок,
Из-под брови твоей полукруглой
Смотрит бойко лукавый глазок.

Взгляд один чернобровой дикарки,
Полный чар, зажигающих кровь,
Старика разорит на подарки,
В сердце юноши кинет любовь.

Поживешь и попразднуешь вволю,
Будет жизнь и полна и легка…
Да не то тебе пало на долю:
За неряху пойдешь мужика.

Завязавши под мышки передник,
Перетянешь уродливо грудь,
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.

От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвесть,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.

И в лице твоем, полном движенья,
Полном жизни, – появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг.

И схоронят в сырую могилу,
Как пройдешь ты тяжелый свой путь,
Бесполезно угасшую силу
И ничем не согретую грудь.

Не гляди же с тоской на дорогу
И за тройкой вослед не спеши,
И тоскливую в сердце тревогу
Поскорей навсегда заглуши!

Не нагнать тебе бешеной тройки:
Кони крепки, и сыты, и бойки, —
И ямщик под хмельком, и к другой
Мчится вихрем корнет молодой…

РОДИНА

И вот они опять, знакомые места,
Где жизнь отцов моих, бесплодна и пуста,
Текла среди пиров, бессмысленного чванства,
Разврата грязного и мелкого тиранства;
Где рой подавленных и трепетных рабов
Завидовал житью последних барских псов,
Где было суждено мне божий свет увидеть,
Где научился я терпеть и ненавидеть,
Но, ненависть в душе постыдно притая,
Где иногда бывал помещиком и я;
Где от души моей, довременно растленной,
Так рано отлетел покой благословенный,
И нребяческих желаний и тревог
Огонь томительный до срока сердце жег…
Воспоминания дней юности – известных
Под громким именем роскошных и чудесных, —
Наполнив грудь мою и злобой и хандрой,
Во всей своей красе проходят предо мной…

Вот темный, темный сад… Чей лик в аллее дальной
Мелькает меж ветвей, болезненно-печальный?
Я знаю, отчего ты плачешь, мать моя!
Кто жизнь твою сгубил… о! знаю, знаю я!..
Навеки отдана угрюмому невежде,
Не предавалась ты несбыточной надежде —
Тебя пугала мысль восстать против судьбы,
Ты жребий свой несла в молчании рабы…
Но знаю: не была душа твоя бесстрастна;
Она была горда, упорна и прекрасна,
И всё, что вынести в тебе достало сил,
Предсмертный шепот твой губителю простил!..
И ты, делившая с страдалицей безгласной
И горе и позор судьбы ее ужасной,
Тебя уж также нет, сестра души моей!
Из дома крепостных любовниц и псарей
Гонимая стыдом, ты жребий свой вручила
Тому, которого не знала, не любила…
Но, матери своей печальную судьбу
На свете повторив, лежала ты в гробу
С такой холодною и строгою улыбкой,
Что дрогнул сам палач, заплакавший ошибкой.

Вот серый, старый дом… Теперь он пуст и глух:
Ни женщин, ни собак, ни гаеров, ни слуг, —
А встарь?.. Но помню я: здесь что-то всех давило,

Здесь в малом и в большом тоскливо сердце ныло.
Як няне убегал… Ах, няня! сколько раз
Я слезы лил о ней в тяжелый сердцу час;
При имени ее впадая в умиленье,
Давно ли чувствовал я к ней благоговенье?..

Ее бессмысленной и вредной доброты
На память мне пришли немногие черты,
И грудь моя полна враждой и злостью новой…
Нет! в юности моей, мятежной и суровой,
Отрадного душе воспоминанья нет;
Но всё, что, жизнь мою опутав с первых лет,
Проклятьем на меня легло неотразимым, —
Всему начало здесь, в краю моем родимом!..

И с отвращением кругом кидая взор,
С отрадой вижу я, что срублен темный бор —
В томящий летний зной защита и прохлада, —
И нива выжжена, и праздно дремлет стадо,
Понурив голову над высохшим ручьем,
И набок валится пустой и мрачный дом,
Где вторил звону чаш и гласу ликований
Глухой и вечный гул подавленных страданий,
И только тот один, кто всех собой давил,
Свободно и дышал, и действовал, и жил…

ПСОВАЯ ОХОТА

Провидению угодно было создать человека так, что ему нужны внезапные потрясения, восторг, порыв и хотя мгновенное забвение от житейских забот; иначе, в уединении, грубеет нрав и вселяются разные пороки.
Реутт. Псовая охота

1

Сторож вкруг дома господского ходит,
Злобно зевает и в доску колотит.

Мраком задернуты небо и даль,
Ветер осенний наводит печаль;

По небу тучи угрюмые гонит,
По полю листья – и жалобно стонет…

Барин проснулся, с постели вскочил,
В туфли обулся и в рог затрубил.

Вздрогнули сонные Ваньки и Гришки,
Вздрогнули все – до грудного мальчишки.

Вот, при дрожащем огне фонарей,
Движутся длинные тени псарей.

Крик, суматоха!.. ключи зазвенели,
Ржавые петли уныло запели;

С громом выводят, поят лошадей,
Время не терпит – седлай поскорей!

В синих венгерках на заячьих лапках,
В остроконечных, неслыханных шапках

Слуги толпой подъезжают к крыльцу.
Любо глядеть – молодец к молодцу!

Хоть и худеньки у многих подошвы —
Да в сертуках зато желтые прошвы,

Хоть с толокна животы подвело —
Да в позументах под каждым седло,

Конь – загляденье, собачек две своры,
Пояс черкесский, арапник и шпоры.

Вот и помещик. Долой картузы!
Молча он крутит седые усы,

Грозен осанкой и пышен нарядом,
Молча поводит властительным взглядом.

Слушает важно обычный доклад:
«Змейка издохла, в забойке Набат,

Сокол сбесился, Хандра захромала».
Гладит, нагнувшись, любимца Нахала,

И, сладострастно волнуясь, Нахал
На спину лег и хвостом завилял.

2

В строгом порядке, ускоренным шагом
Едут псари по холмам и оврагам.

Стало светать; проезжают селом —
Дым поднимается к небу столбом,

Гонится стадо, с мучительным стоном
Очеп скрипит (запрещенный законом);

Бабы из окон пугливо глядят,
«Глянь-ко, собаки!» – ребята кричат…

Вот поднимаются медленно в гору.
Чудная даль открывается взору:

Речка внизу, под горою, бежит,
Инеем зелень долины блестит,

А за долиной, слегка беловатой,
Лес, освещенный зарей полосатой.

Но равнодушно встречают псари
Яркую ленту огнистой зари,

И пробужденной природы картиной
Не насладился из них ни единый.

«В Банники, – крикнул помещик, – набрось!»
Борзовщики разъезжаются врозь,

А предводитель команды собачьей,
В острове скрылся крикун-доезжачий.

Горло завидное дал ему бог:
То затрубит оглушительно в рог,

То закричит: «Добирайся, собачки!
Да не давай ему, вору, потачки!»

То заорет: «Го-го-го! – ту! – ту!! – ту!!!»
Вот и нашли – залились на следу.

Варом-варит закипевшая стая,
Внемлет помещик, восторженно тая,

В мощной груди занимается дух,
Дивной гармонией нежится слух!

Однопометников лай музыкальный
Душу уносит в тот мир идеальный,

Где ни уплат в Опекунский совет,
Ни беспокойных исправников нет!

Хор так певуч, мелодичен и ровен,
Что твой Россини! что твой Бетховен!

3

Ближе и лай, и порсканье, и крик —
Вылетел бойкий русак-материк!

Гикнул помещик и ринулся в поле…
То-то раздолье помещичьей воле!

Через ручьи, буераки и рвы
Бешено мчится: не жаль головы!

В бурных движеньях – величие власти,
Голос проникнут могуществом страсти.

Очи горят благородным огнем —
Чудное что-то свершилося в нем!

Здесь он не струсит, здесь не уступит,
Здесь его Крез за мильоны не купит!

Буйная удаль не знает преград,
Смерть иль победа – ни шагу назад!

Смерть иль победа! (Но где ж, как не в буре
И развернуться славянской натуре?)

Зверь отседает – и в смертной тоске
Плачет помещик, припавши к луке.

Зверя поймали – он дико кричит,
Мигом отпазончил, сам торочит,

Гордый удачей любимой потехи,
В заячий хвост отирает доспехи

И замирает, главу преклоня
К шее покрытого пеной коня.

4

Много травили, много скакали,
Гончих из острова в остров бросали,

Вдруг неудача: Свиреп и Терзай
Кинулись в стадо, за ними Ругай,

Следом за ними Угари Замашка —
И растерзали в минуту барашка!

Барин велел возмутителей сечь,
Сам же держал к ним суровую речь.

Прыгали псы, огрызались и выли
И разбежались, когда их пустили.

Рёвма-ревет злополучный пастух,
За лесом кто-то ругается вслух.

Барин кричит: «Замолчи, животина!»
Не унимается бойкий детина.

Барин озлился и скачет на крик,
Струсил – и валится в ноги мужик.

Барин отъехал – мужик встрепенулся,
Снова ругается; барин вернулся,

Барин арапником злобно махнул —
Гаркнул буян: «Караул, караул!»

Долго преследовал парень побитый
Барина бранью своей ядовитой:

«Мы-ста тебя взбутетеним дубьем
Вместе с горластым твоим холуем!»

Но уже барин сердитый не слушал,
К стогу подсевши, он рябчика кушал,

Кости Нахалу кидал, а псарям
Передал фляжку, отведавши сам.

Пили псари – и угрюмо молчали,
Лошади сено из стога жевали,

И в обагренные кровью усы
Зайцев лизали голодные псы.

5

Так отдохнув, продолжают охоту,
Скачут, порскают и травят без счету.

Время меж тем незаметно идет,
Пес изменяет, и конь устает.

Падает сизый туман на долину,
Красное солнце зашло вполовину,

И показался с другой стороны
Очерк безжизненно-белой луны.

Слезли с коней; поджидают у стога,
Гончих сбивают, сзывают в три рога,

И повторяются эхом лесов
Дикие звуки нестройных рогов.

Скоро стемнеет. Ускоренным шагом
Едут домой по холмам и оврагам.

При переправе чрез мутный ручей,
Кинув поводья, поят лошадей —

Рады борзые, довольны тявкуши:
В воду залезли по самые уши!

В поле завидев табун лошадей,
Ржет жеребец под одним из псарей…

Вот наконец добрались до ночлега.
В сердце помещика радость и нега —

Много загублено заячьих душ.
Слава усердному гону тявкуш!

Из лесу робких зверей выбивая,
Честно служила ты, верная стая!

Слава тебе, неизменный Нахал, —
Ты словно ветер пустынный летал!

Слава тебе, резвоножка Победка!
Бойко скакала, ловила ты метко!

Слава усердным и бурным коням!
Слава выжлятнику, слава псарям!

6

Выпив изрядно, поужинав плотно,
Барин отходит ко сну беззаботно,

Завтра велит себя раньше будить.
Чудное дело – скакать и травить!

Чуть не полмира в себе совмещая,
Русь широко протянулась, родная!

Много у нас и лесов и полей,
Много в отечестве нашем зверей!

Нет нам запрета по чистому полю
Тешить степную и буйную волю.

Благо тому, кто предастся во власть
Ратной забаве: он ведает страсть,

И до седин молодые порывы
В нем сохранятся, прекрасны и живы,

Черная дума к нему не зайдет,
В праздном покое душа не заснет.

Кто же охоты собачьей не любит,
Тот в себе душу заспит и погубит.

ПРИМЕЧАНИЯ К «ПСОВОЙ ОХОТЕ»

Змейка, Набат, Сокол, Хандра, Нахал и далее употребляющиеся в этой пьесе названия – *Свирепп, Терзай, Ругай, Угар, Замашка, Победка* – собачьи клички.

Так называется снаряд особого устройства, имеющий в спокойном положении форму неправильного треугольника. С помощию этого снаряда в некоторых наших деревнях достают воду из колодцев, что производится с раздирающим душу скрипом.

Банники – название леска.

Набрасывать – техническое выражение: спускать гончих в остров для отыскания зверя (остров – отъемный лес, удобный, по положению своему, для охотников). Набрасывает гончих обыкновенно так называемый доезжачий; бросив в остров, он поощряет их порсканьем (порскать – значит у охотников криками понуждать гончих к отысканию зверя и подбивать всю стаю на след, отысканный одною) и вообще содержит в неослабном повиновении своему рогу и арапнику. Помощник его называется подъезжим. При выезде из дому или переходе от одного острова к другому соблюдается обыкновенно такой порядок: впереди доезжачий, за ним стая гончих, а за нею подъезжий, всегда готовый с криком: «В кучу!» – хлестнуть арапником собаку, отбившуюся от стаи, – а за ним уже барин и остальные борзовщики. Обязанность борзовщика – стеречь зверя с борзыми близ острова, переменяя место по направлению движения стаи. В уменье выбрать хорошую позицию, выждать зверя, выгнанного наконец гончими из острова, хорошо принять его (т. е. вовремя показать собакам) и хорошо потравить – заключается главная задача охотника и великий источник его наслаждения.

См. примеч. 4.

См. примеч. 4.

Варом-варит – техническое выражение – употребляется, когда гонит вся стая дружно, с неумолкающим лаем и заливаньем, что бывает, когда собаки попадут на след только что вскочившего зайца (называемый горячим следом) или когда зверь просто у них в виду. В последнем случае говорится: гонят по зрячему, и гон бывает в полном смысле неистовый. При жарком и дружном гоне хорошо подобранной стаи голоса гончих сливаются в довольно стройную и не чуждую дикой приятности гармонию, для охотников ни с чем не сравнимую.

Зверь отседает – говорят, когда заяц, уже нагнанный борзыми, вдруг оставляет их далеко за собою, обманув неожиданным уклонением в сторону, прыжком вверх или другим каким-нибудь хитрым и часто разительным движением. Иногда, например, он бросается просто к собакам; собаки с разбега пронесутся вперед, и, когда попадут на новое направление зайца, он уже далеко.

ОтпазОнчить – отрезать задние лапы в среднем суставе.

Торочить, приторачивать – привязывать зайца к седлу, для чего при охотничьих седлах находятся особенные ремешки, называемые тороками.

См. примеч. 4.

Тявкуша – то же, что гончая, иногда также называются выжлецами (в женск. – выжловка); от этого слова доезжачий, заправляющий ими, называется еще *выжлятником.*

* * *

(Подражание Лермонтову)

В неведомой глуши, в деревне полудикой
Я рос средь буйных дикарей,
И мне дала судьба, по милости великой,
В руководители псарей.
Вокруг меня кипел разврат волною грязной,
Боролись страсти нищеты,
И на душу мою той жизни безобразной
Ложились грубые черты.
И прежде, чем понять рассудком неразвитым,
Ребенок, мог я что-нибудь,
Проник уже порок дыханьем ядовитым
В мою младенческую грудь.
Застигнутый врасплох, стремительно и шумно
Я в мутный ринулся поток
И молодость мою постыдно и безумно
В разврате безобразном сжег…
Шли годы. Оторвав привычные объятья
От негодующих друзей,
Напрасно посылал я поздние проклятья
Безумству юности моей.
Не вспыхнули в груди растраченные силы —
Мой ропот их не пробудил;
Пустынной тишиной и холодом могилы
Сменился юношеский пыл,
И вновый путь, с хандрой, болезненно развитой,
Пошел без цели я тогда
И думал, что душе, довременно убитой,
Уж не воскреснуть никогда.

Но я тебя узнал… Для жизни и волнений
В груди проснулось сердце вновь:
Влиянье ранних бурь и мрачных впечатлений
С души изгладила любовь…
Во мне опять мечты, надежды и желанья…
И пусть меня не любишь ты,
Но мне избыток слез и жгучего страданья
Отрадней мертвой пустоты…

НРАВСТВЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

1

Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.
Жена моя, закрыв лицо вуалью,
Под вечерок к любовнику пошла.
Я в дом к нему с полицией прокрался
И уличил… Он вызвал – я не дрался!
Она слегла в постель и умерла,
Истерзана позором и печалью…
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

2

Приятель в срок мне долга не представил.
Я, намекнув по-дружески ему,
Закону рассудить нас предоставил;
Закон приговорил его в тюрьму.
В ней умер он, не заплатив алтына,
Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долг ему простил того ж числа,
Почтив его слезами и печалью…
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

3

Крестьянина я отдал в повара,
Он удался; хороший повар – счастье!
Но часто отлучался со двора
И званью неприличное пристрастье
Имел: любил читать и рассуждать.
Я, утомясь грозить и распекать,
Отечески посек его, каналью;
Он взял да утопился: дурь нашла!
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла.

4

Имел я дочь; в учителя влюбилась
И с ним бежать хотела сгоряча.
Я погрозил проклятьем ей: смирилась
И вышла за седого богача.
Их дом блестящ и полон был как чаша;
Но стала вдруг бледнеть и гаснуть Маша
И через год в чахотке умерла,
Сразив весь дом глубокою печалью…
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла…

* * *

Еду ля ночью по улице темной,
Бури заслушаюсь в пасмурный день —
Друг беззащитный, больной и бездомный,
Вдруг предо мной промелькнет твоя тень!
Сердце сожмется мучительной думой.
С детства судьба невзлюбила тебя:
Беден и зол был отец твой угрюмый,
Замуж пошла ты – другого любя.
Муж тебе выпал недобрый на долю:
С бешеным нравом, с тяжелой рукой;
Не покорилась – ушла ты на волю,
Да не на радость сошлась и со мной…

Помнишь ли день, как, больной и голодный,
Я унывал, выбивался из сия?
В комнате нашей, пустой и холодной,
Пар от дыханья волнами ходил.
Помнишь ли труб заунывные звуки,
Брызги дождя, полусвет, полутьму?
Плакал твой сын, и холодные руки
Ты согревала дыханьем ему.
Он не смолкал – и пронзительно звонок
Был его крик… Становилось темней;
Вдоволь поплакал и умер ребенок…
Бедная! слез безрассудных не лей!
С горя да с голоду завтра мы оба
Так же глубоко и сладко заснем;
Купит хозяин, с проклятьем, три гроба —
Вместе свезут и положат рядком…

В разных углах мы сидели угрюмо.
Помню, была ты бледна и слаба,
Зрела в тебе сокровенная дума,
В сердце твоем совершалась борьба.
Я задремал. Ты ушла молчаливо,
Принарядившись, как будто к венцу,
И через час принесла торопливо
Гробик ребенку и ужин отцу.
Голод мучительный мы утолили,
В комнате темной зажгли огонек,
Сына одели и в гроб положили…
Случай нас выручил? Бог ли помог?
Ты не спешила печальным признаньем,
Я ничего не спросил,
Только мы оба глядели с рыданьем,
Только угрюм и озлоблен я был…

Где ты теперь? С нищетой горемычной
Злая тебя сокрушила борьба?
Или пошла ты дорогой обычной
И роковая свершится судьба?
Кто ж защитит тебя? Все без изъятья
Именем страшным тебя назовут,
Только во мне шевельнутся проклятья —
И бесполезно замрут!..

* * *

Ты всегда хороша несравненно,
Но когда я уныл и угрюм,
Оживляется так вдохновенно
Твой веселый, насмешливый ум;

Ты хохочешь так бойко и мило,
Так врагов моих глупых бранишь,
То, понурив головку уныло,
Так лукаво меня ты смешишь;

Так добра ты, скупая на ласки,
Поцалуй твой так полон огня,
И твои ненаглядные глазки
Так голубят и гладят меня, —

Что с тобой настоящее горе
Я разумно и кротко спошу
И вперед – в это темное море —
Без обычного страха гляжу…

* * *

Вчерашний день, часу в шестом,
Зашел я на Сенную;
Там били женщину кнутом,
Крестьянку молодую.

Ни звука из ее груди,
Лишь бич свистал, играя…
И Музе я сказал: «Гляди!
Сестра твоя родная!»

* * *

Я не люблю иронии твоей.
Оставь ее отжившим и нежившим,
А нам с тобой, так горячо любившим,
Еще остаток чувства сохранившим, —
Нам рано предаваться ей!

Пока еще застенчиво и нежно
Свидание продлить желаешь ты,
Пока еще кипят во мне мятежно
Ревнивые тревоги и мечты —
Не торопи развязки неизбежной!

И без того она недалека:
Кипим сильней, последней жаждой полны,
Но в сердце тайный холод и тоска…
Так осенью бурливее река,
Но холодней бушующие волны…

* * *

Мы с тобой бестолковые люди:
Что минута, то вспышка готова!
Облегченье взволнованной груди,
Неразумное, резкое слово.

Говори же, когда ты сердита,
Всё, что душу волнует и мучит!

Будем, друг мой, сердиться открыто:
Легче мир – и скорее наскучит.

Если проза в любви неизбежна,
Так возьмем и с нее долю счастья:
После ссоры так полно, так нежно
Возвращенье любви и участья…

* * *

Блажен незлобивый поэт,
В ком мало желчи, много чувства?
Ему так искренен привет
Друзей спокойного искусства;

Ему сочувствие в толпе,
Как ропот волн, ласкает ухо;
Он чужд сомнения в себе —
Сей пытки творческого духа;

Любя беспечность и покой,
Гнушаясь дерзкою сатирой,
Он прочно властвует толпой
С своей миролюбивой лирой.

Дивясь великому уму,
Его не гонят, не злословят,

И современники ему
При жизни памятник готовят…

Но нет пощады у судьбы
Тому, чей благородный гений
Стал обличителем толпы,
Ее страстей и заблуждений.

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.

Его преследуют хулы:
Он ловит звуки одобренья
Не в сладком ропоте хвалы,
А в диких криках озлобленья.

И веря и не веря вновь

Мечте высокого призванья,
Он проповедует любовь
Враждебным словом отрицанья, —

И каждый звук его речей
Плодит ему врагов суровых,
И умных и пустых людей,
Равно клеймить его готовых.

Со всех сторон его клянут
И, только труп его увидя,
Как много сделал он, поймут,
И как любил он – ненавидя!

ФИЛАНТРОП

Частию по глупой честности,
Частию по простоте,
Пропадаю в неизвестности,
Пресмыкаюсь в нищете.
Место я имел доходное,
А доходу не имел:
Бескорыстье благородное!
Да и брать-то не умел.
В Провиантскую комиссию
Поступивши, например,
Покупал свою провизию —
Вот какой миллионер!
Не взыщите! честность ярая
Одолела до ногтей;
Даже стыдно вспомнить старое —
Ведь имел уж и детей!
Сожалели по Житомиру:
«Ты-де нищим кончишь век
И семейство пустишь но миру,
Беспокойный человек!»
Я не слушал. Сожаления
В недовольство перешли,
Оказались упущения,
Подвели – и упекли!
Совершилося пророчество
Благомыслящих людей:
Холод, голод, одиночество,
Переменчивость друзей —
Всё мы, бедные, изведали,
Чашу выпили до дна:
Плачут дети – не обедали, —
Убивается жена,
Проклинает поведение
Гордость глупую мою;
Я брожу как привидение,
Но – свидетель бог – не пью!
Каждый день встаю ранехонько,
Достаю насущный хлеб…
Так мы десять лет ровнехонько
Бились, волею судеб.

Вдруг – известье незабвенное! —
Получаю письмецо,
Что в столице есть отменное,
Благородное лицо;

Муж, которому подобного,
Может быть, не знали вы,
Сердца ангельски незлобного
И умнейшей головы.
Славен не короной графскою,
Не приездом ко двору,
Не звездою Станиславского,
А любовию к добру, —
О народном просвещении,
Соревнуя, генерал
В популярном изложении
Восемь томов написал.
Продавал в большом количестве
Их дешевле пятака,
Вразумить об электричестве
В них стараясь мужика.

Словно с равными беседуя,
Он и с нищими учтив,
Нам терпенье проповедуя,
Как Сократ красноречив.

Он мое же поведение
Мне как будто объяснил,
И ко взяткам отвращение
Я тогда благословил;
Перестал стыдиться бедности:
Да! лохмотья нищеты
Не свидетельство зловредности,
А скорее правоты!
Снова благородной гордости
(Человек самолюбив),
Упования и твердости
Я почувствовал прилив.
«Нам господь послал спасителя, —
Говорю тогда жене, —
Нашим крошкам покровителя!»
И бедняжка верит мне.
Горе мы забвенью предали,
Сколотили сто рублей,
Всё как следует разведали
И в столицу поскорей.

Прикатили прямо к сроднику,
Не пустил – ступай в трактире
Помолился я угоднику,

Поначистил свой мундир
И пошел… Путем-дорогою,

Чтоб участие привлечь,
Я всю жизнь мою убогую
Совместил в такую речь:

«Оттого-де ныне с голоду
Умираю словно тварь,
Что был глуп и честен смолоду,
Знал, что значит бог и царь.
Не скажу: по справедливости
(Невелик я генерал),
По ребяческой стыдливости
Даже с правого не брал —
И погиб… Я горе мыкаю,
Я работаю за двух,
Но не чаркой – вашей книгою
Подкрепляю слабый дух,
Защитите!..»
Не заставили
Ждать минуты ни одной.
Вот в приемную поставили,
Доложили чередой.
Вот идет его сиятельство, —
Я сробел; чуть жив стою;
Впал в тупое замешательство
И забыл всю речь свою.
Тер и лоб и переносицу,
В потолок косил глаза,
Бормотал лишь околёсицу,
А о деле – ни аза!
Изумились, брови сдвинули:
«Что вам нужно?» – говорят.
– Нужно мне… – Тут слезы хлынули
Совершенно невпопад.
Просто вещь непостижимая
Приключилася со мной:
Грусть, печаль неудержимая
Овладела всей душой.
Всё, чем жизнь богата с младости
Даже в нищенском быту, —
Той поры счастливой радости,
Попросту сказать: мечту —
Всё, что кануло и сгинуло
В треволненьях жизни сей,
Всё я вспомнил, всё прихлынуло
К сердцу… Жалкий дуралей!
Под влиянием прошедшего,
В грудь ударив кулаком,
Взвыл я вроде сумасшедшего
Пред сиятельным лицом!

Все такие обстоятельства
И в мундиришке изъян
Привели его сиятельство
К заключенью, что я пьян.
Экзекутора, холопа ли
Попрекнули, что пустил,
И ногами так затопали…
Я лишился чувств и сил!
Жаль, одним не осчастливили —
Сами не дали пинка…
Пьяницу с почетом вывели
Два огромных гайдука.
Словно кипятком ошпаренный,
Я бежал, не слыша ног,
Мимо лавки пивоваренной,
Мимо погребальных дрог,
Мимо магазина швейного,
Мимо бань, церквей и школ,
Вплоть до здания питейного —
И уж дальше не пошел!
Дальше нечего рассказывать!
Минет сорок лет зимой,
Как я щеку стал подвязывать,
Отморозивши хмельной.
Чувства словно как заржавели,
Одолела страсть к вину;
Дети пьяницу оставили,
Схоронил давно жену.
При отшествии к родителям,
Хоть кротка была весь век,
Попрекнула покровителем.
Точно: странный человек!
Верст на тысячу в окружности
Повестят свой добрый нрав,
А осудят по наружности:
Неказист – так и неправ!
Пишут, как бы свет весь заново
К общей пользе изменить,
А голодного от пьяного
Не умеют отличить…

БУРЯ

Долго не сдавалась Любушка-соседка,
Наконец шепнула: «Есть в саду беседка

Как темнее станет – понимаешь ты?..»
Ждал я, исстрадался, ночки-темноты!

Кровь-то молодая; закипит – не шутка!
Да взглянул на небо – и поверить жутко!

Небо обложилось тучами кругом….
Полил дождь ручьями – прокатился гром!

Брови янахмурил ипошел угрюмый —
«Свидеться сегодня лучше ине думай!

Люба белоручка, Любушка пуглива,
В бурю за ворота выбежать ей вдиво;

Правда, не была бы буря ей страшна,
Если б… да настолько любит ли она?..»

Без надежды, скучен прихожу вбеседку,
Прихожу и вижу – Любушку-соседку!

Промочила ножки и хоть выжми шубку…
Было мне заботы обсушить голубку!

Да зато **с**той ночи я бровей не хмурю,
Только усмехаюсь, как заслышу бурю…

НЕСЖАТАЯ ПОЛОСА

Поздняя осень, Грачи улетели,
Лес обнажился, поля опустели,

Только не сжата полоска одна…
Грустную думу наводит она.

Кажется, шепчут колосья друг другу:
«Скучно нам слушать осеннюю вьюгу,

Скучно склоняться до самой земли,
Тучные зерна купая в пыли!

Нас, что ни ночь, разоряют станицы
Всякой пролетной прожорливой птицы,

Заяц нас топчет, и буря нас бьет…
Где же наш пахарь? чего еще ждет?

Или мы хуже других уродились?
Или не дружно цвели-колосились?

Нет! мы не хуже других – и давно
В нас налилось и созрело зерно.

Не для того же пахал он и сеял,
Чтобы нас ветер осенний развеял?..»

Ветер несет им печальный ответ:
– Вашему пахарю моченьки нет.

Знал, для чего и пахал он и сеял,
Да не по силам работу затеял.

Плохо бедняге – не ест и не пьет,
Червь ему сердце больное сосет,

Руки, что вывели борозды эти,
Высохли в щепку, повисли как плети,

Очи потускли и голос пропал,
Что заунывную песню певал,

Как, на соху налегая рукою,
Пахарь задумчиво шел полосою.

ВЛАС

В армяке с открытым воротом,
С обнаженной головой,
Медленно проходит городом
Дядя Влас – старик седой.

На груди икона медная;
Просит он на божий храм, —
Весь в веригах, обувь бедная,
На щеке глубокий шрам;

Да с железным наконешником
Палка длинная в руке…
Говорят, великим грешником
Был он прежде. В мужике

Бога не было; побоями
В гроб жену свою вогнал;
Промышляющих разбоями,
Конокрадов укрывал;

У всего соседства бедного
Скупит хлеб, а в черный год
Не поверит гроша медного,
Втрое с нищего сдерет!

Брал с родного, брал с убогого,
Слыл кащеем-мужиком;
Нрава был крутого, строгого…
Наконец и грянул гром!

Власу худо; кличет знахаря —
Да поможешь ли тому,
Ктоснимал рубашку **с**пахаря,
Крал у нищего суму?

Только пуще всё неможется.
Год прошел – а Влас лежит,
И построить церковь божится,
Если смерти избежит.

Говорят, ему видение
Всё мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду;

Мучат бесы их проворные,
Жалит ведьма-егоза.
Ефиопы – видом черные
И как углие глаза,

Крокодилы, змии, скорпии
Припекают, режут, жгут…
Воют грешники в прискорбии,
Цепи ржавые грызут.

Гром глушит их вечным грохотом,
Удушает лютый смрад,
И кружит над ними с хохотом
Черный тигр-шестокрылат.

Те на длинный шест нанизаны,
Те горячий лижут пол…
Там, на хартиях написаны,
Влас грехи свои прочел…

Влас увидел тьму кромешную
И последний дал обет…
Внял господь – и душу грешную
Воротил на вольный свет.

РоздалВлас свое имение,
Сам остался бос и гол
И сбирать на построение
Храма божьего пошел

С той поры мужик скитается
Вот уж скоро тридцать лет,
Подаянием питается —
Строго держит свой обет.

Сила вся души великая
В дело божие ушла,
Словно сроду жадность дикая
Непричастна ей была…

Полон скорбью неутешною,
Смуглолиц, высок и прям,
Ходит он стопой неспешною
По селеньям, городам.

Нет ему пути далекого:
Был у матушки Москвы,
И у Каспия широкого,
И у царственной Невы.

Ходит с образом и с книгою,
Сам с собой всё говорит
И железною веригою
Тихо на ходу звенит.

Ходит в зимушку студеную,
Ходит в летние жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дары, —

И дают, дают прохожие…
Так из лепты трудовой
Вырастают храмы 0ожии
По лицу земли родной…

ЗАБЫТАЯ ДЕРЕВНЯ

1

У бурмистра Власа бабушка Ненила
Починить избенку лесу попросила.
Отвечал: нет лесу, и не жди – не будет!
«Вот приедет барин – барин нас рассудит,
Барин сам увидит, что плоха избушка,
И велит дать лесу», – думает старушка.

2

Кто-то по соседству, лихоимец жадный,
У крестьян землицы косячок изрядный
Оттягал, отрезал плутовским манером.
«Вот приедет барин: будет землемерам! —
Думают крестьяне. – Скажет барин слово —
И землицу нашу отдадут нам снова».

3

Полюбил Наташу хлебопашец вольный,
Да перечит девке немец сердобольный,
Главный управитель. «Погодим, Игната,
Вот приедет барин!» – говорит Наташа.
Малые, большие – дело чуть за спором —
«Вот приедет барин!» – повторяют хором…

4

Умерла Ненила; на чужой землице
У соседа-плута – урожай сторицей;
Прежние парнишки ходят бородаты;
Хлебопашец вольный угодил в солдаты,
И сама Наташа свадьбой уж не бредит…
Барина всё нету… барин всё не едет!

5

Наконец однажды середи дороги
Шестернею цугом показались дроги;
На дрогах высоких гроб стоит дубовый,
А в гробу-то барин; а за гробом – новый.
Старого отпели, новый слезы вытер,
Сел в свою карету – и уехал в Питер,

* * *

Замолкни, Муза мести и печали!
Я сон чужой тревожить не хочу,
Довольно мы с тобою проклинали.
Один я умираю – и молчу.

К чему хандрить, оплакивать потери?
Когда б хоть легче было от того!
Мне самому, как скрип тюремной двери,
Противны стоны сердца моего.

Всему конец. Ненастьем и грозою
Мой темный путь недаром омрача,
Не просветлеет небо надо мною,
Не бросит в душу теплого луча…

Волшебный луч любви и возрожденья!
Я звал тебя – во сне и наяву,
В труде, в борьбе, на рубеже паденья
Я звал тебя, – теперь уж не зову!

Той бездны сам я не хотел бы видеть,
Которую ты можешь осветить…
То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

* * *

Где твое личико смуглое
Нынче смеется, кому?
Эх, одиночество круглое!
Не посулю никому!

А ведь, бывало, охотно
Шла ты ко мне вечерком?
Как мы с тобой беззаботна
Веселы были вдвоем!

Как выражала ты живо
Милые чувства свои!
Помнишь, тебе особливо
Нравились зубы мои;

Как любовалась ты ими,
Как цаловала, любя!
Но и зубами моими
Не удержал я тебя…

ПОЭТ И ГРАЖДАНИН

Гражданин (входит)

Опять один, опять суров,
Лежит – и ничего не пишет.

Поэт

Прибавь: хандрит и еле дышит —
И будет мой портрет готов.

Гражданин

Хорош портрет! Ни благородства,
Ни красоты в нем нет, поверь,
А просто пошлое юродство.
Лежать умеет дикий зверь…

Поэт

Так что же?

Гражданин
Да глядеть обидно.
Поэт
Ну, так уйди.
Гражданин

Послушай: стыдно!
Пора вставать! Ты знаешь сам,
Какое время наступило;
В ком чувство долга не остыло,
Кто сердцем неподкупно прям,
В ком дарованье, сила, меткость,
Тому теперь не должно спать…

Поэт

Положим, я такая редкость,
Но нужно прежде дело дать.

Гражданин

Вот новость! Ты имеешь дело,
Ты только временно уснул,
Проснись: громи пороки смело…

Поэт

А! знаю: «Вишь, куда метнул!»
Но я обстрелянная птица.
Жаль, нет охоты говорить.

(Берет книгу.)

Спаситель Пушкин! – Вот страница:
Прочти – и перестань корить!

Гражданин (читает)

«Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв».

Поэт (с восторгом)

Неподражаемые звуки!..
Когда бы с Музою моей
Я был немного поумней,
Клянусь, пера бы не взял в руки!

Гражданин

Да, звуки чудные… ура!
Так поразительна их сила,
Что даже сонная хандра
С души поэта соскочила.
Душевно радуюсь – пора!
И я восторг твой разделяю,
Но, признаюсь, твои стихи
Живее к сердцу принимаю.

Поэт

Не говори же чепухи!
Ты рьяный чтец, но критик дикий.
Так я, по-твоему, – великий,
Повыше Пушкина поэт?
Скажи пожалуйста?!.

Гражданин

Ну, нет!
Твои поэмы бестолковы,
Твои элегии не новы,

Сатиры чужды красоты,
Неблагородны и обидны,
Твой стих тягуч. Заметен ты,
Но так без солнца звезды видны.
В ночи, которую теперь
Мы доживаем боязливо,
Когда свободно рыщет зверь,
А человек бредет пугливо, —
Ты твердо светоч свой держал,
Но небу было неугодно,
Чтоб он под бурей запылал,
Путь освещая всенародно;
Дрожащей искрою впотьмах
Он чуть горел, мигал, метался.
Моли, чтоб солнца он дождался
И потонул в его лучах!

Нет, ты не Пушкин. Но покуда
С твоим талантом стыдно спать;
Еще стыдней в годину горя
Красу долин, небес и моря
И ласку милой воспевать…

Гроза молчит, с волной бездонной
В сиянье спорят небеса,
И ветер ласковый и сонный
Едва колеблет паруса, —
Корабль бежит красиво, стройно,
И сердце путников спокойно,
Как будто вместо корабля
Под ними твердая земля.
Но гром ударил; буря стонет,
И снасти рвет, и мачту клонит, —
Не время в шахматы играть,
Не время песни распевать!
Вот пес – и тот опасность знает
И бешено на ветер лает:
Ему другого дела нет…
А ты что делал бы, поэт?
Ужель в каюте отдаленной
Ты стал бы лирой вдохновенной
Ленивцев уши услаждать
И бури грохот заглушать?

Пускай ты верен назначенью,
Но легче ль родине твоей,
Где каждый предан поклоненью
Единой личности своей?
Наперечет сердца благие,

Которым родина свята.
Бог помочь им!.. а остальные?
Их цель мелка, их жизнь пуста.
Одни – стяжатели и воры,
Другие – сладкие певцы,
А третьи… третьи – мудрецы:
Их назначенье – разговоры.
Свою особу оградя,
Они бездействуют, твердя:
«Неисправимо наше племя,
Мы даром гибнуть не хотим,

Мы ждем: авось поможет время,
И горды тем, что не вредим!»
Хитро скрывает ум надменный
Себялюбивые мечты,
Но… брат мой! кто бы ни был ты,
Не верь сей логике презренной!
Страшись их участь разделить,
Богатых словом, делом бедных,
И не иди во стаи безвредных,
Когда полезным можешь быть!
Не может сын глядеть спокойно
На горе матери родной,
Не будет гражданин достойный
К отчизне холоден душой,
Ему нет горше укоризны…
Иди в огонь за честь отчизны,
За убежденье, за любовь…
Иди и гибни безупречно.
Умрешь не даром: дело прочно,
Когда под ним струится кровь…

А ты, поэт! избранник неба,
Глашатай истин вековых,
Не верь, что не имущий хлеба
Не стоит вещих струн твоих!
Не верь, чтоб вовсе пали люди;
Не умер бог в душе людей,
И вопль из верующей груди
Всегда доступен будет ей!
Будь гражданин! служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви;
И если ты богат дарами,
Их выставлять не хлопочи:
В твоем труде заблещут сами
Их животворные лучи.

Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень!

Поэт

Ты кончил?.. чуть я не уснул.
Куда нам до таких воззрений!
Ты слишком далеко шагнул.
Учить других – потребен гений,
Потребна сильная душа,
А мы с своей душой ленивой,
Самолюбивой и пугливой,
Не стоим медного гроша.
Спеша известности добиться,
Боимся мы с дороги сбиться
И тропкой торною идем,
А если в сторону свернем —
Пропали, хоть беги со света!
Куда жалка ты, роль поэта!
Блажен безмолвный гражданин:
Он, Музам чуждый с колыбели,
Своих поступков господин,
Ведет их к благодарной цели,
И труд его успешен, спор…

Гражданин

Не очень лестный приговор.
Но твой ли он? тобой ли сказан?
Ты мог бы правильней судить:
Поэтом можешь ты не быть,
Но гражданином быть обязан.
А что такое гражданин?
Отечества достойный сын.
Ах! будет с нас купцов, кадетов,
Мещан, чиновников, дворян,
Довольно даже нам поэтов,
Но нужно, нужно нам граждан!
Но где ж они? Кто не сенатор,
Не сочинитель, не герой,
Не предводитель, не плантатор,
Кто гражданин страны родной?
Где ты? откликнись! Нет ответа.
И даже чужд душе поэта
Его могучий идеал!
Но если есть он между нами,
Какими плачет он слезами!!.

Ему тяжелый жребий пал,
Но доли лучшей он не просит:
Он, как свои, на теле носит
Все язвы родины своей.
…….
…….

Гроза шумит и к бездне гонит
Свободы шаткую ладыо,
Поэт клянет или хоть стонет,
А гражданин молчит и клонит
Под иго голову свою.
Когда же… Но молчу. Хоть мало,
И среди нас судьба являла
Достойных граждан… Знаешь ты
Их участь?.. Преклони колени!..
Лентяй! смешны твои мечты
И легкомысленные пени!
В твоем сравненье смыслу нет.
Вот слово правды беспристрастной:
Блажен болтающий поэт,
И жалок гражданин безгласный!

Поэт

Не мудрено того добить,
Кого уж добивать не надо.
Ты прав: поэту легче жить —
В свободном слове есть отрада.
Но был ли я причастен ей?
Ах, в годы юности моей,
Печальной, бескорыстной, трудной,
Короче – очень безрассудной, —
Куда ретив был мой Пегас!
Не розы – я вплетал крапиву
В его размашистую гриву
И гордо покидал Парнас.
Без отвращенья, без боязни
Я шел в тюрьму и к месту казни,
В суды, в больницы я входил.
Не повторю, что там я видел…
Клянусь, я честно ненавидел!
Клянусь, я искренно любил!
И что ж?.. мои послышав звуки,
Сочли их черной клеветой;
Пришлось сложить смиренно руки
Иль поплатиться головой…
Что было делать? Безрассудно
Винить людей, винить судьбу.

Когда б я видел хоть борьбу,
Бороться стал бы, как ни трудно,
Но… гибнуть, гибнуть… и когда?
Мне было двадцать лет тогда!
Лукаво жизнь вперед манила,
Как моря вольные струи,
И ласково любовь сулила
Мне блага лучшие свои —
Душа пугливо отступила…
Но сколько б ни было причин,
Я горькой правды не скрываю
И робко голову склоняю
При слове «честный гражданин».
Тот роковой, напрасный пламень
Доныне сожигает грудь,
И рад я, если кто-нибудь
В меня с презреньем бросит камень.
Бедняк! и из чего попрал
Ты долг священный человека?
Какую подать с жизни взял
Ты – сын больной больного века?..
Когда бы знали жизнь мою,
Мою любовь, мои волненья…
Угрюм и полон озлобленья,
У двери гроба я стою…

Ах, песнею моей прощальной
Та песня первая была!
Склонила Муза лик печальный
И, тихо зарыдав, ушла.
С тех пор не часты были встречи:
Украдкой, бледная, придет
И шепчет пламенные речи,
И песни гордые поет.
Зовет то в города, то в степи,
Заветным умыслом полна,
Но загремят внезапно цени —
И мигом скроется она.
Не вовсе я ее чуждался,
Но как боялся! как боялся!
Когда мой ближний утопал
В волнах существенного горя —
То гром небес, то ярость моря
Я добродушно воспевал.
Бичуя маленьких воришек
Для удовольствия больших,
Дивил я дерзостью мальчишек
И похвалой гордился их.
Под игом лет душа погнулась,

Остыла ко всему она,
И Муза вовсе отвернулась,
Презренья горького полна.

Теперь напрасно к ней взываю —
Увы! сокрылась навсегда.
Как свет, я сам ее не знаю

И не узнаю никогда.
О Муза, гостьею случайной
Являлась ты душе моей?
Иль песен дар необычайный
Судьба предназначала ей?
Увы! кто знает? рок суровый
Всё скрыл в глубокой темноте.
Но шел один венок терновый
К твоей угрюмой красоте…

* * *

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя…
Увы! утешится жена,
И друга лучший друг забудет;
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
Средь лицемерных наших дел
И всякой пошлости и прозы
Одни я в мире подсмотрел
Святые, искренние слезы —
То слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей…

ПРОСТИ

Прости! Не помни дней паденья,
Тоски, унынья, озлобленья, —
Не помни бурь, не помни слез,
Не помни ревности угроз!

Но дни, когда любви светило
Над нами ласково всходило
И бодро мы свершали путь,
Благослови и не забудь!

ШКОЛЬНИК

– Ну, пошел же, ради бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога…
Эй! садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь…
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идешь…
Знаю: батька на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаек.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну, что ж!
Случай тоже уж не новый —
Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь…
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай, —

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

УБОГАЯ И НАРЯДНАЯ

Беспокойная ласковость взгляда,
И поддельная краска ланит,
И убогая роскошь наряда —
Всё не в пользу ее говорит.
Но не лучше ли, прежде чем бросим
Мы в нее приговор роковой,
Подзовем-ка ее да расспросим:
«Как дошла ты до жизни такой?»

Не длинен и не нов рассказ:
Отец ее, подьячий бедный,
Таскался писарем в Приказ,
Имел порок дурной и вредный —
Запоем пил – и был буян,
Когда домой являлся пьян.
Предвидя роковую схватку,
Жена малютку уведет,
Уложит наскоро в кроватку
И двери поплотней припрет.
Но бедной девочке не спится!
Ей чудится: отец бранится,
Мать плачет. Саша на кровать,
Рукою подпершись, садится,
Стучит в ней сердце… где тут спать?
Раздвинув завесы цветные,
Глядит на двери запертые,
Откуда слышится содом,
Не шевелится и не дремлет.
Так птичка в бурю под кустом
Сидит – и чутко буре внемлет.

Но как ни буен был отец,
Угомонился наконец,
И стало без него им хуже.
Мать умерла в тоске по мужу,
А девочку взяла «мадам»
И в магазине поселила.
Не очень много шили там,
И не в шитье была там сила…

2

«Впрочем, что ж мы? нас могут заметить,

Рядом с ней?!..» И отхлынули прочь…
Нет! тебе состраданья не встретить,
Нищеты и несчастия дочь!
Свет тебя предает поруганы»
И охотно прощает другой,
Что торгует собой по призванью,
Без нужды, без борьбы роковой;
Что, поднявшись с позорного ложа,
Разоденется, щеки притрет
И летит, соблазнительно лежа
В щегольском экипаже, в народ —
В эту улицу роскоши, моды,
Офицеров, лореток и бар,
Где с полугосударства доходы
Поглощает заморский товар.
Говорят, в этой улице милой
Всё, что модного выдумал свет,
Совместилось волшебною силой,
Ничего только русского нет —
Разве Ванька проедет унылый.
Днем и ночью на ней маскарад,
Ей недаром гордится столица.
На французский, на английский лад
Исковеркав нерусские лица,
Там гуляют они, пустоты вековой
И наследственной праздности дети,
Разодетой, довольной толпой…
Ну, кому же расставишь ты сети?

Вышла ты из коляски своей
И на ленте ведешь собачонку;
Стая модных и глупых людей
Провожает тебя вперегонку.
У прекрасного пола тоска,
Чувство злобы и зависти тайной.
В самом деле, жена бедняка,
Позавидуй! эффект чрезвычайный!
Бриллианты, цветы, кружева,
Доводящие ум до восторга,
И на лбу роковые слова:
«Продается с публичного торга!»
Что, красавица, нагло глядишь?
Чем гордишься? Вот вся твоя повесть:
Ты ребенком попала в Париж,
Потеряла невинность и совесть,
Научилась белиться и лгать
И явилась в наивное царство:
Ты слыхала, легко обирать
Наше будто богатое барство.

Да, не трудно! Но должно входить
В этот избранный мир с аттестатом.
Красотой нас нельзя победить,
Удивить невозможно развратом.
Нам известность, нам мода нужна.
Ты красивей была и моложе,
Но, увы! неизвестна, бедна
И нуждалась сначала… О боже!
Твой рассказ о купце разрывал
Нам сердца: по натуре бурлацкой,
Он то ноги твои целовал,
То хлестал тебя плетью казацкой.
Но, по счастию, этот дикарь,
Слабоватый умом и сердечком,
Принялся за французский букварь,
Чтоб с тобой обменяться словечком.
Этим временем ты завела
Рысаков, экипажи, наряды
И прославилась – в моду вошла!
Мы знакомству скандальному рады.
Что за дело, что вся дочиста
Предалась ты постыдной продаже,
Что поддельна твоя красота,
Как гербы на твоем экипаже,

Что глупа ты, жадна и пуста —
Ничего! Знатоки вашей нации
Порешили разумным судом,
Что цинизм твой доходит до грации,
Что геройство в бесстыдстве твоем!
Ты у бога детей не просила,
Но ты женщина тоже была,
Ты со скрежетом сына носила
И с проклятьем его родила;
Он подрос – ты его нарядила
И на Невский с собой повезла.
Ничего! Появленье малютки
Не смутило души никому,
Только вызвало милые шутки,
Дав богатую пищу уму.
Удивлялась вся гвардия наша
(Да и было чему, не шутя),
Что ко всякому с словом «папаша»
Обращалось наивно дитя…

И не кинул никто, негодуя,
Комом грязи в бесстыдную мать!
Чувством матери нагло торгуя,

Пуще стала она обирать.
Бледны, полны тупых сожалений
Потерявшие шик молодцы, —
Вон по Невскому бродят как тени
Разоренные ею глупцы!
И пример никому не наука,
Разорит она сотни других:
Тупоумие, праздность и скука
За нее… Но умолкни, мой стих!
И погромче нас были витии,
Да не сделали пользы пером…
Дураков не убавим в России,
А на умных тоску наведем.

* * *

В столицах шум, гремят витии,
Кипит словесная война,
А там, во глубине России —
Там вековая тишина.
Лишь ветер не дает покою
Вершинам придорожных ив,
И выгибаются дугою,
Целуясь с матерью-землею,
Колосья бесконечных нив…

РАЗМЫШЛЕНИЯ У ПАРАДНОГО ПОДЪЕЗДА

Вот парадный подъезд. По торжественным дням,
Одержимый холопским недугом,
Целый город с каким-то испугом
Подъезжает к заветным дверям;
Записав свое имя и званье,
Разъезжаются гости домой,
Так глубоко довольны собой,
Что подумаешь – в том их призванье!
А в обычные дни этот пышный подъезд
Осаждают убогие лица:
Прожектеры, искатели мест,
И преклонный старик, и вдовица.
От него и к нему то и знай по утрам
Всё курьеры с бумагами скачут.
Возвращаясь, иной напевает «трам-трам»,
А иные просители плачут.
Раз я видел, сюда мужики подошли,
Деревенские русские люди,
Помолились на церковь и стали вдали,
Свесив русые головы к груди;
Показался швейцар. «Допусти», – говорят
С выраженьем надежды и муки.
Он гостей оглядел: некрасивы на взгляд!
Загорелые лица и руки,
Армячишка худой на плечах,
По котомке на спинах согнутых,
Крест на шее и кровь на ногах,

В самодельные лапти обутых
(Знать, брели-то долгонько они
Из каких-нибудь дальних губерний).
Кто-то крикнул швейцару: «Гони!
Наш не любит оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постояв,
Развязали кошли пилигримы,
Но швейцар не пустил, скудной лепты не взяв,
И пошли они, солнцем палимы,
Повторяя: «Суди его бог!»,
Разводя безнадежно руками,
И, покуда я видеть их мог,
С непокрытыми шли головами…

А владелец роскошных палат
Еще сном был глубоким объят…
Ты, считающий жизнью завидною

Упоение лестью бесстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! Есть еще наслаждение:
Вороти их! в тебе их спасение!
Но счастливые глухи к добру…

Не страшат тебя громы небесные,
А земные ты держишь в руках,
И несут эти люди безвестные
Неисходное горе в сердцах.

Что тебе эта скорбь вопиющая,
Что тебе этот бедный народ?
Вечным праздником быстро бегущая
Жизнь очнуться тебе не дает.
И к чему? Щелкоперов забавою
Ты народное благо зовешь;
Без него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежней аркадской идиллии
Закатятся преклонные дни:
Под пленительным небом Сицилии,
В благовонной древесной тени,
Созерцая, как солнце пурпурное
Погружается в море лазурное,
Полосами его золотя, —
Убаюканный ласковым пением
Средиземной волны, – как дитя
Ты уснешь, окружен попечением
Дорогой и любимой семьи
(Ждущей смерти твоей с нетерпением);
Привезут к нам останки твои,
Чтоб почтить похоронного тризною,
И сойдешь ты в могилу… герой,

Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой!..

Впрочем, что ж мы такую особу
Беспокоим для мелких людей?
Не на них ли нам выместить злобу? —
Безопасней… Еще веселей
В чем-нибудь приискать утешенье…
Не беда, что потерпит мужик:
Так ведущее нас провиденье
Указало… да он же привык!
За заставой, в харчевне убогой
Всё пропьют бедняки до рубля
И пойдут, побираясь дорогой,

И застонут… Родная земля!
Назови мне такую обитель,
Я такого угла не видал,
Где бы сеятель твой и хранитель,
Где бы русский мужик не стонал?
Стонет он по полям, по дорогам,
Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках, на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи;
Стонет в собственном бедном домишке,
Свету божьего солнца не рад;
Стонет в каждом глухом городишке,
У подъезда судов и палат.
Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевой!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Каквеликою скорбью народной
Переполнилась наша земля, —
Где народ, там и стон… Эх, сердечный!
Что же значит твой стон бесконечный?
Ты проснешься ль, исполненный сил,
Иль, судеб повинуясь закону,
Всё, что мог, ты уже совершил, —
Создал песню, подобную стону,
И духовно навеки почил?..

* * *

(Отрывок)

Ночь. Успели мы всем насладиться.
Что ж нам делать? Не хочется спать.
Мы теперь бы готовы молиться,
Но не знаем, чего пожелать.

Пожелаем тому доброй ночи,
Кто всё терпит, во имя Христа,
Чьи не плачут суровые очи,
Чьи не ропщут немые уста,
Чьи работают грубые руки,
Предоставив почтительно нам
Погружаться в искусства, в науки,

Предаваться мечтам и страстям;
Кто бредет по житейской дороге
В безрассветной, глубокой ночи,
Без понятья о праве, о боге,
Как в подземной тюрьме без свечи…

ПЕСНЯ ЕРЕМУШКЕ

– Стой, ямщик! жара несносная,
Дальше ехать не могу! —
Вишь, пора-то сенокосная —
Вся деревня на лугу.

У двора у постоялого
Только нянюшка сидит,
Закачав ребенка малого,
И сама почти что спит;

Через силу тянет песенку
Да, зевая, крестит рот,
Сел я рядом с ней на лесенку,
Няня дремлет и поет:

«Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтоб на свете сиротиночке
Беспечально век прожить.

Сила ломит и соломушку —
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшие Еремушку
В люди вывели скорей.

В люди выдешь, всё с вельможами
Будешь дружество водить,
С молодицами пригожими
Шутки вольные шутить.

И привольная, и праздная
Жизнь покатится шутя…»
Эка песня безобразная!
– Няня! дай-ка мне дитя! —
«На, родной! да ты откудова?»

– Я проезжий, городской, —
«Покачай; а я покудова
Подремлю… да песню спой!»

– Как не спеть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою.

У меня своя, любимая…
Баю-баюшки-баю!

В пошлой лени усыпляющий
Пошлых жизни мудрецов,
Будь он проклят, растлевающий
Пошлый опыт – ум глупцов!

В нас под кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой, человеческой
Плодотворное зерно.

Будь счастливей! Силу новую
Благородных юных дней
В форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

Жизни вольным впечатлениям
Душу вольную отдай,
Человеческим стремлениям
В ней проснуться не мешай.

С ними ты рожден природою —
Возлелей их, сохрани!
Братством, Равенством, Свободою
Называются они.

Возлюби их! на служение
Им отдайся до конца!
Нет прекрасней назначения,
Лучезарней нет венца.

Будешь редкое явление,
Чудо родины своей;
Не холопское терпение
Принесешь ты в жертву ей:

Необузданную, дикую,
К угнетателям вражду
И доверенность великую
К бескорыстному труду.

С этой ненавистью правою,
С этой верою святой
Над неправдою лукавою
Грянешь божьего грозой…

И тогда-то… – Вдруг проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася

И взяла его, крестя.

«Покормись, родимый, грудкою!
Сыт?.. Ну, баюшки-баю!»
И запела над малюткою
Снова песенку свою…

ПАПАША

Я давно замечал этот серенький дом,
В нем живут две почтенные дамы,
Тишина в нем глубокая днем,
Сторы спущены, заперты рамы.
А вечерней порой иногда
Здесь движенье веселое слышно:
Приезжают сюда господа
И девицы, одетые пышно.
Вот и нынче карета стоит,
В ней какой-то мужчина сидит;
Свищет он, поджидая кого-то,
Да на окна глядит иногда.
Наконец, отворились ворота,
И, нарядна, мила, молода,
Вышла женщина…

«Здравствуй, Наташа!
Я уже думал – не будет конца!»
– Вот тебе деньги, папаша! —
Девушка села, цалует отца.
Дверцы захлопнулись, скрылась карета,
И постепенно затих ее шум.
«Вот тебе деньги!» Я думал: что ж это?
Дикая мысль поразила мой ум.
Мысль эта сердце мучительно сжала.
Прочь, ненавистная, прочь!
Что же, однако, меня испугало?
Мать, продающая дочь,
Не ужасает нас, так почему же?..
Нет, не поверю я!.. изверг, злодей!
Хуже убийства, предательства хуже…
Хуже-то хуже, да легче, верней,
Да и понятней. В наш век утонченный
Изверги водятся только в лесах.
Это не изверг, а фат современный —
Фат устарелый без места, в долгах.
Что ж ему делать? Другого закона,
Кроме дендизма, он в жизни не знал,
Жил человеком хорошего тона
И умереть им желал.
Поздно привык он ложиться,
Поздно привык он вставать,
Кушая кофе, помадиться, бриться,
Ногти точить и усы завивать;
Час или два перед тонким обедом

Невский проспект шлифовать.
Смолоду был он лихим сердцеедом:
Долго ли денег достать?
С шиком оделся, приставил лорнетку
К левому глазу, прищурил другой,
Мегом пленил пожилую кокетку,
И полилось ему счастье рекой.
Сладки трофеи нетрудной победы —
Кровные лошади, повар-француз…
Боже! какие давал он обеды —
Роскошь, изящество, вкус!
Подлая сволочь глотала их жадно.
Подлая сволочь?.. о, нет!
Всё, что богато, чиновно, парадно,
Кушало с чувством и с толком обед.
Мы за здоровье хозяина пили,
Мы цаловалися с ним,
Правда, что слухи до нас доходили…
Что нам до слухов – и верить ли им?
Старый газетчик, в порыве усердия,
Так отзывался о нем:
«Друг справедливости! жрец милосердия!»
То вдруг облаял потом, —
Верь, чему хочешь! Мы в нем не заметили
Подлости явной: в игре он платил.
Муза! воспой же его добродетели!
Вспомни, он набожен был;
Вспомни, он руку свою тороватую
Вечно раскрытой держал,

Даже Жуковскому что-то на статую
По доброте своей дал!
Счастье, однако, на свете непрочно —
Хуже да хуже с годами дела.
Сил ему много отпущено, точно;
Да красота изменять начала.
Он уж купил три таинственных банки:
Это – для губ, для лица и бровей,
Учетверил благородство осанки
И величавость походки своей;
Ходит по Невскому с палкой, с лорнетом
Сорокалетний герой.
Ходит зимою, весною и летом,
Ходит и думает: «Черт же с тобой,
Город проклятый! Я строен, как тополь,
Счастье найду по другим городам!»
И, рассердись, покидает Петрополь…
Может быть, ведомо вам,
Что за границей местами есть воды,

Где собирается множество дам —
Милых поклонниц свободы,

Дам и отчасти девиц,
Ежели дам, то в замужстве несчастных;
Разного возраста лиц,
Но одинаково страстных, —
Словом, таких, у которых талант
Жалкою славой прославиться в свете
И за которых Жорж Санд
Перед мыслителем русским в ответе.
Что привлекает их в город такой,
Славный не столько водами,
Сколько азартной игрой
И… но вы знаете сами…
Трудно решить. Говорят,
Годы терпенья и плена,
Тяжких обид и досад
Вдруг выкупает измена;
Ежели так, то целительность вод
Не подлежит никакому сомненью.
Бурно их жизнь там идет,
Вся отдана наслажденью,

Оригинален наряд, —
Дома одеты, а в люди
Полураздеться спешат:
Голые спины и голые груди!
(Впрочем, не к каждой из дам
Эти идут укоризны:
Так, например, только лечатся там
Скромные дочери нашей отчизны…)
Наш благородный герой
Там свои сети раскинул,
Там он блистал еще годик-другой,
Но и оттудова сгинул.
Лет через восемь потом
Он воротился в Петрополь,
Всё еще строен, как тополь,
Но уже несколько хром,
То есть не хром, а немножко
Стала шалить его левая ножка —
Вовсе не гнулась! Шагал
Ею он словно поленом,
То вдруг внезапно болтал
В воздухе правым коленом.
Белый платочек в руке,
Грусть на челе горделивом,
Волосы с бурым отливом —

И ни кровинки в щеке!
Плохо!..

А вкусы так пошлы и груоы,
Дай им красавчика, кровь с молоком…
Волк, у которого выпали зубы,
Бешено взвыл; огляделся кругом
Да и решился… Трудами питаться
Нет ни уменья, ни сил,
В бедности гнусной открыто признаться
Перед друзьями, которых кормил,
И удалиться с роскошного пира —
Нет! добровольно герой
Санктпетербургского модного мира
Не достигает развязки такой.
Молод – так дело женитьбой поправит,
Стар – так игорный притон заведет,

Вексель фальшивый составит,
В легкую службу пойдет,
Славная служба! Наш старый красавец
Чуть не пошел было этой тропой,
Да не годился… Вот этот мерзавец!
Под руку с дочерью! Весь завитой,
Кольца, лорнетка, цепочка вдоль груди…
Плюньте в лицо ему, честные люди!
Или уйдите хоть прочь!
Легче простить за поджог, за покражу —
Это отец, развращающий дочь
И выводящий ее на продажу!..
«Знаем мы, знаем – да дела нам нет,
Очень горяч ты, любезный поэт!»

Музыка вроде шарманки
Однообразно гудит,
Сонно поют испитые цыганки,
Глупый цыган каблуками стучит.
Около русой Наташи
Пять молодых усачей
Пьют за здоровье папаши.
Кажется, весело ей.
Смотрит спокойно, наивно смеется.
Пусть же смеется всегда!
Пусть никогда не проснется!
Если ж проснется, что будет тогда?
Нож ли ухватит, застонет ли тяжко
И упадет без дыханья, бедняжка,
Сломлена ужасом, горем, стыдом?
Кто ее знает! Не дай только боже

Быть никому в ее коже, —
Звать обнищалого фата отцом!

ПЛАЧ ДЕТЕЙ

Равнодушно слушая проклятья
В битве с жизнью гибнущих людей,
Из-за них вы слышите ли, братья,
Тихий плач и жалобы детей?

«В золотую пору малолетства
Всё живое – счастливо живет,
Не трудясь, с ликующего детства
Дань забав и радости берет.
Только нам гулять не довелося
По полям, по нивам золотым:
Целый день на фабриках колеса
Мы вертим – вертим – вертим!

Колесо чугунное вертится,
И гудит, и ветром обдает,
Голова пылает и кружится,
Сердце бьется, всё кругом идет:
Красный нос безжалостной старухи,
Что за нами смотрит сквозь очки,
По стенам гуляющие мухи,
Стены, окна, двери, потолки,
Всё и все! Впадая в исступленье,
Начинаем громко мы кричать:
…Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать!
Бесполезно плакать и молиться —
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри – проклятое вертится,
Хоть умри – гудит – гудит – гудит!

Где уж нам, измученным в неволе,
Ликовать, резвиться и скакать!
Если б нас теперь пустили в поле,
Мы в траву попадали бы – спать.
Нам домой скорей бы воротиться…
Но за чем идем мы и туда?..
Сладко нам и дома не забыться:
Встретит нас забота и нужда!
Там, припав усталой головою
К груди бледной матери своей,
Зарыдав над ней и над собою,
Разорвем на части сердце ей…»

НА ВОЛГЕ
(Детство Валежникова)

1

Не торопись, мой верный пес!
Зачем на грудь ко мне скакать?
Еще успеем мы стрелять.
Ты удивлен, что я прирос
На Волге: целый час стою
Недвижно, хмурюсь и молчу.
Я вспомнил молодость мою
И весь отдаться ей хочу
Здесь на свободе. Я похож
На нищего: вот бедный дом,
Тут, может, подали бы грош.
Но вот другой – богаче: в нем
Авось побольше подадут.
И нищий мимо; между тем
В богатом доме дворник-плут
Не наделил его ничем.
Вот дом еще пышней, но там
Чуть не прогнали по шеям!
И, как нарочно, всё село
Прошел – нигде не повезло!
Пуста, хоть выверни суму.
Тогда вернулся он назад
К убогой хижине – и рад,
Что корку бросили ему;
Бедняк ее, как робкий пес,
Подальше от людей унес

И гложет… Рано пренебрег
Я тем, что было под рукой,
И чуть не детскою ногой
Ступил за отческий порог,
Меня старались удержать
Мои друзья, молила мать,
Мне лепетал любимый лес:
Верь, нет милей родных небес!
Нигде не дышится вольней
Родных лугов, родных попей,
И той же песенкою полн
Был говор этих милых волн.
Но я не верил ничему.

Нет, – говорил я жизни той, —
Ничем не купленный покой
Противен сердцу моему…

Быть может, недостало сил,
Или мой труд не нужен был,
Но жизнь напрасно я убил,
И то, о чем дерзал мечтать,
Теперь мне стыдно вспоминать!
Все силы сердца моего
Истратив в медленной борьбе,
Не допросившись ничего
От жизни ближним и себе,
Стучусь я робко у дверей
Убогой юности моей:
– О юность бедная моя!
Прости меня, смирился я!
Не помяни мне дерзких грез,
С какими, бросив край родной,
Я издевался над тобой!
Не помяни мне глупых слез,
Какими плакал я не раз,
Твоим покоем тяготясь!
Но благодушно что-нибудь,
На чем бы сердцем отдохнуть
Я мог, пошли мне! Я устал,
В себя я веру потерял,
И только память детских дней
Не тяготит души моей…

2

Я рос, как многие, в глуши,
У берегов большой реки,
Где лишь кричали кулики,
Шумели глухо камыши,
Рядами стаи белых птиц,
Как изваяния гробниц,
Сидели важно на песке;
Виднелись горы вдалеке,
И синий бесконечный лес
Скрывал ту сторону небес,
Куда, дневной окончив путь,
Уходит солнце отдохнуть.

Я страха смолоду не знал,
Считал я братьями людей,

И даже скоро перестал
Бояться леших и чертей.
Однажды няня говорит:
«Не бегай ночью – волк сидит
За нашей ригой, а в саду
Гуляют черти на пруду!»
И в ту же ночь пошел я в сад.
Не то чтоб я чертям был рад,
А так – хотелось видеть их.
Иду. Ночная тишина
Какой-то зоркостью полна,
Как будто с умыслом притих
Весь божий мир – и наблюдал,
Что дерзкий мальчик затевал!
И как-то не шагалось мне
В всезрящей этой тишине.
Не воротиться ли домой?
А то как черти нападут
И потащат с собою в пруд,
И жить заставят под водой?
Однако я не шел назад.
Играет месяц над прудом,
И отражается на нем
Береговых деревьев ряд.
Я постоял на берегу,
Послушал – черти ни гу-гу!

Я пруд три раза обошел,
Но черт не выплыл, не пришел!
Смотрел я меж ветвей дерев
И меж широких лопухов,
Что поросли вдоль берегов,
В воде: не спрятался ли там?
Узнать бы можно по рогам.
Нет никого! Пошел я прочь,
Нарочно сдерживая шаг.
Сошла мне даром эта ночь,
Но если б друг какой иль враг
Засел в кусту и закричал,
Иль даже, спугнутая мной,
Взвилась сова над головой, —
Наверно б мертвый я упал!
Так, любопытствуя, давил
Я страхи ложные в себе
И в бесполезной той борьбе
Немало силы погубил.
Зато добытая с тех пор
Привычка не искать опор
Меня вела своим путем,

Пока рожденного рабом
Самолюбивая судьба
Не обратила вновь в раба!

3

О Волга! после многих лет
Я вновь принес тебе привет.
Уж я не тот, но ты светла
И величава, как была.
Кругом всё та же даль и ширь,
Всё тот же виден монастырь
На острову, среди песков,
И даже трепет прежних дней
Я ощутил в душе моей,
Заслыша звон колоколов.
Всё то же, то же… только нет
Убитых сил, прожитых лет…

Уж скоро полдень. Жар такой,
Что на песке горят следы,
Рыбалки дремлют над водой,

Усевшись в плотные ряды;
Куют кузнечики, с лугов
Несется крик перепелов.
Не нарушая тишины
Ленивой, медленной волны,
Расшива движется рекой.
Приказчик, парень молодой,
Смеясь, за спутницей своей
Бежит по палубе: она
Мила, дородна и красна.
И слышу я, кричит он ей:
«Постой, проказница, ужо
Вот догоню!..» Догнал, поймал, —
И поцалуй их прозвучал
Над Волгой вкусно и свежо.
Нас так никто не цаловал!
Да в подрумяненных губах
У наших барынь городских
И звуков даже нет таких.

В каких-то розовых мечтах
Я позабылся. Сон и зной
Уже царили надо мной.
Но вдруг я стоны услыхал,

И взор мой на берег упал.
Почти пригнувшись головой
К ногам, обвитым бечевой,
Обутым в лапти, вдоль реки
Ползли гурьбою бурлаки,
И был невыносимо дик
И страшно ясен в тишине
Их мерный похоронный крик —
И сердце дрогнуло во мне.

О Волга!., колыбель моя!
Любил ли кто тебя, как я?
Один, по утренним зарям,
Когда еще всё в мире спит
И алый блеск едва скользит
По темно-голубым волнам,
Я убегал к родной реке.
Иду на помощь к рыбакам,
Катаюсь с ними в челноке,

Брожу с ружьем по островам.
То, как играющий зверок,
С высокой кручи на песок
Скачусь, то берегом реки
Бегу, бросая камешки,
И песню громкую пою
Про удаль раннюю мою…
Тогда я думать был готов,
Что не уйду я никогда
С песчаных этих берегов.
И не ушел бы никуда —
Когда б, о Волга! над тобой
Не раздавался этот вой!

Давно-давно, в такой же час,
Его услышав в первый раз,
Я был испуган, оглушен.
Я знать хотел, что значит он, —
И долго берегом реки
Бежал. Устали бурлаки,
Котел с расшивы принесли,
Уселись, развели костер
И меж собою повели
Неторопливый разговор.
«Когда-то в Нижний попадем? —
Один сказал. – Когда б попасть
Хоть на Илью…» – Авось придем, —
Другой, с болезненным лицом,
Ему ответил. – Эх, напасть!

Когда бы зажило плечо,

1 Тянул *бы* лямку, как медведь,
А кабы к утру умереть —
Так лучше было бы еще… —
Он замолчал и навзничь лег.
Я этих слов понять не мог,
Но тот, который их сказал,
Угрюмый, тихий и больной,
С тех пор меня не покидал!
Он и теперь передо мной:
Лохмотья жалкой нищеты,
Изнеможенные черты
И, выражающий укор,
Спокойно-безнадежный взор…
Без шапки, бледный, чуть живой,
Лишь поздно вечером домой
Я воротился. Кто тут был —
У всех ответа я просил
На то, что видел, и во сне
О том, что рассказали мне,
Я бредил. Няню испугал:
«Сиди, родименькой, сиди!
Гулять сегодня не ходи!»
Но я на Волгу убежал.

Бог весть, что сделалось со мной?
Я не узнал реки родной:
С трудом ступает на песок
Моя нога: он так глубок;
Уж не манит на острова
Их ярко-свежая трава,
Прибрежных птиц знакомый крик
Зловещ, пронзителен и дик,
И говор тех же самых волн
Иною музыкою полн!

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз ее назвал
Рекою рабства и тоски!..

Что я в ту пору замышлял,
Созвав товарищей-детей,
Какие клятвы я давал —
Пускай умрет в душе моей,
Чтоб кто-нибудь не осмеял!

Но если вы – наивный бред,
Обеты юношеских лет,
Зачем же вам забвенья нет?
И вами вызванный упрек
Так сокрушительно жесток?..

4

Унылый, сумрачный бурлак!
Каким тебя я в детстве знал,
Таким и ныне увидал:
Всё ту же песню ты поешь,
Всё ту же лямку ты несешь,
В чертах усталого лица
Всё та ж покорность без конца…
……..
…….

Прочна суровая среда,
Где поколения людей
Живут и гибнут без следа
И без урока для детей!
Отец твой сорок лет стонал,
Бродя по этим берегам,
И перед смертию не знал,
Что заповедать сыновьям.
И, как ему, – не довелось
Тебе наткнуться на вопрос:
Чем хуже был бы твой удел,
Когда б ты менее терпел?
Как он, безгласно ты умрешь,
Как он, бесплодно пропадешь,
Так заметается песком
Твой след на этих берегах,
Где ты шагаешь под ярмом,
Не краше узника в цепях,
Твердя постылые слова,
От века те же: «раз да два!»
С болезненным припевом «ой!»
И в такт мотая головой…

НА СМЕРТЬ ШЕВЧЕНКО

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, чуть не желательный.
Так погибает по божией милости
Русской земли человек замечательный
С давнего времени: молодость трудная,
Полная страсти, надежд, увлечения,
Смелые речи, борьба безрассудная,
Вслед за тем долгие, дни заточения.

Всё он изведал: тюрьму петербургскую,
Справки, допросы, жандармов любезности,
Всё – и раздольную степь Оренбургскую,
И ее крепость. В нужде, в неизвестности
Там, оскорбляемый каждым невеждою,
Жил он солдатом с солдатами жалкими,
Мог умереть он, конечно, под палками,
Может, и жил-то он этой надеждою.

Но, сократить не желая страдания,
Поберегло его в годы изгнания
Русских людей провиденье игривое.
Кончилось время его несчастливое,
Всё, чего с юности ранней не видывал,
Милое сердцу, ему улыбалося.
Тут ему бог позавидовал:
Жизнь оборвалася.

ПОХОРОНЫ

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село.
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.

Ой, беда приключилася страшная!
Мы такой не знавали вовек:
Как у нас – голова бесшабашная —
Застрелился чужой человек!

Суд приехал… допросы… – тошнехонько!
Догадались деньжонок собрать;
Осмотрел его лекарь скорехонько
И велел где-нибудь закопать.

И пришлось нам нежданно-негаданно
Хоронить молодого стрелка,
Без церковного пенья, без ладана,
Без всего, чем могила крепка…

Без попов!.. Только солнышко знойное
Вместо ярого воску свечи,
На лицо непробудно-спокойное
Не скупясь наводило лучи;

Да высокая рожь колыхалася,
Да пестрели в долине цветы;
Птичка божья на гроб опускалася
И, чирикнув, летела в кусты.

Поглядим: что ребят набирается!
Покрестились и подняли вой…
Мать о сыне рекой разливается,
Плачет муж по жене молодой, —

Как не плакать им? Диво велико ли?
Своему-то свои хороши!
А по **ком**ребятишки захныкали,
Тот, наверно, был доброй души!

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Чтотебя доконало, сердешного?
Ты за что свою душу сгубил?
Ты захожий, ты роду нездешнего,
Но ты нашу сторонку любил:

Только минут морозы упорные
И весенних гостей налетит, —
«Чу! – кричат наши детки проворные. —
Прошлогодний охотник палит!»

Ты ласкал их, гостинцу им нашивал,
Ты на спрос отвечать не скучал.
У тебя порошку я попрашивал,
И всегда ты нескупо давал.

Почивай же, дружок! Память вечная!
Не жива ль твоя бедная мать?
Или, может, зазноба сердечная
Будет таять, дружка поджидать?

Мы дойдем, повестим твою милую:
Может быть, и приедет любя,
И поплачет она над могилою,
И расскажем мы ей про тебя.

Почивай себе с миром, с любовию!
Почивай! Бог тебе судия,
Что обрызгал ты грешною кровию
Неповинные наши поля!

Кто дознает, какою крученою
Надрывалося сердце твое
Перед вольной твоею кончиною,
Перед тем, как спустил ты ружье?..

Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,
Под большими плакучими ивами
Упокоился бедный стрелок.

Будут песни к нему хороводные
Из села по заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны навевать…

КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕТИ

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши – живется легко,
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,

Кричат молодые грачи,
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то… а вот вереница

Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —

Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,

В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выраженье,

Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиленье…
Чу! шепот опять!
Первый голос
Борода!
Второй
А барин, сказали!..
Третий
Потише вы, черти!
Второй
У бар бороды не бывает – усы.
Первый
А ноги-то длинные, словно как жерди.
Четвертый
А вона на шапке, гляди-тко – часы!
Пятый
Ай, важная штука!
Шестой
И цепь золотая…
Седьмой
Чай, дорого стоит?
Восьмой
Как солнце горит!

Девятый
Авона собака – большая, большая!
Вода сязыка-то бежит.
Пятый
Ружье!погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные…
Третий
с *испугом)*
Глядит!
Четвертый
Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!
Третий
Прибьет…
……

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стаей с мякины летят воробьи.
Затих я, прищурился – снова явились,

Глазенки мелькают в щели.
Что было со мною – всему подивились
И мой приговор изрекли:
«Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И, видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой…» – Услышит, молчи! —
……

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей;
Но если бы даже ты их ненавидел,
Читатель, как «низкого рода людей», —
Я всё-таки должен сознаться открыто,

Что часто завидую им:
В их жизни так много поэзии слито,
Как дай бог балованным деткам твоим.
Счастливый народ! Ни науки, ни неги

Не ведают в детстве они.
Я делывал с ними грибные набеги:
Раскапывал листья, обшаривал пни,
Старался приметить грибное местечко,
А утром не мог ни за что отыскать.
«Взгляни-ка, Савося, какое колечко!»
Мы оба нагнулись, да разом и хвать
Змею! Я подпрыгнул: ужалила больно!
Савося хохочет: «Попался спроста!»

Зато мы потом их губили довольно
И клали рядком на перилы моста.
Должно быть, за подвиги славы мы ждали,

У нас же дорога большая была:
Рабочего звания люди сновали
По ней без числа.
Копатель канав – вологжанин,
Лудильщик, портной, шерстобит,
А то в монастырь горожанин
Под праздник молиться катит.
Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
Иной подгуляет, так только держися —
Начнет с Волочка, до Казани дойдет!
Чухну передразнит, мордву, черемиса,
И сказкой потешит, и притчу ввернет:
«Прощайте, ребята! Старайтесь наипаче
На господа бога во всем потрафлять.
У нас был Вавило, жил всех побогаче,
Да вздумал однажды на бога роптать, —
С тех пор захудал, разорился Вавило,
Нет меду со пчел, урожаю с земли,
И только в одном ему счастие было,
Что волосы из носу шибко росли…»
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь – им всё покажи.
Прохожий заснет под свои прибаутки,
Ребята за дело – пилить и строгать!
Иступят пилу – не наточишь и в сутки!
Сломают бурав – и с испугу бежать.
Случалось, тут целые дни пролетали —
Что новый прохожий, то новый рассказ…

Ух, жарко!.. До полдня грибы собирали.
Вот из лесу вышли – навстречу как раз
Синеющей лентой, извилистой, длинной,
Река луговая: спрыгнули гурьбой,
И русых головок над речкой пустынной
Что белых грибов на полянке лесной!
Река огласилась и смехом, и воем:
ТУТ ДРака – не драка, игра – не игра…

А солнце палит их полуденным зноем.
Домой, ребятишки! обедать пора.

Вернулись. У каждого полно лукошко,
А сколько рассказов! Попался косой,
Поймали ежа, заблудились немножко
И видели волка… у, страшный какой!
Ежу предлагают и мух, и козявок,
Корней молочко ему отдал свое —
Не пьет! отступились…

Кто ловит пиявок
На лаве, где матка колотит белье,
Кто нянчит сестренку двухлетнюю Глашку,
Кто тащит на пожню ведерко кваску,
А тот, подвязавши под горло рубашку,
Таинственно что-то чертит но песку;
Та в лужу забилась, а эта с обновой:
Сплела себе славный венок, —
Всё беленький, желтенький, бледно-лиловый
Да изредка красный цветок.
Те спят на припеке, те пляшут вприсядку.
Вот девочка ловит лукошком лошадку:
Поймала, вскочила и едет на ней.
И ей ли, под солнечным зноем рожденной
И в фартуке с поля домой принесенной,
Бояться смиренной лошадки своей?..

Грибная пора отойти не успела,
Гляди – уж чернехоньки губы у всех,
Набили оскому: черница поспела!
А там и малина, брусника, орех!
Ребяческий крик, повторяемый эхом,
С утра и до ночи гремит по лесам.
Испугана пеньем, ауканьем, смехом,
Взлетит ли тетеря, закокав птенцам,
Зайчонок ли вскочит – содом, суматоха!
Вот старый глухарь с облинялым крылом
В кусту завозился… ну, бедному плохо!
Живого в деревню тащат с торжеством…
«Довольно, Ванюша! гулял ты немало,

Пора за работу, родной!»
Но даже и труд обернется сначала

К Ванюше нарядной своей стороной:
Он видит, как поле отец удобряет,
Как в рыхлую землю бросает зерно,
Как поле потом зеленеть начинает,
Как колос растет, наливает зерно.
Готовую жатву подрежут серпами,
В снопы перевяжут, на ригу свезут,

Просушат, колотят-колотят цепами,
На мельнице смелют и хлеб испекут.
Отведает свежего хлебца ребенок
И в поле охотней бежит за отцом.
Навьют ли сенца: «Полезай, постреленок!»
Ванюша в деревню въезжает царем…
Однако же зависть в дворянском дитяти

Посеять нам было бы жаль.
Итак, обернуть мы обязаны кстати

Другой стороною медаль.
Положим, крестьянский ребенок свободно

Растет, не учась ничему,
Но вырастет он, если богу угодно,
А сгибнуть ничто не мешает ему.
Положим, он знает лесные дорожки,
Гарцует верхом, не боится воды,
Зато беспощадно едят его мошки,
Зато ему рано знакомы труды…
Однажды, в студеную зимнюю пору
Я из лесу вышел; был сильный мороз.
Гляжу, поднимается медленно в гору
Лошадка, везущая хворосту воз.
И шествуя важно, в спокойствии чинном,
Лошадку ведет под уздцы мужичок
В больших сапогах, в полушубке овчинном,
В больших рукавицах… а сам с ноготок!
«Здорово, парнище!» – Ступай себе мимо! —
«Уж больно ты грозен, как я погляжу!
Откуда дровишки?» – Из лесу, вестимо;
Отец, слышишь, рубит, а я отвожу.
(В лесу раздавался топор дровосека.) —
«А что, у отца-то большая семья?»
– Семья-то большая, да два человека
Всего мужиков-то: отец мой да я… —
«Так вон оно что! А как звать тебя?»

– Власом. —
«А кой тебе годик?» – Шестой миновал…
Ну, мертвая! – крикнул малюточка басом,
Рванул под уздцы и быстрей зашагал.
На эту картину так солнце светило,
Ребенок был так уморительно мал,
Как будто всё это картонное было,
Как будто бы в детский театр я попал!
Но мальчик был мальчик живой, настоящий,
И дровни, и хворост, и пегонький конь,

И снег; до окошек деревни лежащий,
И зимнего солнца холодный огонь —
Всё, всё настоящее русское было,
С клеймом нелюдимой, мертвящей зимы.
Что русской душе так мучительно мило,
Что русские мысли вселяет в умы,
Те честные мысли, которым нет воли,
Которым нет смерти – дави не дави,
В которых так много и злобы и боли,
В которых так много любви!

Играйте же, дети! Растите на воле!
На то вам и красное детство дано,
Чтоб вечно любить это скудное поле,
Чтоб вечно вам милым казалось оно.
Храните свое вековое наследство,
Любите свой хлеб трудовой —
И пусть обаянье поэзии детства
Проводит вас в недра землицы родной!..
……

Теперь нам пора возвратиться к началу.
Заметив, что стали ребята смелей,
«Эй, воры идут! – закричал я Фингалу. —
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»
Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым стараньем припрятал дичину,
У ног моих лег – и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! «Фингалка, умри!» —
«Не засти, Сергей! Не толкайся, Кузяха!» —
«Смотри – умирает – смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразиться грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,

А зрители дали стречка!
Широкая дверь отперлась, заскрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела

Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребятишки бежали
Босые к деревне своей…
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.

ДУМА

Сторона наша убогая,
Выгнать некуда коровушку.
Проклинай житье мещанское
Да почесывай головушку.

Спи, не спи – валяйся по печи,
Каждый день недоедаючи,
Трать задаром силу дюжую,
Недоимку накопляючи.

Уж как нет беды кручиннее
Без работы парню маяться,
А пойдешь куда к хозяевам —
Ни один-то не нуждается!

У купца у Семипалова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное
Словно воду, не жалеючи.

В праздник – жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся —
Вон из тела душа просится!

Ночь храпят, наевшись до поту,
День придет – работой тешатся…
Эй! возьми меня в работники,
Поработать руки чешутся!

Повели ты в лето жаркое
Мне пахать пески сыпучие,
Повели ты в зиму лютую
Вырубать леса дремучие, —

Только треск стоял бы до неба,
Как деревья бы валилися;
Вместо шапки, белым инеем
Волоса бы серебрилися!

* * *

Что ни год – уменьшаются силы,

Ум ленивее, кровь холодней…
Мать-отчизна! дойду до могилы,
Не дождавшись свободы твоей!

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведреный день впереди;

Чтобы ветер родного селенья
Звук единый до слуха донес,
Под которым не слышно кипенья
Человеческой крови и слез.

СВОБОДА

Родина-мать! по равнинам твоим
Я не езжал еще с чувством таким!

Вижу дитя на руках у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:

В добрую пору дитя родилось,
Милостив бог! не узнаешь ты слез!

С детства никем не запуган, свободен,
Выберешь дело, к которому годен,

Хочешь – останешься век мужиком,
Сможешь – под небо взовьешься орлом!

В этих фантазиях много ошибок:
Ум человеческий тонок и гибок,

Знаю, на место сетей крепостных
Люди придумали много иных,

Так!.. но распутать их легче народу.
Муза! с надеждой приветствуй свободу!

РЫЦАРЬ НА ЧАС

Если пасмурен день, если ночь не светла,
Если ветер осенний бушует,
Над душой воцаряется мгла,
Ум, бездействуя, вяло тоскует.
Только сном и возможно помочь,
Но, к несчастью, не всякому спится…

Слава богу! морозная ночь —
Я сегодня не буду томиться.
По широкому полю иду,
Раздаются шаги мои звонко,
Разбудил я гусей на пруду,
Я со стога спугнул ястребенка,
Как он вздрогнул! как крылья развил!
Как взмахнул ими сильно и плавно!
Долго, долго за ним я следил,
Я невольно сказал ему: славно!
Чу! стучит проезжающий воз,
Деготьком потянуло с дороги…
Обоняние тонко в мороз,
Мысли свежи, выносливы ноги.
Отдаешься невольно во власть
Окружающей бодрой природы;
Сила юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы
Наполняют ожившую грудь;
Жаждой дела душа закипает,
Вспоминается пройденный путь,
Совесть песню свою запевает…

Я советую гнать ее прочь —
Будет время еще сосчитаться!
В эту тихую, лунную ночь
Созерцанию должно предаться.
Даль глубоко прозрачна, чиста,
Месяц полный плывет над дубровой,
И господствуют в небе цвета
Голубой, беловатый, лиловый.
Воды ярко блестят средь полей,
А земля прихотливо одета
В волны белого лунного света
И узорчатых, странных теней.
От больших очертаний картины
До тончайших сетей паутины,
Что по воздуху тихо плывут, —

Всё отчетливо видно: далече
Протянулися полосы гречи,
Красной лентой по скату бегут;
Замыкающий сонные нивы,
Лес сквозит, весь усыпан листвой;
Чудны красок его переливы
Под играющей, ясной луной;
Дуб ли пасмурный, клен ли веселый —
В нем легко отличишь издали;
Грудью к северу, ворон тяжелый —
Видишь – дремлет на старой ели!
Всё, чем может порадовать сына
Поздней осенью родина-мать:
Зеленеющей озими гладь,
Подо льном – золотая долина,
Посреди освещенных лугов
Величавое войско стогов —
Всё доступно довольному взору…

Не сожмется мучительно грудь,
Если б даже пришлось в эту пору
На родную деревню взглянуть:
Не видна ее бедность нагая!

Запаслася скирдами, родная,
Окружилася ими она
И стоит, словно полная чаша.
Пожелай ей покойного сна —
Утомилась, кормилица наша!..

Спи, кто может, – я спать не могу,
Я стою потихоньку, без шуму
На покрытом стогами лугу
И невольную думаю думу.
Не умел я с тобой совладать,
Не осилил я думы жестокой…

В эту ночь я хотел бы рыдать
На могиле далекой,
Где лежит моя бедная мать…

В стороне от больших городов,
Посреди бесконечных лугов,
За селом, на горе невысокой,
Вся бела, вся видна при луне,
Церковь старая чудится мне,
И на белой церковной стене
Отражается крест одинокий.
Да! я вижу тебя, божий дом!

Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла с мечом,
Облаченного в светлую ризу.
Поднимается сторож-старик
На свою колокольню-руину,
На тени он громадно велик:
Пополам пересек всю равнину.
Поднимись! – и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гуденье!
В тишине деревенских ночей
Этих звуков властительно пенье:
Если есть в околодке больной,
Он при них встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудет на миг свои муки;
Одинокий ли путник ночной
Их заслышит – бодрее шагает;
Их заботливый пахарь считает
И, крестом осенясь в полусне,
Просит бога о ведреном дне.

Звук за звуком гудя прокатился,
Насчитал я двенадцать часов.
С колокольни старик возвратился,
Слышу шум его звонких шагов,
Вижу тень его; сел на ступени,

Дремлет, голову свесив в колени,
Он в мохнатую шапку одет,
В балахоне убогом и темном…
Всё, чего не видал столько лет,
От чего я пространством огромным
Отделен, – всё живет предо мной,
Всё так ярко рисуется взору,
Что не верится мне в эту пору,
Чтоб не мог увидать я и той,
Чья душа здесь незримо витает,
Кто под этим крестом почивает…

Повидайся со мною, родимая!
Появись легкой тенью на миг!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая,
Всю ты жизнь прожила для других.
С головой, бурям жизни открытою,
Весь свой век под грозою сердитою
Простояла ты, – грудью своей
Защищая любимых детей.
И гроза над тобой разразилася!
Ты, не дрогнув, удар приняла,

За врагов, умирая, молилася,
На детей милость бога звала.
Неужели за годы страдания
Тот, кто столько тобою был чтим,
Не пошлет тебе радость свидания
С погибающим сыном твоим?..

Я кручину мою многолетнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебе мою песню последнюю,
Мою горькую песню спою.
О прости! то не песнь утешения,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну – и ради спасения
Я твою призываю любовь!
Я пою тебе песнь покаяния,
Чтобы кроткие очи твои
Смыли жаркой слезою страдания
Все позорные пятна мои!
Чтоб ту силу свободную, гордую,
Что в мою заложила ты грудь,
Укрепила ты волею твердою
И на правый поставила путь…

Треволненья мирского далекая,
С неземным выраженьем в очах,
Русокудрая, голубоокая,
С тихой грустью на бледных устах,
Под грозой величаво-безгласная —
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мне
При волшебно светящей луне.
Да! я вижу тебя, бледнолицую,
И на суд твой себя отдаю.
Не робеть перед правдой-царицею
Научила ты Музу мою:
Мне не страшны друзей сожаления,
Не обидно врагов торжество,
Изреки только слово прощения,
Ты, чистейшей любви божество!
Что враги? пусть клевещут язвительней.
Я пощады у них не прошу,
Не придумать им казни мучительней
Той, которую в сердце ношу!
Что друзья? Наши силы неровные,
Я ни в чем середины не знал,
Что обходят они, хладнокровные,
Я на всё безрассудно дерзал,
Я не думал, что молодость шумная,

Что надменная сила пройдет —
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни – вперед и вперед!
Увлекаем бесславною битвою,
Сколько раз я над бездной стоял,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падал – и вовсе упал!..
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я в тину нечистую
Мелких помыслов, мелких страстей.
От ликующих, праздно болтающих,
Обагряющих руки в крови
Уведи меня в стан погибающих
За великое дело любви!

Тот, чья жизнь бесполезно разбилася,
Может смертью еще доказать,
Что в нем сердце неробкое билося,
Что умел он любить…
(Утром, в постели)

О мечты! о волшебная власть
Возвышающей душу природы!
Пламя юности, мужество, страсть
И великое чувство свободы —
Всё в душе угнетенной моей
Пробудилось… но где же ты, сила?
Я проснулся ребенка слабей.
Знаю: день проваляюсь уныло,
Ночью буду микстуру глотать,
И пугать меня будет могила,
Где лежит моя бедная мать.

Всё, что в сердце кипело, боролось,
Всё луч бледного утра спугнул,
И насмешливый внутренний голос
Злую песню свою затянул:
«Покорись, о ничтожное племя!
Неизбежной и горькой судьбе,
Захватило вас трудное время
Неготовыми к трудной борьбе.
Вы еще не в могиле, вы живы,
Но для дела вы мертвы давно,
Суждены вам благие порывы,
Но свершить ничего не дано…»

* * *

В полном разгаре страда деревенская…
Доля ты! – русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная —
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжелую,
Баба порезала ноженьку голую —
Некогда кровь унимать!

Слышится крик у соседней полосыньки,
Баба туда – растрепалися косыньки, —
Надо ребенка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слезы ли, пот ли у ней над ресницею,
Право, сказать мудрено.
В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они – всё равно!

Вот она губы свои опаленные
Жадно подносит к краям…
Вкусны ли, милая, слезы соленые
С кислым кваском пополам?..

ЗЕЛЕНЫЙ ШУМ1

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Играючи, расходится
Вдруг ветер верховой:
Качнет кусты ольховые,
Подымет пыль цветочную,
Как облако, – всё зелено,
И воздух, и вода!

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Скромна моя хозяюшка
Наталья Патрикеевна,
Водой не замутит!
Да с ней беда случилася,
Как лето жил я в Питере…
Сама сказала, глупая,
Типун ей на язык!

В избе сам-друг с обманщицей
Зима нас заперла,
В мои глаза суровые
Глядит, – молчит жена.
Молчу… а дума лютая
Покоя не дает:
Убить… так жаль сердечную!
Стерпеть – так силы нет!
А тут зима косматая
Ревет и день и ночь:

«Убей, убей изменницу!
Злодея изведи!
Не то весь век промаешься,
Ни днем, ни долгой ноченькой
Покоя не найдешь.
В глаза твои бесстыжие
Соседи наплюют!..»
Под песню-вьюгу зимнюю
Окрепла дума лютая —
Припас я вострый нож…
Да вдруг весна подкралася..»

Идет-гудет Зеленый Шум,

Зеленый Шум, весенний шум!

Как молоком облитые,
Стоят сады вишневые,
Тихохонько шумят;
Пригреты теплым солнышком,
Шумят повеселелые
Сосновые леса;
А рядом новой зеленью
Лепечут песню новую
И липа бледнолистая,
И белая березонька
С зеленою косой!
Шумит тростинка малая,
Шумит высокий клен…
Шумят они по-новому,
По-новому, весеннему…

Идет-гудет Зеленый Шум,
Зеленый Шум, весенний шум!

Слабеет дума лютая,
Нож валится из рук,
И всё мне песня слышится
Одна – в лесу, в лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И – бог тебе судья!»

ЧТО ДУМАЕТ СТАРУХА, КОГДА ЕЙ НЕ СПИТСЯ

В позднюю ночь над усталой деревнею
Сон непробудный царит,
Только старуху столетнюю, древнюю
Не посетил он. – Не спит,

Мечется по печи, охает, мается,
Ждет – не поют петухи!
Вся-то ей долгая жизнь представляется,
Всё-то грехи да грехи!

«Охти мне! часто владыку небесного
Я искушала грехом:
Нутко-се! с ходу-то, с ходу-то крестного
Раз я ушла с пареньком

В рощу… Вот то-то! мы смолоду дурочки,
Думаем: милостив бог!
Раз у соседки взяла из-под курочки
Пару яичек… ох! ох!

В страдную пору больной притворилася —
Мужа в побывку ждала…
С Федей-солдатиком чуть не слюбилася…
С мужем под праздник спала.

Охти мне… ох! угожу в преисподнюю!
Раз, как забрили сынка,
Я возроптала на благость господнюю,
В пост испила молока, —

То-то я грешница! то-то преступница!
С горя валялась пьяна…
Божия матерь! Святая заступница!
Вся-то грешна я, грешна!..»

КАЛИСТРАТ

Надо мной певала матушка,
Колыбель мою качаючи:
«Будешь счастлив, Калистратушка!
Будешь жить ты припеваючи!»

И сбылось, по воле божией,
Предсказанье моей матушки:
Нет богаче, нет пригожее,
Нет нарядней Калистратушки!

В ключевой воде купаюся,
Пятерней чешу волосыньки,
Урожаю дожидаюся
С непосеянной полосыньки!

А хозяйка занимается
На нагих детишек стиркою,
Пуще мужа наряжается, —
Носит лапти с подковыркою!..

* * *

Надрывается сердце от муки,
Плохо верится в силу добра,
Внемля *в* мире царящие звуки
Барабанов, цепей, топора.
Но люблю я, весна золотая,
Твой сплошной, чудно-смешанный шум;
Ты ликуешь, на миг не смолкая,
Как дитя, без заботы и дум.
В обаянии счастья и славы,
Чувству жизни ты вся предана, —
Что-то шепчут зеленые травы,
Говорливо струится волна;
В стаде весело ржет жеребенок,
Бык с землей вырывает траву,
А в лесу белокурый ребенок —
Чу! кричит: «Парасковья, ау!»
По холмам, по лесам, над долиной
Птицы севера вьются, кричат,
Разом слышны – напев соловьиный
И нестройные писки галчат,
Грохот тройки, скрипенье подводы,

Крик лягушек, жужжание ос,
Треск кобылок, – в просторе свободы
Всё в гармонию жизни слилось…

Я наслушался шума инова…
Оглушенный, подавленный им,
Мать-природа! иду к тебе снова
Со всегдашним желаньем моим —
Заглуши эту музыку злобы!
Чтоб душа ощутила покой
И прозревшее око могло бы
Насладиться твоей красотой.

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

Ваня *(в кучерском армячке)* Папаша! кто строил эту дорогу?
Папаша *(в пальто на красной подкладке)*
Граф Петр Андреевич Клейнмихель, душенька!
Разговор в вагоне

I

Славная осень! Здоровый, ядреный
Воздух усталые силы бодрит;
Лед неокрепший на речке студеной
Словно как тающий сахар лежит;

Около леса, как в мягкой постели,
Выспаться можно – покой и простор! —
Листья поблекнуть еще не успели,
Желты и свежи лежат, как ковер.

Славная осень! Морозные ночи,
Ясные, тихие дни…
Нет безобразья в природе! И кочи,
И моховые болота, и пни —

Всё хорошо под сиянием лунным,
Всюду родимую Русь узнаю…
Быстро лечу я по рельсам чугунным,
Думаю думу свою…

II

«Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?

Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Труд этот, Ваня, был страшно громаден, —
Не по плечу одному!
В мире есть царь: этот царь беспощаден,
Голод названье ему.

Водит он армии; в море судами
Правит; в артели сгоняет людей,

Ходит за плугом, стоит за плечами
Каменотесцев, ткачей.

Он-то согнал сюда массы народные.
Многие – в страшной борьбе,
К жизни воззвав эти дебри бесплодные,
Гроб обрели здесь себе.

Прямо дороженька: насыпи узкие,
Столбики, рельсы, мосты.
А по бокам-то всё косточки русские…
Сколько их! Ванечка, знаешь ли ты?

Чу! восклицанья послышались грозные!
Топот и скрежет зубов;
Тень набежала на стекла морозные…
Что там? Толпа мертвецов!

То обгоняют дорогу чугунную,
То сторонами бегут.
Слышишь ты пение?.. …В ночь эту лунную
Любо нам видеть свой труд!

Мы надрывались под зноем, под холодом,
С вечно согнутой спиной,
Жили в землянках, боролися с голодом,
Мерзли и мокли, болели цингой.

Грабили нас грамотеи-десятники,
Секло начальство, давила нужда…
Всё претерпели мы, божий ратники,
Мирные дети труда!

Братья! Вы наши плоды пожинаете!
Нам же в земле истлевать суждено…
Всё ли нас, бедных, добром поминаете
Или забыли давно?..»

Не ужасайся их пения дикого!
С Волхова, с матушки Волги, с Оки,
С разных концов государства великого —
Это всё братья твои – мужики!

Стыдно робеть, закрываться перчаткою.
Ты уж не маленький!.. Волосом рус,
Видишь, стоит, изможден лихорадкою,
Высокорослый, больной белорус:

Губы бескровные, веки упавшие,

Язвы на тощих руках,
Вечно в воде по колено стоявшие
Ноги опухли; колтун в волосах;

Я мою грудь, что на заступ старательно
Изо дня в день налегала весь век…
Ты приглядись к нему, Ваня, внимательно:
Трудно свой хлеб добывал человек!

Не разогнул свою спину горбатую
Он и теперь еще: тупо молчит
И механически ржавой лопатою
Мерзлую землю долбит!

Эту привычку к труду благородную
Нам бы не худо с тобой перенять…
Благослови же работу народную
И научись мужика уважать.

Да не робей за отчизну любезную…
Вынес достаточно русский народ,
Вынес и эту дорогу железную —
Вынесет всё, что господь ни пошлет!

Вынесет всё – и широкую, ясную
Грудью дорогу проложит себе.
Жаль только – жить в эту пору прекрасную
Уж не придется – ни мне, ни тебе».

В эту минуту свисток оглушительный
Взвизгнул – исчезла толпа мертвецов!
«Видел, папаша, я сон удивительный, —
Ваня сказал, – тысяч пять мужиков,

Русских племен и пород представители
Вдруг появились – и *он* мне сказал:
…Вот они – нашей дороги строители!..»»
Захохотал генерал!

– Был я недавно в стенах Ватикана,
По Колизею две ночи бродил,
Видел я в Вене святого Стефана,
Что же… всё это народ сотворил?

Вы извините мне смех этот дерзкий,
Логика ваша немножко дика.
Или для вас Аполлон Бельведерский
Хуже печного горшка?

Вот ваш народ – эти термы и бани,
Чудо искусства – он всё растаскал! —
«Я говорю не для вас, а для Вани…»
Но генерал возражать не давал:

– Ваш славянин, англосакс и германец
Не создавать – разрушать мастера,
Варвары! дикое скопище пьяниц!..
Впрочем, Ванюшей заняться пора;

Знаете, зрелищем смерти, печали
Детское сердце грешно возмущать.
Вы бы ребенку теперь показали
Светлую сторону… —

IV

«Рад показать!
Слушай, мой милый: труды роковые
Кончены – немец уж рельсы кладет.
Мертвые в землю зарыты; больные

Тесной гурьбой у конторы собрался…
Крепко затылки чесали они:
Каждый подрядчику должен остался,
Стали в копейку прогульные дни!

Всё заносили десятники в книжку —
Брал ли на баню, лежал ли больной:
…Может, и есть тут теперича лишку,
Да вот поди ты!..» Махнули рукой…

В синем кафтане – почтенный лабазник,
Толстый, присадистый, красный, как медь,
Едет подрядчик по линии в праздник,
Едет работы свои посмотреть.

Праздный народ расступается чинно…
Пот отирает купчина с лица
И говорит, подбоченясь картинно:
…Ладно… нешто… молодца!.. молодца!..

С богом, теперь по домам, – проздравляю!
(Шапки долой – коли я говорю!)
Бочку рабочим вина выставляю
И – *недоимку дарю!..»*

Кто-то «ура» закричал. Подхватили
Громче, дружнее, протяжнее… Глядь:
С песней десятники бочку катили…
Тут и ленивый не мог устоять!

Выпряг народ лошадей – и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал…
Кажется, трудно отрадней картину
Нарисовать, генерал?..»

ПАМЯТИ ДОБРОЛЮБОВА

Суров ты был, ты в молодые годы
Умел рассудку страсти подчинять.
Учил ты жить для славы, для свободы,
Но более учил ты умирать.

Сознательно мирские наслажденья
Ты отвергал, ты чистоту хранил,
Ты жажде сердца не дал утоленья;
Как женщину, ты родину любил,
Свои труды, надежды, помышленья

Ты отдал ей; ты честные сердца
Ей покорял. Взывая к жизни новой,
И светлый рай, и перлы для венца
Готовил ты любовнице суровой,

Но слишком рано твой ударил час
И вещее перо из рук упало.
Какой светильник разума угас!
Какое сердце биться перестало!

Года минули, страсти улеглись,
И высоко вознесся ты над нами…
Плачь, русская земля! но и гордись —
С тех пор, как ты стоишь под небесами,

Такого сына не рождала ты
И в недра не брала свои обратно:
Сокровища душевной красоты
Совмещены в нем были благодатно…

Природа-мать! когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни…

О ПОГОДЕ

‹Часть первая›

УЛИЧНЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Что за славная столица
Развеселый Петербург!
Лакейская песня

I

УТРЕННЯЯ ПРОГУЛКА

Слава богу, стрелять перестали!
Ни минуты мы нынче не спали,
И едва ли кто в городе спал:
Ночью пушечный гром грохотал,
Не досна! Вся столица молилась,
Чтоб Нева в берега воротилась,
И минула большая беда —
Понемногу сбывает вода.
Начинается день безобразный —
Мутный, ветреный, темный и грязный.
Ах, еще бы на мир нам с улыбкой смотреть!
Мы глядим на него через тусклую сеть,
Что как слезы струится по окнам домов
От туманов сырых, от дождей и снегов!

Злость берет, сокрушает хандра,
Таки просятся слезы из глаз.
Нет! Я лучше уйду со двора…
Я ушел – и наткнулся как раз
На тяжелую сцену. Везли на погост
Чей-то вохрой окрашенный гроб
Чрездлинный Исакиев мост.
Передгробом не шли ни родные, ни поп,
Не лежала на нем золотая парча,
Только, в крышу дощатого гроба стуча,
Прыгал град да извозчик-палач
Бил кургузым кнутом спотыкавшихся кляч,
И вдоль спин побелевших удары кнута

Полосами ложились. Съезжая с моста,
Зацепила за дроги коляска, стремглав
С офицером, кричавшим «пошел!» проскакав,
Гроб упал и раскрылся.

«Сердечный ты мой!
Натерпелся ты горя живой,
Да пришлося терпеть и по смерти…
То случился проклятый пожар,
То теперь наскакали вдруг – черти!
Вот уж подлинно бедный Макар!
Дом-то, где его тело стояло,
Загорелся, – забыли о нем, —
Я схватилась: побились немало,
Да спасли-таки гроб целиком,
Так опять неудача сегодня!
Видно, участь его такова…
Расходилась рука-то господня,
Не удержишь!..»

Такие слова
Говорила бездушно и звонко,
Подбежав к мертвецу впопыхах,
Провожавшая гроб старушонка,
В кацавейке, в мужских сапогах.
«Вишь, проклятые! Ехать им тесно!»
– Кто он был? – я старуху спросил.
«Кто он был? да чиновник, известно;
В департаментах разных служил.
Петербург ему солон достался:
В наводненье жену потерял,
Целый век по квартирам таскался
И четырнадцать раз погорал.
А уж службой себя как неволил!
В будни сиднем сидел да писал,
А по праздникам ноги мозолил —
Всё начальство свое поздравлял.
Вот и кончилось тем – простудился!
Звал из Шуи родную сестру,
Да деньжонок послать поскупился.
…Так один, – говорит, – и умру,
Не дождусь… кто меня похоронит?
Хоть уж ты не оставь, помоги!
Страх, бывало, возьмет, как застонет!
Подари, – говорю, – сапоги,
А то, вишь, разошелся дождище!
Неравно в самом деле умрешь,
В чем пойду проводить на кладбище?
Закивал головой…» – Ну и что ж? —

«Ну и умер – и больше ни слова:
Надо места искать у другова!»
– И тебе его будто не жаль? —
«Что жалеть! нам жалеть недосужно,
Что жалеть? хоронить теперь нужно.
Эка, батюшки, страшная даль!
Эко времечко!.. Господи боже!
Как ни дорого бедному жить,
Умирать ему вдвое дороже.
На кладбище-то место купить,
Да попу, да на гроб, да на свечи…»

Говоря эти грустные речи,
До кладбища мы скоро дошли
И покойника в церковь внесли.
Много их там гуртом отпевалось,
Было тесно – и трудно дышалось.
Я ушел по кладбищу гулять;
Там одной незаметной могилы,
Где уснули великие силы,
Мне хотелось давно поискать.

Сделав даром три добрые круга,
Я у сторожа вздумал спросить.
Имя, званье, все признаки друга
Он заставил пять раз повторить
И сказал: «Нет, такого не знаю;
А, пожалуй, примету скажу,
Как искать: ты ищи его с краю,
Перешедши вон эту межу,
И смотри: где кресты – там мещане,
Офицеры, простые дворяне;

Над чиновником больше плита,
Под плитой же бывает учитель,
А где нет ни плиты, ни креста,
Там, должно быть, и есть сочинитель».

За совет я спасибо сказал,
Но могилы в тот день не искал.
Я старуху знакомую встретил
И покойника с ней хоронил.
День, по-прежнему гнил и не светел,
Вместо града дождем нас мочил.
Средь могил, по мосткам деревянным
Довелось нам долгонько шагать.
Впереди, под навесом туманным
Открывалась болотная гладь:
Ни жилья, ни травы, ни кусточка,

Всё мертво – только ветер свистит.
Вон виднеется черная точка:
Это сторож. «Скорее!» – кричит.
По танцующим жердочкам прямо
Мы направились с гробом туда.
Наконец вот и свежая яма,
И уж в ней по колено вода!
В эту воду мы гроб опустили,
Жидкой грязью его завалили,
И конец! Старушонка опять
Не могла пересилить досады:
«Ну, дождался, сердечный, отрады!
Что б уж, кажется, с мертвого взять?
Да господь, как захочет обидеть,
Так обидит: вчера погорал,
А сегодня, изволите видеть,
Из огня прямо в воду попал!»
Я взглянул на нее – и заметил,
Что старухе-то жаль бедняка:
Бровь одну поводило слегка…
Я немым ей поклоном ответил
И ушел… Я доволен собой,
Я недаром на улицу вышел:
Я хандру разогнал – и смешной
Каламбур на кладбище услышал,
Подготовленный жизнью самой…

II

ДО СУМЕРЕК

1

Ветер что-то удушлив не в меру,
В нем зловещая нота звучит,
Всё холеру – холеру – холеру —
Тиф и всякую немочь сулит!
Все больны, торжествует аптека
И варит свои зелья гуртом;
В целом городе нет человека,
В ком бы желчь не кипела ключом;
Муж, супругою страстно любимый,
В этот день не понравится ей,
И преступник, сегодня судимый,

Вдвое больше получит плетей.
Всюду встретишь жестокую сцену, —
Полицейский, не в меру сердит,
Тесаком, как в гранитную стену,
В спину бедного Ваньки стучит.
Чу! визгливые стоны собаки!
Вот сильней, – видно, треснули вновь.
Стали греться – догрелись до драки
Два калашника… хохот – и кровь!

2

Под жестокой рукой человека
Чуть жива, безобразно тоща,
Надрывается лошадь-калека,
Непосильную ношу влача.
Вот она зашаталась и стала.
«Ну!» – а погонщик полено схватил
(Показалось кнута ему мало) —
И уж бил ее, бил ее, бил!
Ноги как-то расставив широко,
Вся дымясь, оседая назад,
Лошадь только вздыхала глубоко
И глядела… (так люди глядят,
Покоряясь неправым нападкам).
Он опять: по спине, по бокам,
И, вперед забежав, по лопаткам

И по плачущим, кротким глазам!
Всё напрасно. Клячонка стояла,
Полосатая вся от кнута,
Лишь на каждый удар отвечала
Равномерным движеньем хвоста.
Это праздных прохожих смешило,
Каждый вставил словечко свое,
Я сердился – и думал уныло:
«Не вступиться ли мне за нее?
В наше время сочувствовать мода,
Мы помочь бы тебе и не прочь,
Безответная жертва народа, —
Да себе не умеем помочь!»
А погонщик недаром трудился —
Наконец-таки толку добился!
Но последняя сцена была
Возмутительней первой для взора:
Лошадь вдруг напряглась – и пошла
Как-то боком, нервически скоро,

А погонщик при каждом прыжке,
В благодарность за эти усилья,
Поддавал ей ударами крылья
И сам рядом бежал налегке.

3

Я горячим рожден патриотом,
Я весьма терпеливо стою,
Если войско, несметное счетом,
Переходит дорогу мою.
Ускользнут ли часы из кармана,
До костей ли прохватит мороз
Под воинственный гром барабана,
Не жалею: я истинный Росс!
Жаль, что нынче погода дурная,
Солнца нет, кивера не блестят
И не лоснится масть вороная
Лошадей… Только сабли звенят;
На солдатах едва ли что сухо,
С лиц бегут дождевые струи,
Артиллерия тяжко и глухо
Подвигает орудья свои.
Всё молчит. В этой раме туманной
Лица воинов жалки на вид,
И подмоченный звук барабанный
Словно издали жидко гремит…

4

Прибывает толпа ожидающих,
Сколько дрожек, колясок, карет!
Пеших, едущих, праздно зевающих
Счету нет!
Тут квартальный с захваченным пьяницей,
Как Федотов его срисовал;
Тут старуха с аптечного стекляницей,
Тут жандармский седой генерал;
Тут и дама такая сердитая —
Открывай ей немедленно путь!
Тут и лошадь, недавно побитая:
Бог привел и ее отдохнуть!
Смотрит прямо в окошко каретное,
На стекле надышала пятно.
Вот лицо, молодое, приветное,

Вот и ручка, – раскрылось окно,
И погладила клячу несчастную
Ручка белая… Дождь зачастил,
Словно спрятаться ручку прекрасную
Поскорей торопил.
Тут бедняк итальянец с фигурами,
Тут чухна, продающий грибы,
Тут рассыльный Минай с корректурами.
«Что, старинушка, много ходьбы?»
– Много было до сорок девятого;
Отдохнули потом… да опять
С пятьдесят этак прорвало с пятого,
Успевай только ноги таскать! —
«А какие ты носишь издания?»
– Пропасть их – перечесть мудрено.
Я «Записки» носил с основания,
С «Современником» нянчусь давно:
То носил к Александру Сергеичу,
А теперь уж тринадцатый год
Всё ношу к Николай Алексеичу, —
На Литейной живет.
Слог хорош, а жиденько издание,

Так, оберточкой больше берут.
Вот «Записки» – одно уж название!
Но и эти, случается, врут.
Всё зарезать друг дружку стараются.
Впрочем, нас *же* надуть норовят:
В месяц тридцать листов обещаются,
А рассыльный таскай шестьдесят!
Знай ходи – то в Коломну, то к Невскому,
Даже Фрейганг устанет марать:
«…Объяви, – говорит, – ты Краевскому,
Что я больше не стану читать!..»
Вот и нынче несу что-то спешное —
Да пускай подождут, не впервой.
Эх, умаялось тело-то грешное!.. —
«Да, пора бы тебе на покой».
– То-то нет! говорили мне многие,
Даже доктор (в тридцатом году
Я носил к нему «Курс патологии»):
…Жить тебе, пока ты на ходу!»
И ведь точно: сильней нездоровится,
Коли в праздник ходьба остановится:
Ноет спинушка, жилы ведет!
Я хожу уж полвека без малого,
Человека такого усталого
Не держи – пусть идет!
Умереть бы привел бог со славою,

Отдохнуть отдохнем, потрудясь… —
Принял позу старик величавую,
На Исакия смотрит, крестясь.
Мне понравилась речь эта странная.
«Трудно дело твое!» – я сказал.

– Дела нет, а ходьба беспрестанная,
Зато город я славно узнал!
Знаю, сколько в нем храмов считается,
В каждой улице сколько домов,
Сколько вывесок, сколько шагов
(Так, идешь да считаешь, случается).
Грешен, знаю число кабаков.
Что ни есть в этом городе жителей,
Всех по времени вызнал с лица. —
«Ну, а много видал сочинителей?»
– День считай – не дойдешь до конца,
Чай, и счет потерял в литераторах!
Коих помню – пожалуй, скажу.
При царице, при трех императорах
К ним ходил… при четвертом хожу:
Знал Булгарина, Греча, Сенковского,
У Воейкова долго служил,
В Шепелевском [123] сыпал у Жуковского
И у Пушкина в Царском гостил.
Походил я к Василью Андреичу,
Да гроша от него не видал,
Не чета Александру Сергеичу —
Тот частенько на водку давал.
Да зато попрекал всё цензурою:
Если красные встретит кресты,
Так и пустит в тебя корректурою:
Убирайся, мол, ты!
Глядя, как человек убивается,
Раз я молвил: сойдет-де и так!
…Это кровь, – говорит, – проливается, —
Кровь моя, – ты дурак!..» —

5

Полно ждать! за последней колонною
Отсталые прошли,
И покрытого красной попоною
В заключенье коня провели.
Торжествуя конец ожидания,

[123] Дворец, где долго жил Жуковский.

Кучера завопили «пади!»
Всё спешит. «Ну, старик, до свиданья,
Коли нужно идти, так иди!!!»

6

Я, продрогнув, домой побежал.
Небо, видно, сегодня не сжалится:
Только дождь перестал,
Снег лепешками крупными валится!
Город начал пустеть – и пора!
Только бедный да пьяный шатаются,
Да близ медной статуи Петра,
У присутственных мест дожидаются
Сотни сотен крестьянских дровней
И так щедро с небес посыпаются,
Что за снегом не видно людей.
Чу! рыдание баб истеричное!
Сдали парня?.. Жалей не жалей,
Перемелется – дело привычное!
Злость-тоску мужики на лошадках сорвут,
Коли денежки есть – раскошелятся
И кручинушку штофом запьют,
А слезами-то бабы поделятся!
По ведерочку слез на сестренок уйдет,
С полведра молодухе достанется,
А старуха-то мать и без меры возьмет —
И без меры возьмет – что останется!

III

СУМЕРКИ

Говорят, еще день. Правда, я не видал,
Чтобы месяц свой рог золотой показал,
Но и солнца не видел никто.
Без его даровых, благодатных лучей
Золоченые куполы пышных церквей
И вся роскошь столицы – ничто.
Надо всем, что ни есть: над дворцом и тюрьмой,
И над медным Петром, и над грозной Невой,
До чугунных коней на воротах застав
(Что хотят ускакать из столицы стремглав) —

Надо всем распростерся туман.
Душный, стройный, угрюмый, гнилой,
Некрасив в эту пору наш город большой,
Как изношенный фат без румян…

Наша улица – улиц столичных краса,
В ней дома всё в четыре этажа,
Не лазурны над ней небеса,
Да зато процветает продажа.
Сверху донизу вывески сплошь
Покрывают громадные стены,
Сколько хочешь тут немцев найдешь —
Из Берлина, из Риги, из Вены.
Всё соблазны, помилуй нас бог!
Там перчатка с руки великана,

Там торчит Веллингтонов сапог,
Там с открытою грудью Диана,
Даже ты, Варсонофий Петров,
Подле вывески «Делают гробы»
Прицепил полуженные скобы
И другие снаряды гробов,
Словно хочешь сказать: «Друг-прохожий!
Соблазнись – и умри поскорей!»
Человек ты, я знаю, хороший,
Да многонько родил ты детей —
Непрестанные нужны заказы…
Ничего! обеспечен твой труд,
Бедность гибельней всякой заразы —
В нашей улице люди так мрут,
Что по ней то и знай на кладбища,
Как в холеру, тащат мертвецов:
Холод, голод, сырые жилища —
Не робей, Варсонофий Петров!..

В нашей улице жизнь трудовая:
Начинают ни свет ни заря
Свой ужасный концерт, припевая,
Токари, резчики, слесаря,
А в ответ им гремит мостовая!
Дикий крик продавца-мужика,
И шарманка с пронзительным воем,
И кондуктор с трубой, и войска,
С барабанным идущие боем,
Понуканье измученных кляч,
Чуть живых, окровавленных, грязных,
И детей раздирающий плач
На руках у старух безобразных —
Всё сливается, стонет, гудет,

Как-то глухо и грозно рокочет,
Словно цепи куют на несчастный народ,
Словно город обрушиться хочет.
Давка, говор… (о чем голоса?
Всё о деньгах, о нужде, о хлебе)
Смрад и копоть. Глядишь в небеса,
Но отрады не встретишь и в небе.

Этот омут хорош для людей,
Расставляющих ближнему сети,
Но не жалко ли бедных детей!
Вы зачем тут, несчастные дети?
Неужели душе молодой
Уж знакомы нужда и неволя?
Ах, уйдите, уйдите со мной
В тишину деревенского поля!
Не такой там услышите шум, —
Там шумит созревающий колос,
Усыпляя младенческий ум
И страстей преждевременный голос.
Солнце, воздух, цветов аромат —
Это всех поколений наследство,
За пределами душных оград
Проведете вы сладкое детство.
Нет! вам красного детства не знать,
Не прожить вам покойно и честно.
Жребий ваш… но к чему повторять
То, что даже ребенку известно?

На спине ли дрова ты несешь на чердак,
Через лоб протянувши веревку,
Грош ли просишь, идешь ли в кабак,
Задают ли тебе потасовку —
Ты знаком уже нам, петербургский бедняк,
Нарисованный ловкою кистью
В модной книге, – угрюмый, худой,
Обессмысленный дикой корыстью,
Страхом, голодом, мелкой борьбой.
Мы довольно похвал расточали,
И довольно сплели мы венков
Тем, которые нам рисовали
Любопытную жизнь бедняков.
Где ж плоды той работы полезной?
Увидав, как читатель иной
Льет над книгою слезы рекой,
Так и хочешь сказать: «Друг любезный,
Не сочувствуй ты горю людей,
Не читай ты гуманных книжонок,
Но не ставь за каретой гвоздей,

Чтоб, вскочив, накололся ребенок!»

О ПОГОДЕ

Часть вторая

I

КРЕЩЕНСКИЕ МОРОЗЫ

«Государь мой! куда вы бежите?»
– В канцелярию; что за вопрос?
Я не знаю вас! – «Трите же, трите
Поскорей, бога ради, ваш пос!
Побелел!» – А! весьма благодарен! —
«Ну, а мой-то?» – Да ваш лучезарен! —
«То-то! принял я меры…» – Чего-с? —
«Ничего. Пейте водку в морозы —
Сбережете наверно ваш нос,
На щеках же появятся розы!»

Усмехнувшись, они разошлись,
И за каждым извозчик помчался.
Бедный Ванька! надеждой не льстись,
Чтоб сегодня седок отыскался:
Двадцать градусов, ветер притом —
Бескаретные ходят пешком.

Разыгралися силы господни!
На пространстве пяти саженей
Насчитаешь наверно до сотни
Отмороженных щек и ушей.
Двадцать градусов! щеки и уши, —
Не беда, – как-нибудь ототрем!
Целиком христианские души
Часто гибнут теперь; подождем —
Часовой ли замерзнет, бедняга,
Или Ванька, уснувший в санях,
Всё прочтем, коли стерпит бумага,
Завтра утром в газетных листах.

Ежедневно газетная проза
Обличает проделки мороза;

Кучера его громко клянут,
У подъездов господ поджидая,
Бедняки ему песню поют,
Зубом на зуб едва попадая:

«Уходи из подвалов сырых,
Полутемных, зловонных, дымящихся,
Уходи от голодных, больных,
Озабоченных, вечно трудящихся,
Уходи, уходи, уходи!
Петербургскую голь пощади!»

Но мороз не щадит, – прибавляется.
Приуныла столица; один
Самоед на Неве удивляется:
От каких чрезвычайных причин
На оленях никто не катается?
Там, где строй заготовленных льдин
Возвышается синею клеткою,
Ходит он со своей самоедкою,
Песни родины дальней поет,
Седока-благодетеля ждет…

Самоедские нервы и кости
Стерпят всякую стужу, но вам,
Голосистые южные гости,
Хорошо ли у нас по зимам?
Вспомним – Бозио. Чванный Петрополь
Не жалел ничего для нее.
Но напрасно ты кутала в соболь
Соловьиное горло свое,
Дочь Италии! С русским морозом
Трудно ладить полуденным розам.

Перед силой его роковой
Ты поникла челом идеальным,
И лежишь ты в отчизне чужой
На кладбище пустом и печальном.
Позабыл тебя чуждый народ
В тот же день, как земле тебя сдали,
И давно там другая поет,
Где цветами тебя осыпали.
Там светло, там гудет контрабас,
Там по-прежнему громки литавры.
Да! на севере грустном у нас
Трудны деньги и дороги лавры!

Всевозможные тифы, горячки,
Воспаленья – идут чередом,

Мрут как мухи извозчики, прачки,
Мерзнут дети на ложе своем.
Ни в одной петербургской больнице
Нет кровати за сотню рублей.
Появился убийца в столице,
Бич довольных и сытых людей.
С бедняками, с сословием грубым,
Не имеет он дела! тайком
Ходит он по гостиным, по клубам
С смертоносным своим кистенем.

«Побранился с супругой своею
После ужина Нестор Фомич,
Ухватил за короткую шею
И прихлопнул его паралич!
Генерал Федор Карлыч фон Штубе,
Десятипудовой генерал,
Скушал четверть телятины в клубе,
Крикнул, …пас!» – и со стула не встал!»
Таковы-то теперь разговоры,
Что ни день, то плачевная весть.
В клубах мрак и унынье; обжоры
Поклялися не пить и не есть.

Мучим голодом, страхом томимый,
Сановит и солиден на вид,
В сильный ветер, в мороз нестерпимый,
Кто по Невскому быстро бежит?
И кого он на Невском встречает?
И о чем начался разговор?
В эту пору никто не гуляет,
Кроме мнительных, тучных обжор.
Говоря меж собой про удары,
Повторяя обеты не есть,
Ходят эти угрюмые пары,
До обеда не смея присесть,
А потом наедаются вдвое,
И наутро разносится слух,
Слух ужасный – о новом герое,
Испустившем нечаянно дух!

Никакие известья из Вильно,
Никакие статьи из Москвы
Нас теперь не волнуют так сильно,
Как подобные слухи… Увы!
Неприятно с местечек солидных,
Из хороших казенных квартир
Вдруг, без всяких причин благовидных,
Удаляться в неведомый мир!

Впрочем, если уж смерть неизбежна,
Так зимой умирать хорошо:
Для супруги, нас любящей нежно,
Сохранимся мы чисто, свежо
До последней минуты лобзанья,
И друзьям нашим будет легко
Подходить к нам в минуту прощанья;
Понесут они гроб далеко.
Похоронная музыка чище
И звончей на морозе слышна,
Вместо грязи покрыто кладбище
Белым снегом; сурово-пышна
Обстановка; гроб бросят не в лужу,
Червь не скоро в него заползет,
Сам покойник в жестокую стужу
Дольше важный свой вид сбережет.
И притом, если друг неутешный
Нас живьем схоронить поспешит,
Мы избавимся муки кромешной:
Дело смерти мороз довершит.

Умирай же, богач, в стужу сильную!
Бедняки пускай осенью мрут,
Потому что за яму могильную
Вдвое больше в морозы берут.

II

КОМУ ХОЛОДНО, КОМУ ЖАРКО!

Свечерело. В предместиях дальних,
Где, как черные змеи, летят
Клубы дыма из труб колоссальных,
Где сплошными огнями горят
Красных фабрик громадные стены,
Окаймляя столицу кругом, —
Начинаются мрачные сцены.
Но в предместий мы не пойдем.
Нам зимою приятней столица
Там, где ярко горят фонари,
Где гуляют довольные лица,
Где катаются сами цари.

Надышавшись классической пылью
В Петербурге, паспорт мы берем
И чихать уезжаем в Севилью.

Но кто летом толкается в нем,
Тот ему одного пожелает —
Чистоты, чистоты, чистоты!
Грязны улицы, лавки, мосты,
Каждый дом золотухой страдает;
Штукатурка валится – и бьет
Тротуаром идущий народ,
А для едущих есть мостовая,
Не щадящая бедных боков;
Летом взроют ее, починяя,
Да наставят зловонных костров:
Как дорогой бросаются в очи
На зеленом лугу светляки,
Ты заметишь в туманные ночи
На вершине костров огоньки —
Берегись!.. В дополнение, с мая,
Не весьма-то чиста и всегда,
От природы отстать не желая,
Зацветает в каналах вода…

(Наша Муза парит невысоко,
Но мы пишем не легкий сонет,
Наше дело исчерпать глубоко
Воспеваемый нами предмет.)
Уж давно в тебя летней порою
Не случалося нам заглянуть,
Милый город! где трудной борьбою
Надорвали мы смолоду грудь,
Но того мы еще не забыли,
Что в июле пропитан ты весь
Смесью водки, конюшни и пыли —
Характерная русская смесь.

Но зимой – дышишь вольно; для глаза —
Роскошь! Улицы, зданья, мосты
При волшебном сиянии газа
Получают печать красоты.
Как проворно по хрупкому снегу
Мчится тысячный, кровный рысак!
Даже клячи извозчичьи бегу
Прибавляют теперь. Каждый шаг,
Каждый звук так отчетливо слышен,
Всё свежо, всё эффектно: зимой,
Словно весь посеребренный, пышен
Петербург самобытной красой!
По каналам, что летом зловонны,
Блещет лед, ожидая коньков,
Серебром отливают колонны,
Орнаменты ворот и мостов;

В серебре лошадиные гривы,
Шапки, бороды, брови людей,
И, как бабочек крылья, красивы
Ореолы вокруг фонарей!

Пусть с какой-то тоской безотрадной
Месяц с ясного неба глядит
На Неву, что гробницей громадной
В берегах освещенных лежит,
И на шпиль, за угрюмой Невою,
Перед длинной стеной крепостною,
Наводящей унынье и сплин.
Мы не тужим. У русской столицы,
Кроме мрачной Невы и темницы,
Есть довольно и светлых картин.

Невский полон: эстампы и книги,
Бриллианты из окон глядят,
Вновь прибывшие девы из Риги
Неподдельным румянцем блестят.
Всюду люди – шумят, суетятся.
Вот красивая тройка бежит:
«Не хотите ли с нами кататься?» —
Деве бравый усач говорит.
Поглядела, подумала, села.
И другую сманили, – летят!
Полумерзлые девы несмело
На своих кавалеров глядят.
«Ваше имя?» – Матильда. – «А ваше?»

– Александра. – К Матильде один,
А другой подвигается к Саше.

«Вы модистка?» – Да, шью в магазин. —
«Эй! пошел хорошенько, Тараска!»
Город из виду скоро пропал.

Начинается зимняя сказка:
Ветер злился, гудел и стонал,
Франты песню удалую пели,
Кучер громко подтягивал ей,
Кони, фыркая, вихрем летели,
Злой мороз пробирал до костей.
Прискакали в открытое поле.
– Да куда же везете вы нас?
Мы одеты легко… мудрено ли
Простудиться? – «Приедем сейчас!
Ну, потрогивай! Живо, дружище!»
Снова скачут! Могилы вокруг,

Монументы… «Да это кладбище», —
Шепчет Саша Матильде – и вдруг
Сани набок! Упали девицы…
Повернули назад господа,

И умчали их кони, как птицы.
Девы встали. «Куда ж вы? куда?»
Нет ответа! Несчастные девы
В чистом поле остались одни.
Дикий хохот, лихие напевы
Постепенно умолкли. Они
Огляделись: безлюдно и тихо,

Звезды с ясного неба глядят…
«Мы сегодня потешились лихо!» —
Франты в клубе друзьям говорят…

А театры, балы, маскарады?
Впрочем, здесь и конец, господа,
Мы бы там побывать с вами рады,
Но нас цензор не пустит туда.
До того, что творится в природе,
Дела нашему цензору нет.
«Вы взялися писать о погоде,
Воспевайте же данный предмет!»

– Но озябли мы, друг наш угрюмый!
Пощади – нам погреться пора! —
«Вот вам случай – взгляните: над Думой
Показались два красных шара,
В вашей власти наполнить пожаром
Сто страниц – и погреетесь даром!»

Где ж пожар? пешеходы глядят.
Чу! неистовый топот раздался,
И на бочке верхом полицейский солдат,
Медной шапкой блестя, показался.
Вот другой – не поспеешь считать!
Мчатся вихрем красивые тройки.
Осторожней, пожарная рать!
Кони сытые слишком уж бойки.

Вся команда на борзых конях
Через Невский проспект прокатилась
И на окнах аптек, в разноцветных шарах
Вверх ногами на миг отразилась…

Озадаченный люд толковал,
Где пожар и причина какая?

Вдруг еще появился сигнал,
И промчалась команда другая.
Постепенно во многих местах
Небо вспыхнуло заревом красным,
Топот, грохот! Народ впопыхах
Разбежался по улицам разным,
Каждый в свой торопился квартал,
«Не у нас пи горит? – помышляя, —
Бог помилуй!» Огонь не дремал,
Лавки, церкви, дома пожирая…
Семь пожаров случилось в ту ночь,
Но смотреть их нам было невмочь.
В сильный жар да в морозы трескучие
В Петербурге пожарные случаи
Беспрестанны – на днях как-нибудь
И пожары успеем взглянуть…

БАЛЕТ

Дианы грудь, ланиты Флоры
Прелестны, милые друзья,
Но, каюсь, *ножка Терпсихоры*
Прелестней чем-то для меня;
Она, пророчествуя взгляду
Неоцененную награду,
Влечет условною красой
Желаний своевольный рой…
Пушкин

Свирепеет мороз непавистный.
Нет, на улице трудно дышать.
Муза! нынче спектакль бенефисный,
Нам в театре пора побывать.

Мы вошли среди криков и плеска.
Сядем здесь. Я боюсь первых мест,
Что за радость ослепнуть от блеска
Генеральских, сенаторских звезд.
Лучезарней румяного Феба
Эти звезды: заметно тотчас,
Что они не нахватаны с неба —
Звезды неба не ярки у нас.

Если б смелым, бестрепетным взглядом
Мы решились окинуть тот ряд,
Что зовут «бриллиантовым рядом»,
Может быть, изощренный наш взгляд
И открыл бы предмет для сатиры
(В самом солнце есть пятнышки). Но —:
Немы струны карающей лиры,
Вихорь жизни порвал их давно!

Знайте, люди хорошего тона,
Что я сам обожаю балет.
«Пораженным стрелой Купидона»
Не насмешка – сердечный привет!
Понапрасну не бейте тревогу!
Не коснусь ни военных чинов,
Ни на службе крылатому богу
Севших на ноги статских тузов.
Накрахмаленный денди и щеголь
(То есть: купчик – кутила и мот)
И мышиный жеребчик (так Гоголь
Молодящихся старцев зовет),

Записной поставщик фельетонов,
Офицеры гвардейских полков
И безличная сволочь салонов —
Всех молчаньем прейти я готов!
До балета особенно страстны
Армянин, персиянин и грек,
Посмотрите, как лица их красны
(Не в балете ли весь человек?),
Но и их я оставлю в покое,
Никого не желая сердить.
Замышляю я нечто другое —
Я загадку хочу предложить.

В маскарадной и в оперной зале,
За игрой у зеленых столов,
В клубе, в думе, в манеже, на бале,
Словом: в обществе всяких родов,
В наслажденье, в труде и в покое,
В блудном сыне, в почтенном отце, —
Есть одно – *угадайте, какое?* —
Выраженье на русском лице?..
Впрочем, может быть, вам недосужно.
Муза! дай – если можешь – ответ!
Спору нет: мы различны наружно,
Тот чиновник, а этот корнет,
Тот помешан на тонком приличье,
Тот играет, тот любит поесть,
Но вглядись: при наружном различье
В нас единство глубокое есть:
Нас безденежье всех уравняло —
И великих, и малых людей —
И на каждом челе начертало
Надпись: «Где бы занять поскорей?»

Что, не так ли?..
История та же,
Та же дума на каждом лице,
Я на днях прочитал ее даже
На почтенном одном мертвеце.
Если старец игрив чрезвычайно,
Если юноша вешает нос —
Оба, верьте мне, думают тайно:
Где бы денег занять? вот вопрос!

Вот вопрос! Напряженно, тревожно
Каждый жаждет его разрешить,
Но занять, говорят, невозможно,
Невозможнее долг получить.
Говорят, никаких договоров

Должники исполнять не хотят;
Генерал-губернатор Суворов
Держит сторону их – говорят…
Осуждают юристы героя,
Но ты прав, охранитель покоя
И порядка столицы родной!
Может быть, в долговом отделенье
Насиделось бы всё населенье,
Если б был губернатор другой!

Разорило чиновников чванство,
Прожилась за границею знать,
Отчего оголело дворянство,
Неприятно и речь затевать!
На цветы, на подарки актрисам,
Правда, деньги еще достаем,
Но зато пред иным бенефисом
Рубль на рубль за неделю даем.
Как же быть? Не дешевая школа
Поощрение граций и муз…
Вянет юность обоего пола,
Терпит даже семейный союз:
Тщетно юноши рыщут по балам,
Тщетно барышни рядятся в пух —
Вовсе нет стариков с капиталом,
Вовсе нет с капиталом старух!
Сокрушаются Никольс и Плинке, [124]

Без почину товар их лежит,
Сбыта нет самой модной новинке
(Догадайтесь – откройте кредит!),
Не развозят картонок нарядных
Изомбар, Андрие и Мошра, [125]
А звонят у подъездов парадных
С неоплаченным счетом с утра.
Что модистки! злосчастные прачки
Ходят месяц за каждым рублем!

Опустели рысистые скачки,
Жизни нет за зеленым столом.
Кто, бывало, дурея с азарту,
Кряду игрывал по сту ночей,
Пообедав, поставит на карту
Злополучных пятнадцать рублей
И уходит походкой печальной
В думу, в земство и даже в семью

[124] Хозяева английского магазина.

[125] Известные модистки.

Отводить болтовней либеральной
Удрученную душу свою.
С богом, друг мой! В любом комитете
Побеседовать можешь теперь
О кредите, о звонкой монете,
Об «итогах» дворянских потерь,
И о «брате» в нагольном тулупе,
И о том, за какие грехи
Нас журналы ругают и в клубе
Не дают нам стерляжьей ухи!
Там докажут тебе очевидно,
Что карьера твоя решена!

Да! трудненько и даже обидно
Жить, – такие пришли времена!
Купишь что-нибудь – дерзкий приказчик
Ассигнацию щупать начнет
И потом, опустив ее в ящик,
Долгим взором тебя обведет, —
Так и треснул бы!..

Впрочем, довольно!
Продолжать бы, конечно, я мог,
Факты есть, но касаться их больно!
И притом сохрани меня бог,
Чтоб я стих мой подделкою серий
И кредитных бумаг замарал, —
«Будто нет благородней материй?» —
Мне отечески «некто» сказал.
С этим мненьем вполне я согласен,
Мир идей и сюжетов велик:
Например, как волшебно прекрасен
Бельэтаж – настоящий цветник!
Есть в России еще миллионы,
Стоит только на ложи взглянуть,
Где уселись банкирские жены, —
Сотня тысяч рублей, что ни грудь!
В жемчуге лебединые шеи,
Бриллиант по ореху в ушах!
В этих ложах – мужчины евреи,
Или греки, да немцы в крестах.
Нет купечества русского (стужа
Напугала их, что ли?) Одна
Откупщица, втянувшая мужа
В модный свет, в бельэтаже видна.
Весела ты, но в этом веселье
Можно тот же вопрос прочитать.
И на шее твоей ожерелье —
Погодила б ты им щеголять!

Пусть оно красоты идеальной,
Пусть ты в нем восхитительна, но —
Не затих еще шепот скандальный,
Будто было в закладе оно:
Говорят, чтобы в нем показаться
На каком-то парадном балу, —
Перед гнусным менялой валяться
Ты решилась на грязном полу,
И когда возвращалась ты с бала,
Ростовщик тебя встретил – и снял
Эти перлы… Не так ли достала
Ты опять их?.. Кредит твой упал,
С горя запил супруг сокрушенный,
Бог бы с ним! Расставаться тошней
С этой чопорной жизнью салонной
И с разгулом интимных ночей;
С этим золотом, бархатом, шелком,
С этим счастьем послов принимать.

Ты готова бы с бешеным волком
Покумиться, – чтоб снова блистать,
Но свершились пути провиденья,
Всё погибло – и деньги, и честь!
Нисходи же ты в область забвенья
И супругу дай дух перевесть!
Слаще пить ему водку с дворецким,
«Не белы-то снеги» распевать,
Чем возиться с посольством турецким
И в ответ ему глупо мычать…

Тешить жен – богачам не забота,
Им простительна всякая блажь.
Но прискорбно душе патриота,
Что чиновницы рвутся туда ж.
Марья Савишна! вы бы надели
Платье проще! – Ведь как ни рядись,
Не оденетесь лучше камелий
И богаче французских актрис!
Рассчитайтесь, сударыня, с прачкой
Да в хозяйство прикиньте хоть грош,
А то с дочерью, с мужем, с собачкой
За полтину обед не хорош!

Марья Савишна глаз не спускала
Между тем с старика со звездой.
Вообще в бельэтаже сияло
Много дам и девиц красотой.
Очи чудные так и сверкали,
Но кому же сверкали они?

Доблесть, молодость, сила – пленяли
Сердце женское в древние дни.
Наши девы практичней, умнее,
Идеал их – телец золотой,
Воплощенный в седом иудее,
Потрясающем грязной рукой
Груды золота…

Время антракта
Наконец-то прошло как-нибудь.
(Мы зевали два первые акта,
Как бы в третьем совсем не заснуть.)
Все бинокли приходят в движенье —
Появляется кордебалет.

Здесь позволю себе отступленье:
Соответственной живости нет
В том размере, которым пишу я,
Чтобы прелесть балета воспеть.
Вот куплеты: попробуй, танцуя,
Театрал, их под музыку петь!

Я был престранных правил,
Поругивал балет.
Но раз бинокль подставил
Мне генерал-сосед.

Я взял его с поклоном
И с час не возвращал,
«Однако, вы – *астроном!*» —
Сказал мне генерал.

Признаться, я немножко
Смутился (о профан!)
– Нет… я… но эта ножка…
Но эти плечи… стан… —

Шептал я генералу,
А он, смеясь, в ответ:
«В стремленье к идеалу
Дурного, впрочем, нет.

Не всё ж читать вам Бокля!
Не стоит этот Бокль
Хорошего бинокля…
Купите-ка бинокль!..»

Купил! – и пред балетом
Я преклонился ниц.

Готов я быть поэтом
Прелестных танцовщиц!

Как не любить балета?
Здесь мирный гражданин
Позабывает лета,
Позабывает чин,

И только ловят взоры
В услужливый лорнет
Что «ножкой Терпсихоры»
Именовал поэт.

Не так следит астроном
За новою звездой,
Как мы… но для чего нам
Смеяться над собой?

В балете мы наивны,
Мы глупы в этот час:
Почти что конвульсивны
Движения у нас:

Вот выпорхнула дева,
Бинокли поднялись;
Взвилася ножка влево —
Мы влево подались;

Взвилася ножка вправо —
Мы вправо… «Берегись!
Не вывихни сустава,
Приятель!..» – Фора! bis! —
……

Bis!.. Но девы, подобные ветру,
Улетели гирляндой цветной!
(Возвращаемся к прежнему метру):
Пантомимного сценой большой
Утомились мы; вальс африканский
Тоже вышел топорен и вял,
Но явилась в рубахе крестьянской
Петипа – и театр застонал!
Вообще мы наклонны к искусству,
Мы его поощряем, но там,
Где есть пища народному чувству,
Торжество настоящее нам;
Неужели молчать славянину,
Неужели жалеть кулака,
Как Бернарди затянет «Лучину»,

Как пойдет Петипа трепака?..
Нет! где дело идет о народе,
Там я первый увлечься готов.
Жаль одно: в нашей скудной природе
На венки не хватает цветов!

Всё – до ластовиц белых в рубахе —
Было верно: на шляпе цветы,
Удаль русская в каждом размахе…
Не артистка – волшебница ты!
Ничего не видали вовеки
Мы сходней: настоящий мужик!
Даже немцы, евреи и греки,
Русофильствуя, подняли крик.
Всё слилось в оглушительном «браво»,
Дань народному чувству платя.
Только ты, моя Муза! Лукаво
Улыбаешься… Полно, дитя!
Неуместна здесь строгая дума,
Неприлична гримаса твоя…
Но молчишь ты, скучна и угрюма…
Что ж ты думаешь, Муза моя?..

На конек ты попала обычный —
На уме у тебя мужики,
За которых на сцене столичной
Петипа пожинает венки,
И ты думаешь: «Гурия рая!
Ты мила, ты воздушно легка,
Так танцуй же ты «Деву Дуная»,
Но в покое оставь мужика!
В мерзлых лапотках, в шубе нагольной,
Весь заиндевев, сам за себя
В эту пору он пляшет довольно,
Зиму дома сидеть не любя.
Подстрекаемый лютым морозом,
Совершая дневной переход,
Пляшет он за скрипучим обозом,
Пляшет он – даже песни поет!..»

А то есть и такие обозы
(Вот бы Роллер нам их показал!) —
В январе, когда крепки морозы
И народ уже рекрутов сдал,
На Руси, на проселках пустынных
Много тянется поездов длинных…

Прямиком через реки, поля
Едут путники узкой тропою:

В белом саване смерти земля,
Небо хмурое полное мглою.
От утра до вечерней поры
Всё одни пред глазами картины.
Видишь, как, обнажая бугры,
Ветер снегом заносит лощины;
Видишь, как эта снежная пыль,
Непрерывной волной набегая,
Под собой погребает ковыль,
Всегубящей зиме помогая;
Видишь, как под кустом иногда
Припорхнет эта малая пташка,
Что от нас не летит никуда —
Любит скудный наш север, бедняжка!
Или, щелкая, стая дроздов
Пролетит и посядет на ели;
Слышишь дикие стоны волков
И визгливое пенье метели…
Снежно – холодно – мгла и туман…
И по этой унылой равнине
Шаг за шагом идет караван
С седоками в промерзлой овчине.

Как немые, молчат мужики,
Даже песня никем не поется,
Бабы спрятали лица в платки,
Только вздох иногда пронесется
Или крик: «Ну! чего отстаешь? —
Седоком одним меньше везешь!..»

Но напрасно мужик огрызается.
Кляча еле идет – упирается;
Скрипом, визгом окрестность полна.
Словно до сердца поезд печальный
Через белый покров погребальный
Режет землю – и стонет она,
Стонет белое снежное море…
Тяжело ты – крестьянское горе!

Ой ты кладь, незаметная кладь!
Где придется тебя выгружать?..

Как от выстрела дым расползается
На заре по росистым травам,
Это горе идет – подвигается
К тихим селам, к глухим деревням.
Вон – направо – избенки унылые,
Отделилась подвода одна,
Кто-то молвил: «Господь с вами, милые!» —

И пропала в сугробах она…

Чу! клячонку хлестнул старичина…
Эх! чего ты торопишь ее!
Как-то ты, воротившись без сына,
Постучишься в окошко свое?..

В сердце самое русского края
Доставляется кладь роковая!
Где до солнца идет за порог
С топором на работу кручина,
Где на белую скатерть дорог
Поздним вечером светит лучина,
Там найдется кому эту кладь
По суровым сердцам разобрать,
Там она приютится, попрячется —
До другого набора проплачется!

ОСИПУ ИВАНОВИЧУ КОМИССАРОВУ

Не громка моя лира, в ней нет
Величавых, торжественных песен,
Но придет, народится поэт,
Вдохновеньем могуч и чудесен,

Он великую песню споет,
И героями песни той чудной
Будут: царь, что стезей многотрудной
Царство русское к счастью ведет;

Царь, покончивший рабские стоны,
Вековую бесправность людей
И свободных сынов миллионы
Даровавший отчизне своей;

И крестьянин, кого возрастил
В недрах Руси народ православный,
Чтоб в себе – весь народ он явил
Охранителем жизни державной!

Сын народа! тебя я пою!
Будешь славен ты много и много…
Ты велик – как орудие бога,
Направлявшего руку твою!

ПЕСНИ

I

Улюдей-то в дому – чистота, лепота,
А унас-то в дому – теснота, духота.

У людей-то для щей – с солонинкою чан,
А унас-то во щах – таракан, таракан!

У людей кумовья – ребятишек дарят,
А унас кумовья – наш же хлеб приедят!

У людей на уме – погуторить с кумой,
А унас на уме – не пойти бы с сумой?

Кабы так нам зажить, чтобы свет удивить:
Чтобы деньги в мошне, чтобы рожь на гумне;

Чтобшлея в бубенцах, расписная дуга,
Чтобсукно на плечах, не посконь-дерюга;
Чтоб не хуже других нам почет от людей,
Поп в гостях у больших, у детей – грамотей

Чтобы дети в дому – словно пчелы в меду,
А хозяйка в дому – как малинка в саду!

II

КАТЕРИНА

Вянет, пропадает красота моя!
От лихого мужа нет в дому житья.

Пьяный всё колотит, трезвый всё ворчит,
Сам что ни попало из дому тащит!

Не того ждала я, как я шла к венцу!
К брату я ходила, плакалась отцу,

Плакалась соседям, плакалась родной,
Люди не жалеют – ни чужой, ни свой!

«Потерпи, родная, – старики твердят, —
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи, сестрица! – отвечает брат. —
Милого побои не долго болят!»

«Потерпи! – соседи хором говорят. —
Милого побои не долго болят!»

Есть солдатик – Федя, дальняя родея,
Он один жалеет, любит он меня;

Подмигну я Феде, – с Федей мы вдвоем
Далеко хлебами за село уйдем.

Всю открою душу, выплачу печаль,
Всё отдам я Феде – всё, чего не жаль!

«Где ты пропадала?» – спросит муженек.
– Где была, там нету! так-то, мил дружок!

Посмотреть ходила, высока ли рожь! —
«Ах ты дура баба! ты еще и врешь…»

Станет горячиться, станет попрекать…
Пусть его бранится, мне не привыкать!

А и поколотит – не велик наклад —
Милого побои не долго болят!

III

МОЛОДЫЕ

Повенчавшись, Парасковье
Муж имущество казал:
Это стойлице коровье,
А коровку бог прибрал!

Нет перинки, нет кровати,
Да теплы в избе полати,
А в клети, вместо телят,
Два котеночка пищат!

Есть и овощ в огороде —

Хрен да луковица,
Есть и медная посуда —
Крест да пуговица!

IV

СВАТ И ЖЕНИХ

(В кабаке за полуштофом)

1

Ну-тко! Марья у Зиновья,
У Никитишны Прасковья,
Степанида у Петра —
Все невесты, всем пора!
У Кондратьевны Орина, —
Что ни девка, то малина!
Думай, думай! выбирай!
По любую засылай!
Марья малость рябовата,
Да смиренна, вожевата,
Марья, знаешь, мне сродни,
Будет с мужем – ни-ни-ни!

Ай да Марья! Марья – клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб мужу на порох
Не вставала поперек!
Ай да Марья, Марья – клад!
Сватай Марью, Марью, сват!

2

Ну-тко! Вера у Данилы,
Палагея у Гаврилы,
Секлетея у Фрола, —
Замуж всем пора пришла!
У Никиты – Катерина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай – выбирай!

По любую засылай!
Марья, знаешь, шедровита,
Да работать, ух! сердита!
Марья костью широка,
Высока, статна, гладка!

Ай да Марья, Марья – клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб мясо на костях,
Чтобы силушка в руках!
Ай да Марья! Марья – клад!
Сватай Марью, Марью, сват!..

3

Ну-тко! Анна у Егора,
У Антипки Митродора,
Александра у Петра —
Все невесты, всем пора!
У Евстратья – Акулина,
Что ни девка, то малина!
Думай, думай – выбирай!
По любую засылай!
Марья точно шедровита,
Да хозяйка домовита:
Всё примоет, приберет,
Всё до нитки сбережет!

Ай да Марья! Марья – клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
Нам с лица не воду пить,
И с корявой можно жить,
Да чтоб по двору прошла,
Всех бы курочек сочла!
Ай да Марья, Марья – клад!
Сватай Марью, Марью, сват!
(Спрашивают еще полуштоф и начинают снова.)

V

ГИМН

Господь! твори добро народу!
Благослови народный труд,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый суд!

Чтобы благие начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей в народе жажду знанья
И к знанью укажи пути!

И от ярма порабощенья
Твоих избранников спаси,
Которым знамя просвещенья,
Господь! ты вверишь на Руси!..

ЕЩЕ ТРОЙКА

Ямщик лихой, лихая тройка
И колокольчик под дугой,
И дождь, и грязь, но кони бойко
Телегу мчат. В телеге той
Сидит с осанкою победной
Жандарм с усищами в аршин,
И рядом с ним какой-то бледный
Лет в девятнадцать господин.

Все кони взмылены с натуги,
Весь ад осенней русской вьюги
Навстречу; не видать небес,
Нигде жилья не попадает,
Всё лес кругом, угрюмый лес…
Куда же тройка поспешает?
Куда Макар телят гоняет.

2

Какое ты свершил деянье,
Кто ты, преступник молодой?
Выть может, ты имел свиданье
В глухую ночь с чужой женой?
Но подстерег супруг ревнивый
И длань занес – и оскорбил,
А ты, безумец горделивый,
Его на месте положил?

Ответа нет. Бушует вьюга,
Завидев кабачок, как друга,
Жандарм командует: «Стоять!»
Девятый шкалик выпивает…
Чу! тройка тронулась опять!
Гремит, звенит – и улетает
Куда Макар телят гоняет.

3

Иль погубил тебя презренный,
Но соблазнительный металл?

Дитя корысти современной,
Добра чужого ты взалкал,
И в доме издавна знакомом,
Когда все погрузились в сон,
Ты совершил грабеж со взломом
И пойман был и уличен?

Ответа нет. Бушует вьюга;
Обняв преступника, как друга,
Жандарм напившийся храпит;
Ямщик то свищет, то зевает,
Поет… А тройка всё гремит,
Гремит, звенит – и улетает
Куда Макар телят гоняет.

4

Иль, может быть, ночным артистом
Ты не был, друг? и просто мы
Теперь столкнулись с нигилистом,
Сим кровожадным чадом тьмы?
Какое ж адское коварство
Ты помышлял осуществить?
Разрушить думал государство
Или инспектора побить?

Ответа нет. Бушует вьюга,
Вся тройка в сторону с испуга
Шарахнулась. Озлясь, кнутом
Ямщик по всем по трем стегает;
Телега скрылась за холмом,
Мелькнула вновь – и улетает
Куда Макар телят гоняет!..

С РАБОТЫ

«Здравствуй, хозяюшка! Здравствуйте, детки!
Выпить бы. Эки стоят холода!»
– Ин ты забыл, что намедни последки
Выпил с десятником? —

«Ну, не беда!
И без вина отогреюсь я, грешный,
Ты обряди-ка савраску, жена,
Поголодал он весною, сердечный,
Как подобрались сена.

Эк я умаялся!.. Что, обрядила?
Дай-ка горяченьких щец».
– Печи я нынче, родной, не топила,
Не было, знаешь, дровец! —

«Ну, и без щей поснедаю я, грешный.
Ты овсеца бы савраске дала, —
В лето один он управил, сердечный,
Пашни четыре тягла.

Трудно и нынче нам с бревнами было,
Портится путь… Ин и хлебушка нет?..»
– Вышел, родной… У соседей просила,
Завтра сулили чем свет! —

«Ну, и без хлеба улягусь я, грешный.
Кинь под савраску соломки, жена!
В зиму-то вывез он, вывез, сердечный,
Триста четыре бревна…»

* * *

Не рыдай так безумно над ним,
Хорошо умереть молодым!

Беспощадная пошлость ни тени
Положить не успела на нем,
Становись перед ним на колени,
Украшай его кудри венком!
Перед ним преклониться не стыдно,
Вспомни, сколькие пали в борьбе,
Сколько раз уже было тебе

За великое имя обидно!
А теперь его слава прочна:
Под холодною крышкою гроба
На нее не наложат пятна
Ни ошибка, ни сила, ни злоба…

Не хочу я сказать, что твой брат
Не был гордою волей богат,
Но, ты знаешь, кто ближнего любит
Больше собственной славы своей,
Тот и славу сознательно губит,
Если жертва спасает людей.
Но у жизни есть мрачные силы —
У кого не слабели шаги
Перед дверью тюрьмы и могилы?
Долговечность и слава – враги.

Русский гений издавна венчает
Тех, которые мало живут,
О которых народ замечает:
«У счастливого недруги мрут,
У несчастного друг умирает…»

КУЗНЕЦ

(Памяти Н. А. Милютина)

Чуть колыхнулось болото стоячее,
Ты ни минуты не спал.
Лишь не остыло б железо горячее,
Ты без оглядки ковал.
В чем погрешу и чего не доделаю,
Думал, – исправят потом.
Грубо ковал ты, но руку умелую
Видно доныне во всем.
С кем ты делился душевною повестью,
Тот тебя знает один.
Спи безмятежно, с покойною совестью,
Честный кузнец-гражданин!

СТИХОТВОРЕНИЯ ПОСВЯЩЕННЫЕ РУССКИМ ДЕТЯМ

I

ДЯДЮШКА ЯКОВ

Дом – не тележка у дядюшки Якова.
Господи боже! чего-то в ней нет!
Седенький сам, а лошадка каракова;
Вместе обоим сто лет.
Ездит старик, продает понемногу,
Рады ему, да и он-то того:
Выпито вечно и сыт, слава богу.
Пусто в деревне, ему ничего,
Знает, где люди: и куплю, и мену
На полосах поведет старина;
Дай ему свеклы, картофельку, хрену,
Он тебе всё, что полюбится, – на!
Бог, видно, дал ему добрую душу.
Ездит – кричит то и знай:

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

«У дядюшки у Якова
Сбоина макова
Больно лакома —
На грош два кома!
Девкам утехи —
Рожки, орехи!
Эй! малолетки!
Пряники редки,
Всякие штуки:
Окуни, щуки,
Киты, лошадки!
Посмотришь – любы.
Раскусишь – сладки,
Оближешь губы!..»

– Стой, старина! – Старика обступили,
Парней, и девок, и детушек тьма.
Все наменяли сластей, накупили —
То-то была суета, кутерьма!
Смех на какого-то Кузю печального:

Держит коня перед носом сусального;
Конь – загляденье, и лаком кусок…
Где тебе вытерпеть? Ешь, паренек!
Жалко девочку сиротку Феклугпу:
Все-то жуют, а ты слюнки глотай…

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»
«У дядюшки у Якова
Про баб товару всякого.
Ситцу хорошего —
Нарядно, дешево!
Эй! молодицы!
Красны девицы,
Тетушки, сестры!
Платочки пестры,
Булавки востры,
Иглы не ломки,
Шнурки, тесемки!
Духи, помада,
Всё – чего надо!..»

Зубы у девок, у баб разгорелись.
Лен, и полотна, и пряжу несут.
«Стойте! не вдруг! белены вы объелись?
Тише! поспеете!..» Так вот и рвут!
Зорок торгаш, а то просто беда бы!
Затормошили старинушку бабы,
Клянчат, ласкаются, только держись:
– Цвет ты наш маков,
Дядюшка Яков,
Не дорожись! —
«Меньше нельзя, разрази мою душу!
Хочешь бери, а не хочешь – прощай!»

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»
«У дядюшки у Якова
Хватит про всякого.
Новы коврижки —
Гляди-ко: книжки!
Мальчик-сударик,
Купи букварик!
Отцы почтенны!
Книжки не ценны;
По гривне штука —
Деткам наука!
Для ребятишек —
Тимошек, Гришек,

Гаврюшек, Ванек…
Букварь не пряник,
А почитай-ка,
Язык прикусишь…
Букварь не сайка,
А как раскусишь,
Слаще ореха!
Пяток – полтина,
Глянь – и картина!
Ей-ей утеха!
Умен с ним будешь,
Денег добудешь…
По буквари!
По буквари!
Хватай – бери!
Читай – смотри!»

И букварей-таки много купили:
– Будет вам пряников; нате-ка вам! —
Пряники, правда, послаще бы были,
Да рассудилось уж так старикам.
Книжки с картинками, писаны четко —
То-то дойти бы, что писано тут!
Молча крепилась Феклуша-сиротка,

Глядя, как пряники дети жуют,
А как увидела в книжках картинки,
Так на глаза навернулись слезинки.
Сжалился, дал ей букварь старина:
«Коли бедна ты, так будь ты умна!»
Экой старик! видно добрую душу!
Будь же ты счастлив! Торгуй, наживай!

«По грушу! по грушу!
Купи, сменяй!»

II

ПЧЕЛЫ

На-тко медку! с караваем покушай,
Притчу про пчелок послушай!

Нынче не в меру вода разлилась,
Думали, просто идет наводнение,
Только и сухо, что наше селение

По огороды, где ульи у нас.
Пчелка осталась водой окруженная,
Видит и лес, и луга вдалеке,
Ну – и летит, – ничего налегке,
А как назад полетит нагруженная,
Сил не хватает у милой. Беда!
Пчелами вся запестрела вода,
Тонут работницы, тонут сердечные!
Горю помочь мы не чаяли, грешные,
Не догадаться самим бы вовек!
Да нанесло человека хорошего,
Под Благовещенье помнишь прохожего?
Он надоумил, Христов человек!

Слушай, сынок, как мы пчелок избавили:
Я при прохожем тужил-тосковал;
«Вы бы им до суши вехи поставили»,
Это он слово сказал!
Веришь: чуть первую веху зеленую
На воду вывезли, стали втыкать,
Поняли пчелки сноровку мудреную:
Так и валят и валят отдыхать!
Какбогомолки у церкви на лавочке,
Сели – сидят.

Набугре-то ни травочки,
Нуа в лесу и в полях благодать:
Пчелкам не страшно туда залетать,
Всё от единого слова хорошего!
Кушай на здравие, будем с медком.
Благослови бог прохожего!

Кончил мужик, осенился крестом;
Мед с караваем парнишка докушал,
Тятину притчу тем часом прослушал,
И за прохожего низкий поклоп
Господу богу отвесил и он.

III

ГЕНЕРАЛ ТОПТЫГИН

Дело под вечер, зимой,
И морозец знатный.
По дороге столбовой
Едет парень молодой,

Ямщичок обратный;
Не спешит, трусит слегка;
Лошади не слабы,
Да дорога не гладка —
Рытвины, ухабы.
Нагоняет ямщичок
Вожака с медведем:
«Посади нас, паренек,
Веселей доедем!»
– Что ты? с мишкой? – «Ничего!
Он у нас смиренный,

Лишний шкалик за него
Поднесу, почтенный!»
– Ну, садитесь! – Посадил
Бородач медведя,
Сел и сам – и потрусил
Полегоньку Федя…
Видит Трифон кабачок,
Приглашает Федю.
«Подожди ты нас часок!» —
Говорит медведю.
И пошли. Медведь смирен, —
Видно, стар годами,
Только лапу лижет он
Да звенит цепями…
Час проходит; нет ребят,
То-то выпьют лихо!
Но привычные стоят
Лошаденки тихо.

Свечерело, Дрожь в конях,
Стужа злее на ночь;
Заворочался в санях
Михайло Иваныч,
Копи дернули; стряслась
Тут беда большая —
Рявкнул мишка! – понеслась
Тройка как шальная!

Колокольчик услыхал,
Выбежал Федюха,
Да напрасно – не догнал!
Экая поруха!

Быстро, бешено неслась
Тройка – и не диво:
На ухабе всякий раз
Зверь рычал ретиво;

Только стон кругом стоял:
«Очищай дорогу!
Сам Топтыгин-генерал
Едет на берлогу!»
Вздрогнет встречный мужичок,
Жутко станет бабе,
Как мохнатый седочок
Рявкнет на ухабе.
А копям подавно страх —
Не передохнули!
Верст пятнадцать па весь мах
Бедные отдули!

Прямо к станции легат
Тройка удалая.
Проезжающий сидит,
Головой мотая:
Ладит вывернуть кольцо.
Вот и стала тройка;
Сам смотритель на крыльцо

Выбегает бойко.
Видит, ноги в сапогах
И медвежья шуба,
Не заметил впопыхах,
Что с железом губа,
Не подумал: где ямщик
От коней гуляет?
Видит – барин материк,
«Генерал», – смекает.
Поспешил фуражку сняты
«Здравия желаю!
Что угодно приказать,
Водки или чаю?..»
Хочет барину помочь
Юркий старичишка;
Тут во всю медвежью мочь
Заревел наш мишка!
И смотритель отскочил:
«Господи помилуй!
Сорок лет я прослужил
Верой, правдой, силой;
Много видел на тракту
Генералов строгих,
Нет ребра, зубов во рту
Не хватает многих,
А такого не видал,
Господи Исусе!
Небывалый генерал,

Видно, в новом вкусе!..»

Прибежали ямщики,
Подивились тоже;
Видят – дело не с руки,
Что-то тут негоже!
Собрался честной народ,
Всё село в тревоге:
«Генерал в санях ревет,
Как медведь в берлоге!»
Трусбежит, а кто смелей,
Те – потехе ради,
Жмутся около саней;
А смотритель сзади.
Струсил, издали кричит:
«В избу не хотите ль?»
Мишка вновь как зарычит…
Убежал смотритель!
Оробел и убежал
И со всею свитой…

Два часа в санях лежал
Генерал сердитый.
Прибежали той порой
Ямщик и вожатый;
Вразумил народ честной
Трифон бородатый
И Топтыгина прогнал
Из саней дубиной…
А смотритель обругал
Ямщика скотиной…

ДЕДУШКА МАЗАЙ И ЗАЙЦЫ

I

В августе, около Малых Вежей,
С старым Мазаем я бил дупелей.

Как-то особенно тихо вдруг стало,
На небе солнце сквозь тучу играло.

Тучка была небольшая на нем,
А разразилась жестоким дождем!

Прямы и светлы, как прутья стальные,
В землю вонзались струи дождевые

С силой стремительной… Я и Мазай,
Мокрые, скрылись в какой-то сарай.

Дети, я вам расскажу нро Мазая.
Каждое лето домой приезжая,

Я по неделе гощу у него.
Нравится мне деревенька его:

Летом ее убирая красиво,
Исстари хмель в ней родится на диво,

Вся она тонет в зеленых садах;
Домики в ней на высоких столбах

(Всю эту местность вода понимает,
Так что деревня весною всплывает,

Словно Венеция). Старый Мазай
Любит до страсти свой низменный край.

Вдов он, бездетен, имеет лишь внука,
Торной дорогой ходить ему – скука!

За сорок верст в Кострому прямиком
Сбегать лесами ему нипочем:

«Лес не дорога: по птице, по зверю
Выпалить можно». – А леший? – «Не верю!

Раз в кураже я их звал-поджидал
Целую ночь, – никого не видал!

За день грибов насбираешь корзину,
Ешь мимоходом бруснику, малину;

Вечером пеночка нежно поет,
Словно как в бочку пустую удод

Ухает; сыч разлетается к ночи,
Рожки точены, рисованы очи.

Ночью… ну, ночью робел я и сам:
Очень уж тихо в лесу по ночам.

Тихо как в церкви, когда отслужили
Службу и накрепко дверь затворили,

Разве какая сосна заскрипит,
Словно старуха во сне проворчит…»

Дня не проводит Мазай без охоты.
Жил бы он славно, не знал бы заботы,

Кабы не стали глаза изменять:
Начал частенько Мазай пуделять.

Впрочем, в отчаянье он не приходит:
Выпалит дедушка – заяц уходит,

Дедушка пальцем косому грозит:
«Врешь – упадешь!» – добродушно кричит.

Знает он много рассказов забавных
Про деревенских охотников славных:

Кузя сломал у ружьишка курок,
Спичек таскает с собой коробок,

Сядет за кустом – тетерю подманит,
Спичку к затравке приложит – и грянет!

Ходит с ружьишком другой зверолов,
Носит с собою горшок угольков.

«Что ты таскаешь горшок с угольками?»
– Больно, родимый, я зябок руками;

Ежели зайца теперь сослежу,

Прежде я сяду, ружье положу,

Над уголечками руки погрею,
Да уж потом и палю по злодею! —

«Вот так охотник!» – Мазай прибавлял.
Я, признаюсь, от души хохотал.

Впрочем, милей анекдотов крестьянских
(Чем они хуже, однако, дворянских?)

Я от Мазая рассказы слыхал.
Дети, для вас я один записал…

II

Старый Мазай разболтался в сарае:
«В нашем болотистом, низменном крае
Впятеро больше бы дичи велось,
Кабы сетями ее не ловили,
Кабы силками ее не давили;
Зайцы вот тоже, – их жалко до слез!
Только весенние воды нахлынут,
И без того они сотнями гинут, —
Нет! еще мало! бегут мужики,
Ловят, и топят, и бьют их баграми.
Где у них совесть?.. Я раз за дровами
В лодке поехал – их много с реки
К нам в половодье весной нагоняет —
Еду, ловлю их. Вода прибывает.
Вижу один островок небольшой —
Зайцы на нем собралися гурьбой.
С каждой минутой вода подбиралась
К бедным зверькам; уж под ними осталось
Меньше аршина земли в ширину,

Меньше сажени в длину.
Тут я подъехал: лопочут ушами,
Сами ни с места; я взял одного,
Прочим скомандовал: прыгайте сами!
Прыгнули зайцы мои, – ничего!
Только уселась команда косая,
Весь островочек пропал под водой:
…То-то! – сказал я, – не спорьте со мной!
Слушайтесь, зайчики, деда Мазая!»
Этак гуторя, плывем в тишине.
Столбик не столбик, зайчишко на пне,

Лапки скрестивши, стоит, горемыка,
Взял и его – тягота не велика!
Только что начал работать веслом,
Глядь, у куста копошится зайчиха —
Еле жива, а толста как купчиха!
Я ее, дуру, накрыл зипуном —
Сильно Дрожала… Не рано уж было.
Мимо бревно суковатое плыло,
Сидя, и стоя, и лежа пластом,
Зайцев с десяток спасалось на нем.
…Взял бы я вас – да потопите лодку!»
Жаль их, однако, да жаль и находку —
Я зацепился багром за сучок
И за собою бревно поволок…

Было потехи у баб, ребятишек,
Как прокатил я деревней зайчишек:
‚Глянь-ко: что делает старый Мазай!»
Ладно! любуйся, а нам не мешай!
Мы за деревней в реке очутились.
Тут мои зайчики точно сбесились:
Смотрят, на задние лапы встают,
Лодку качают, грести не дают:

Берег завидели плуты косые,
Озимь, и рощу, и кусты густые!..
К берегу плотно бревно я пригнал,
Лодку причалил – и «с богом!» сказал…

И во весь дух
Пошли зайчишки.
А я им:‚У-х!
Живей, зверишки!
Смотри, косой,
Теперь спасайся,
А чур зимой
Не попадайся!
Прицелюсь – бух!
И ляжешь… У-у-у-х!..»

Мигом команда моя разбежалась,
Только на лодке две пары осталось —
Сильно измокли, ослабли; в мешок
Я их поклал – и домой приволок.
За ночь больные мои отогрелись,
Высохли, выспались, плотно наелись;
Вынес я их на лужок; из мешка
Вытряхнул, ухнул – и дали стречка!
Я проводил их всё тем же советом:

,Не попадайтесь зимой!»
Я их не бью ни весною, ни летом,
Шкура плохая, – линяет косой…»

СОЛОВЬИ

Качая младшего сынка,
Крестьянка старшим говорила:
«Играйте, детушки, пока!
Я сарафан почти дошила;

Сейчас буренку обряжу,
Коня навяжем травку кушать,
И вас в ту рощицу свожу —
Пойдем соловушек послушать.

Там их, что в кузове груздей, —
Да не мешай же мне, проказник! —
У нас нет места веселей;
Весною, дети, каждый праздник

По вечерам туда идут
И стар и молод. На поляне
Девицы красные поют,
Гуторят пьяные крестьяне.

А в роще, милые мои,
Под разговор и смех народа
Поют и свищут соловьи
Звончей и слаще хоровода!

И хорошо и любо всем…
Да только (Клим, не трогай Сашу!)
Чуть-чуть соловушки совсем
Не разлщбили рощу нашу:

Ведь наш-то курский соловей
В цене, – тут много их ловили,
Ну, испугалися сетей
Да мимо нас и прокатили!

Пришла, рассказывал ваш дед,
Весна, а роща как немая
Стоит – гостей залетных нет!
Взяла крестьян тоска большая.

Уж вот и праздник наступил,
И на поляне погуляли,
Да праздник им не в праздник был!
Крестьяне бороды чесали.

И положили меж собой —
Умел же бог на ум наставить —
На той поляне, в роще той
Сетей, силков вовек не ставить.

И понемногу соловьи
Опять привыкли к роще пашей,
И нынче, милые мои,
Им места нет любей и краше!

Туда с сетями сколько лет
Никто и близко не подходит,
И строго-настрого запрет
От деда к внуку переходит.

Зато весной весь лес гремит!
Что день, то новый хор прибудет…
Под песни их деревня спит,
Их песня нас поутру будит…

Запомнить надобно и вам,
Избави бог тут ставить сети!
Ведь надо ж бедным соловьям
Дать где-нибудь и отдых, дети…»

Середний сын кота дразнил,
Меньшой полз матери на шею,
А старший с важностью спросил,
Кубарь пуская перед нею:

– А есть ли, мама, для людей
Такие рощицы на свете? —
«Нет, мест таких… без податей
И без рекрутчины нет, дети.

А если б были для людей
Такие рощи и полянки,
Все на руках своих детей
Туда бы отнесли крестьянки!»

НАКАНУНЕ СВЕТЛОГО ПРАЗДНИКА

I

Я ехал к Ростову
Высоким холмом,
Лесок малорослый
Тянулся на нем:

Береза, осина,
Да ель, да сосна;
А слева – долина,
Как скатерть ровна.

Пестрел деревнями,
Дорогами дол,
Он всё понижался
И к озеру шел.

Ни озера, дети,
Забыть не могу,
Ни церкви на самом
Его берегу:

Тут чудо-картину
Я видел тогда!
Ее вспоминаю
Охотно всегда…

II

Начну по порядку:
Я ехал весной,
В страстную субботу,
Пред самой Святой.

Домой поспешая
С тяжелых работ,
С утра мне встречался
Рабочий народ;

Скучая смертельно,
Решал я вопрос:

Кто плотник, кто слесарь,
Маляр, водовоз?

Нетрудное дело!
Идут кузнецы —
Кто их не узнает?
Они молодцы

И петь и ругаться,
Да день не такой!
Идет кривоногий
Гуляка-портной:

В одном сертучишке,
Фуражка как блин, —
Гармония, трубка,
Утюг и аршин!

Смотрите – красильщик!
Узнаешь сейчас:
Нос выпачкан охрой
И суриком глаз;

Он кисти и краски
Несет за плечом,
И словно ландкарта
Передник на нем.

Вот пильщики: сайку
Угрюмо жуют
И словно солдаты
Все в ногу идут,

А пилы стальные
У добрых ребят,
Как рыбы живые,
На плечах дрожат!

Я доброго всем им
Желаю пути,
В родные деревни
Скорее прийти,

Омыть с себя копоть
И пот трудовой
И встретить Святую
С веселой душой…

III

Стемнело. Болтая
С моим ямщиком,
Я ехал всё тем же
Высоким холмом;

Взглянул на долину,
Что к озеру шла,
И вижу – долина
Моя ожила:

На каждой тропинке,
Ведущей к селу,
Толпы появились;
Вечернюю мглу

Огни озарили:
Куда-то идет
С пучками горящей
Соломы народ.

Куда? Я подумать
О том не успел,
Как колокол громко
Ответ прогудел!

У озера ярко;
Горели костры, —
Туда направлялись,
Нарядны, пестры,

При свете горящей
Соломы, – толпы…
У божьего храма
Сходились тропы, —

Народная масса
Сдвигалась, росла.
Чудесная, дети,
Картина была!..

УТРО

Ты грустна, ты страдаешь душою:
Верю – здесь не страдать мудрено.
С окружающей нас нищетою
Здесь природа сама заодно.

Бесконечно унылы и жалки
Эти пастбища, нивы, луга,
Эти мокрые, сонные галки,
Что сидят на вершине стога;

Эта кляча с крестьянином пьяным,
Через силу бегущая вскачь
В даль, сокрытую синим туманом,
Это мутное небо… Хоть плачь!

Но не краше и город богатый:
Те же тучи по небу бегут;
Жутко нервам – железной лопатой
Там теперь мостовую скребут.

Начинается всюду работа;
Возвестили пожар с каланчи;
На позорную площадь кого-то
Провезли – там уж ждут палачи.

Проститутка домой на рассвете
Поспешает, покинув постель;
Офицеры в наемной карете
Скачут за город: будет дуэль.

Торгаши просыпаются дружно
И спешат за прилавки засесть:

Целый день им обмеривать нужно,
Чтобы вечером сытно поесть.

Чу! из крепости грянули пушки!
Наводненье столице грозит…
Кто-то умер: на красной подушке
Первой степени Анна лежит.

Дворник вора колотит – попался!
Гонят стадо гусей на убой;
Где-то в верхнем этаже раздался
Выстрел – кто-то покончил с собой…

ПУТЕШЕСТВЕННИК

В городе волки по улицам бродят,
Ловят детей, гувернанток и дам,
Люди естественным это находят,
Сами они подражают волкам.

В городе волки, и волки на даче,
А уж какая их тьма по Руси!
Скоро, уж там не останется клячи…
Ехать в деревню? Теперь-то? Mercі! [126]

Прусский барон, опоясавши выю
Белым жабо в три вершка ширины,
Ездит один, изучая Россию,
По захолустьям несчастной страны:

«Как у вас хлебушко?» – Нет ни ковриги
«Где у вас скот?» – От заразы подох!
А заикнулся про школу, про книги —
Прочь побежали. – Помилуй нас бог!

Книг нам не надо – неси их к жандар;
В прошлом году у прохожих людей
Мы их купили по гривне за пару,
А натерпелись на тыщу рублей! —

Думает немец: «Уж я не оглох ли?..
К школе привешен тяжелый замок,

Нивы посохли, коровы подохли,
Как эти люди заплатят оброк?»

«Что наблюдать? что записывать в книжку?» —
В грусти барон сам с собой говорит…
Дай ты им гривну да хлеба коврижку,
И наблюдай, немчура, аппетит…

[126] Спасибо (франц.).

ОТЪЕЗЖАЮЩЕМУ

Даже вполголоса мы не певали,
Мы – горемыки-певцы!
Под берегами мы вёдро прождали,
Словно лентяи-пловцы.

Старость подходит – недуги да горе;
Жизнь бесполезно прошла.
Хоть на прощанье в открытое море,
В море царящего зла,

Прямо и смело направить бы лодку. —
Сунься-ка!.. Сделаешь шаг,
А на втором перервут тебе глотку!
Друг моей юности (ныне мой враг)

Я не дивлюсь, что отчизну любезную
Счел ты за лучшее кинуть;
Жить для нее – надо силу железную,
Волю железную – сгинуть.

ЭЛЕГИЯ

А. Н. Е‹рако›ву

Пускай нам говорит изменчивая мода,
Что тема старая «страдания народа»
И что поэзия забыть ее должна,
Не верьте, юноши! не стареет она.
О, если бы ее могли состарить годы!
Процвел бы божий мир!.. Увы! пока народы
Влачатся в нищете, покорствуя бичам,
Как тощие стада по скошенным лугам.
Оплакивать их рок, служить им будет Муза,
И в мире нет прочней, прекраснее союза!..
Толпе напоминать, что бедствует народ,
В то время как она ликует и поет,
К народу возбуждать вниманье сильных мира —
Чему достойнее служить могла бы лира?..

Я лиру посвятил народу своему.
Быть может, я умру неведомый ему,
Но я ему служил – и сердцем я спокоен…
Пускай наносит вред врагу не каждый воин,
Но каждый в бой иди! А бой решит судьба…
Я видел красный день: в России нет раба!
И слезы сладкие я пролил в умиленье…
«Довольно ликовать в наивном увлеченье, —
Шепнула Муза мне. – Пора идти вперед:
Народ освобожден, но счастлив ли народ?..»

Внимаю ль песни жниц над жатвой золотою,
Старик ли медленный шагает за сохою,
Бежит ли по лугу, играя и свистя,
С отцовским завтраком довольное дитя,
Сверкают ли серпы, звенят ли дружно косы —
Ответа я ищу на тайные вопросы,
Кипящие в уме: «В последние года
Сносней ли стала ты, крестьянская страда?
И рабству долгому пришедшая на смену
Свобода наконец внесла ли перемену
В народные судьбы? в напевы сельских дев?
Иль так же горестен нестройный их напев?..»

Уж вечер настает. Волнуемый мечтами,
По нивам, по лугам, уставленным стогами,
Задумчиво брожу в прохладной полутьме,
И песнь сама собой слагается в уме,

Недавних, тайных дум живое воплощенье:
На сельские труды зову благословенье,
Народному врагу проклятия сулю,
А другу у небес могущества молю,
И песнь моя громка!.. Ей вторят долы, нивы,
И эхо дальних гор ей шлет свои отзывы,
И лес откликнулся… Природа внемлет мне,
Но тот, о ком пою в вечерней тишине,
Кому посвящены мечтания поэта, —
Увы! не внемлет он – и не дает ответа…

ПРОРОК

Не говори: «Забыл он осторожность!
Он будет сам судьбы своей виной!..»
Не хуже нас он видит невозможность
Служить добру, не жертвуя собой.

Но любит он возвышенней и шире,
В его душе нет помыслов мирских.
«Жить для себя возможно только в мире,
Но умереть возможно для других!»

Так мыслит он – и смерть ему любезна.
Не скажет он, что жизнь его нужна,
Не скажет он, что гибель бесполезна:
Его судьба давно ему ясна…

Его еще покамест не распяли,
Но час придет – он будет на кресте;
Его послал бог Гнева и Печали
Рабам земли напомнить о Христе.

ПОЭТУ

(Памяти Шиллера)

Где вы – певцы любви, свободы, мира
И доблести?.. Век «крови и меча»!
На трон земли ты посадил банкира,
Провозгласил героем палача…

Толпа гласит: «Певцы не нужны веку!»
И нет певцов… Замолкло божество…
О, кто ж теперь напомнит человеку
Высокое призвание его?..

Прости слепцам, художник вдохновенный,
И возвратись!.. Волшебный факел свой,
Погашенный рукою дерзновенной,
Вновь засвети над гибнущей толпой!

Вооружись небесными громами!
Наш падший дух взнеси на высоту,
Чтоб человек не мертвыми очами
Мог созерцать добро и красоту…

Казни корысть, убийство, святотатство!
Сорви венцы с предательских голов,
Увлекших мир с пути любви и братства,
Стяжанного усильями веков,

На путь вражды!.. В его дела и чувства
Гармонию внести лишь можешь ты.
В твоей груди, гонимый жрец искусства,
Трон истины, любви и красоты.

КАК ПРАЗДНУЮТ ТРУСУ

Время-то есть, да писать нет возможности.
Мысль убивающий страх:
Не перейти бы границ осторожности —
Голову держит в тисках!

Утром мы наше село посещали,
Где я родился и взрос.
Сердце, подвластное старой печали,
Сжалось; в уме шевельнулся вопрос:

Новое время – свободы, движенья,
Земства, железных путей.
Что ж я не вижу следов обновленья
В бедной отчизне моей?

Те же напевы, тоску наводящие,
С детства знакомые нам,
И о терпении новом молящие
Те же попы по церквам.

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак.
Где же ты, тайна довольства народного?
Ворон в ответ мне прокаркал: «Дурак!»

Я обругал его грубо невежею.
На телеграфную нить
Он пересел. «Не донос ли депешею
Хочет в столицу пустить?»

Глупая мысль, но я, долго не думая,
Метко прицелился. Выстрел гремит:
Падает замертво птица угрюмая,
Нить телеграфа дрожит…

З‹И›НЕ

Ты еще на жизнь имеешь право,
Быстро я иду к закату дней.
Я умру – моя померкнет слава,
Не дивись – и не тужи о ней!

Знай, дитя: ей долгим, ярким светом
Не гореть на имени моем:
Мне борьба мешала быть поэтом,
Песни мне мешали быть бойцом.

Кто, служа великим целям века,
Жизнь свою всецело отдает
На борьбу за брата-человека,
Только тот себя переживет…

* * *

Скоро стану добычею тленья.
Тяжело умирать, хорошо умереть;
Ничьего не прошу сожаленья,
Да и некому будет жалеть.

Я дворянскому нашему роду
Блеска лирой моей не стяжал;
Я настолько же чуждым народу
Умираю, как жить начинал.

Узы дружбы, союзов сердечных —
Всё порвалось: мне с детства судьба
Посылала врагов долговечных,
А друзей уносила борьба.

Песни вещие их не допеты,
Пали жертвой насилья, измен
В цвете лет; на меня их портреты
Укоризненно смотрят со стен.

СЕЯТЕЛЯМ

Сеятель знанья на ниву народную!
Почву ты, что ли, находишь бесплодную,

Худы ль твои семена?
Робок ли сердцем ты? слаб ли ты силами?
Труд награждается всходами хилыми,
Доброго мало зерна!
Где ж вы, умелые, с бодрыми лицами,
Где же вы, с полными жита кошницами?
Труд засевающих робко, крупицами,
Двиньте вперед!
Сейте разумное, доброе, вечное,
Сейте! Спасибо вам скажет сердечное
Русский пород…

МОЛЕБЕН

Холодно, голодно в нашем селении.
Утро печальное – сырость, туман,
Колокол глухо гудит в отдалении,
В церковь зовет прихожан.
Что-то суровое, строгое, властное
Слышится в звоне глухом,
В церкви провел я то утро ненастное —
И не забуду о нем.
Всё население, старо и молодо,
С плачем поклоны кладет,
О прекращении лютого голода
Молится жарко народ.
Редко я в нем настроение строже
И сокрушенней видал!
«Милуй народ и друзей его, боже! —
Сам я невольно шептал. —
Внемли моление наше сердечное
О послуживших ему…
Об осужденных в изгнание вечное,
О заточенных в тюрьму,
О претерпевших борьбу многолетнюю
И устоявших в борьбе,
Слышавших рабскую песню последнюю,
Молимся, боже, тебе».

ПОЭТУ

Любовь и Труд – под грудами развалин!
Куда ни глянь – предательство, вражда,
А ты молчишь – бездействен и печален,
И медленно сгораешь со стыда.
И небу шлешь укор за дар счастливый:
Зачем тебя венчало им оно,
Когда душе мечтательно-пугливой
Решимости бороться не дано?..

ОСЕНЬ

Прежде – праздник деревенский,
Нынче – осень голодна;
Нет конца печали женской,
Не до пива и вина.
С воскресенья почтой бредит
Православный наш народ,
По субботам в город едет,
Ходит, просит, узнает:
Кто убит, кто ранен летом,
Кто пропал, кого нашли?
По каким-то лазаретам
Уцелевших развезли?
Так ли жутко! Свод небесный
Темен в полдень, как в ночи;
Не сидится в хате тесной,
Не лежится на печи.
Сыт, согрелся, слава богу,
Только спать бы! Нет, не спишь —
Так и тянет на дорогу,
Ни за что не улежишь.
И бойка ж у нас дорога!
Так увечных возят много,
Что за ними на бугре,
Как проносятся вагоны,
Человеческие стоны
Ясно слышны на заре.

* * *

О Муза! я у двери гроба!
Пускай я много виноват,
Пусть увеличит во сто крат
Мои вины людская злоба —
Не плачь! завиден жребий наш,
Не наругаются над нами:
Меж мной и честными сердцами
Порваться долго ты не дашь
Живому, кровному союзу!
Не русский – взглянет без любви
На эту бледную, в крови,
Кнутом иссеченную Музу…

2